

АПСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АПСУАТЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ: УРОКИ ИСТОРИИ»,
посвященной 20-летию начала Отечественной войны
народа Абхазии
1992-1993 гг.

АБИГИ
Сухум – 2014

УДК 95(0)
ББК 63.3(5Абх)64 я 431
М 34

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ: УРОКИ ИСТОРИИ»,
посвященной 20-летию начала Отечественной войны народа Аб-
хазии 1992-1993 гг. /Ред. коллегия: В. Ш. авидзба, О. Х. Салакая. –
Сухум: Дом печати, 2014 г. – 232 с.– Г/Р 978-5-III-67-11014.**

В данный сборник вошли материалы международной научной конфе-
ренции «Войны на Кавказе: уроки истории», посвященной 20-летию на-
чала Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг., состоявшейся
в Сухуме 11-12 сентября 1992 г.

Книга рассчитана на специалистов и тех, кто интересуются историей
Абхазии и Кавказа.

Ред.коллегия:

Авидзба В. Ш., Бгажба О. Х.,
Салакая С. Ш. (ответственный секретарь), Анчабадзе Ю. Д.,
Ачугба Т. А., Цвинария И. И., Чкок-Эшба Э. М.,
Авидзба А. Ф.

© АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2014

ПРИВЕТСТВИЕ

Дорогие коллеги!

Перед человеческой цивилизацией множатся про-
блемы планетарного, регионального и локального мас-
штаба. К древним, как мир, трудностям продовольствен-
ного обеспечения и поддержания достойного уровня
безопасности личности и этнических общностей добави-
лись сложности в снабжении растущего населения Зем-
ли питьевой водой и водой для орошения, загрязнение
среды обитания и тревожные сдвиги в климате планеты.

Но вместо конструктивного сотрудничества всех
стран и народов в деле устраниния многочисленных
угроз природного и антропогенного характера, мы на-
блюдаем всё новые и новые вооружённые конфликты во
многих частях планеты, несущие чудовищные человечес-
кие и материальные потери.

Вот почему опыт войны и мира в таком важном гео-
политическом регионе, как Кавказ, представляет огром-
ный политический и научный интерес. Разрешите по-
желать участникам конференции в Сухуме глубоких до-
кладов, содержательных дискуссий и плодотворных для
политики и для науки идей.

С глубоким уважением,

директор Института востоковедения

РАН член-корр. РАН

В.В. Наумкин

А.Ф. Авидзба

(Сухум)

**О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
АБХАЗИИ И ГРУЗИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1988–1992 ГГ.)**

Начало очередного витка противостояния Абхазии и Грузии было обусловлено политическими и социально-экономическими изменениями в Советском Союзе, происходившими во второй половине 80-х гг. ХХ века. Тогда на фоне начавшихся серьезных децентрализационных процессов в СССР в Грузии усилилась политика, направленная на растворение абхазов в грузинской этнокультурной среде, чему, естественно, сопротивлялись сами абхазы.

Отправной точкой очередного этапа борьбы абхазского народа за самосохранение является «Абхазское письмо» от 17 июня 1988 года. В нем ставился вопрос о возвращении Абхазии статуса Союзной Социалистической Республики. Аналогичное требование было выдвинуто и народным сходом в с. Лыхны 18 марта 1989 года. Названный сход стал первой крупной акцией Народного форума Абхазии «Аидгылара», учредительный съезд которого состоялся в Сухуме 13 декабря 1988 года.

События в Абхазии, и в частности Лыхненское обращение, стали предлогом, под которым в начале апреля в Тбилиси был собран многодневный митинг, однако настоящие цели его организаторов простирались далеко за пределы «абхазской проблемы». Об этом свидетельствует и то, что в предварительном заключении следственной подкомиссии Комиссии ВС Грузии по расследованию со-

бытий в Тбилиси 9 апреля, состоявшем из 27 пунктов, не упоминаются ни Абхазия, ни «абхазский вопрос».

6 мая в Сухуме началась сидячая забастовка студентов грузинского сектора АГУ с требованием создать Сухумский филиал ТГУ. Это требование было удовлетворено решением грузинских властей 14 мая. В ответ на это, 15 мая в Сухуме собрались абхазы, протестовавшие против открытия филиала, которое они рассматривали как усиление грузинской экспансии в Абхазию. В итоге противостояние достигло своего апогея и в ночь с 15 на 16 июля произошли столкновения грузин и абхазов, в результате которых, по официальным данным, погибло 17 человек.

Эти события стали детонатором создания 26 августа 1989 г. Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК), которая стала сдерживающим фактором в абхазо-грузинском противостоянии.

25 августа 1990 г. Верховный Совет Абхазии принял постановление «О правовых гарантиях защиты государственности Абхазии», в котором говорилось, что «законной формой государственности Абхазии является ССРА». На этой сессии также была принята Декларация, в соответствии с которой был провозглашен государственный суверенитет Абхазии.

На второй день, 26 августа, Президиум Верховного Совета Грузии объявил декларацию и постановление ВС Абхазии «недействительными и не имеющими юридической силы». Этот акт грузинских властей положил начало «войне законов» между Грузией и Абхазией.

4 декабря председателем Верховного Совета Абхазии был избран В. Ардзинба, что подняло борьбу абхазского народа за самоопределение на качественно новый уровень.

16 января 1991 г. Верховный Совет ССР принял Постановление о проведении 17 марта референдума по вопросу о сохранении Союза ССР.

28 февраля Верховный Совет Грузии принял решение не проводить референдум ССР, а вместо него провести референдум по

поводу восстановления независимости Грузии. В тот же день ВС Абхазии напротив принял постановление о проведении референдума ССР. Это привело к резкому обострению противоречий не только между Грузией и Абхазией, но и между сторонниками и противниками референдума в самой Абхазии.

Несмотря на серьезное противодействие, Всесоюзный референдум в Абхазии состоялся. О своей победе заявили и сторонники опроса о независимости Грузии.

С 23 апреля по 23 июля 1991 года проходили заседания Комиссии по подготовке нового Союзного договора. Абхазия принимала участие в новоогаревском процессе, а Грузия стала соучредителем «Кишиневского форума», объединившего республики, выступавшие против Союза.

В ночь с 18 на 19 августа в Москве была предпринята попытка государственного переворота, главными идеологами которого выступили противники нового Союзного договора.

В ответ на требование ГКЧП о повиновении З. Гамсахурдия издал указ о расформировании Национальной гвардии Грузии и включении ее в структуры МВД ССР. Однако командующий Т. Китовани отказался подчиниться, и Национальная гвардия превратилась в вооруженную оппозицию.

Тем временем срок полномочий Верховного Совета Абхазии истек уже в феврале 1990 года. Положение осложнялось тем, что в результате исторических катаклизмов количество абхазов в Абхазии было искусственно доведено до 17%. В таких условиях идти на прямые выборы было бы подобно самоубийству, так как они привели бы к тому, что абхазы в своем Парламенте оказались бы не в состоянии влиять на принимаемые решения.

В ходе переговоров между Тбилиси и Сухумом по выработке закона о выборах абхазская сторона предложила проект, предусматривавший создание двухпалатного парламента, состоявшего из Совета республики и Совета национальностей.

Но этот проект был отвергнут грузинской стороной. Благодаря «джентльменскому соглашению» на сессии ВС Абхазии 9 июля

был принят Закон о выборах, предусматривавший выделение квот: 28 мест – абхазам как коренному народу, 26 – грузинам и 11 – русскоязычному населению. На следующей сессии, которая состоялась 27 августа, уже на фоне неудавшегося путча, депутаты приняли дополнение к Закону о выборах. В статье 2 были конкретно оговорены номера округов, в которых предусматривалось выдвижение представителей только определенной национальности. В целом в Верховный Совет Абхазии после всех туров голосований было избрано 64 депутата: 28 абхазов, 25 грузин. Из остальных депутатов грузинскую сторону поддерживали 6 человек, а абхазскую сторону – 5.

29 декабря 1991 г., на фоне прекращения существования СССР и продолжавшейся «Тбилисской революции», были созданы – Отдельный полк внутренних войск Абхазии, который подчинялся лично В. Ардзинба и Временный совет по координации деятельности и переподчинении воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии.

6 января 1992 г. «Тбилисская революция» завершилась захватом бункера Дома правительства, в котором находился З. Гамсахурдиа. Власть в Грузии перешла к сформированному еще 1 января Военному Совету, который уже 2 января принял решение о прекращении действия Конституции Грузинской ССР.

6 января состоялось первое заседание сессии Верховного Совета Абхазии нового созыва. Депутаты избрали Председателем В. Ардзинба, его первым заместителем – Т. Надарейшвили, заместителем – А. Тополяна. Но работа Парламента была осложнена государственным переворотом в Грузии. Жизнь в Абхазии была парализована бесконечными митингами, шествиями и демонстрациями, участники которых требовали возвращения к власти законного Президента Грузии.

4 февраля для борьбы со звиадистами в Абхазию было введено подразделение Национальной гвардии Грузии. Однако грузинские гвардейцы занялись здесь мародерством, грабежом, разбоем и убийствами. Затем они совершили марш-бросок на «Икарусах»

на реку Псоу, где было устроено «театрализованное представление» с целованием «родной земли» и ритуальным питьем воды из «грузинской» реки.

7 марта в Тбилиси прилетел Э. Шеварднадзе, 10 марта создан Государственный Совет Грузии под его председательством. А 11 марта в Сухуме с целью преодоления противоречий среди грузинских организаций в Абхазии и их консолидации для борьбы с «абхазским сепаратизмом» был создан Прогрессивно-Демократический Союз Абхазии (ПДСА).

3 апреля войска Госсовета Грузии подошли к границе Абхазии, где 5 апреля произошли боевые столкновения, в результате которых погиб военнослужащий ОПВВ Абхазии Д. Агрба.

5 мая на сессии Верховного Совета решался вопрос о главе правительства Абхазии. Грузинская депутатация выдвинула кандидатуру Г. Ломинадзе, которая при тайном голосовании не была поддержанна. После этого была предложена кандидатура В. Зарандия. В ответ на это грузинская депутатация, в очередной раз, покинула зал заседаний, но в отличие от подобных демаршей, предпринимавшихся ранее, больше в него не возвращалась. А 9 мая был создан Совет Национального Единства, куда вошли все грузинские организации Абхазии, кроме «Круглого стола».

Министр ВД Г. Ломинадзе, освобожденный от должности на сессии 8 мая, отказался покинуть служебный кабинет. Более того, он заявил, что министром должен быть грузин и перевел личный состав на казарменное положение. Все это резко обострило и без того сложную ситуацию. Нагнетанию обстановки способствовал и тот факт, что грузинская депутатация совместно с ПДСА приступила к формированию параллельных структур власти в Абхазии.

Тем временем, еще 15 мая в Ташкенте бывшие республики СССР подписали соглашение, по которому они разделили между собой советские вооруженные силы. Именно содержание этого договора, по всей видимости, позволило Э. Шеварднадзе в ночь с 11 на 12 августа, заявить следующее: «Сейчас у Грузии довольно

многочисленная вооруженная армия, у нее достаточно и оружия». Отныне это обстоятельство играло главенствующую роль в формулировании и осуществлении политики Грузии по отношению к Абхазии.

23 июля Верховный Совет Абхазии принял Постановление «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года». В пункте 5 Конституции говорилось: «Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти». Сессия также приняла новое название страны – Республика Абхазия.

С 24 по 31 июля состоялся визит В. Ардзинба в Турцию, который придал мощный импульс движению абхазской диаспоры в поддержку исторической родины, что отчетливо проявилось после начала грузинской агрессии против Абхазии.

31 июля Грузия была принята в ООН, что развязало ей руки в отношении Абхазии.

11 августа в Зугдиди были захвачены 12 представителей госсовета Грузии. 12 августа в Тбилиси состоялся митинг, который предъявил ультиматум тем, кто похитил и укрывал заложников якобы в Абхазии, срок которого истек 13 августа. Тогда министру обороны Грузии было «поручено проведение операций по ликвидации преступных групп, охране дорог и освобождению заложников».

В то время, когда в Грузии готовились к войне, Верховный Совет Абхазии обратился 12 августа к госсовету Грузии с предложением заключить Договор. Проект этого договора должны были обсудить 14 августа на сессии ВС Абхазии. Но она не состоялась – за несколько часов до ее открытия грузинские войска вторглись в Абхазию. Целью вторжения было насилиственное сохранение ее колониального статуса, что «является тяжким международным преступлением, влекущим международную ответственность государства-колонизатора». Но тогда никто (кроме самих абхазов и их братьев из Северного Кавказа) и не вспоминал о правах челове-

ка, о праве нации на самоопределение, о других неотъемлемых правах и свободах, предусмотренных в многочисленных международно-правовых документах.

Некоторые авторы повторяют и навязывают своим читателям мысль о том, что войну начали Ардзинба и абхазы. Однако 14 августа 1992 г. грузинские войска были остановлены у абхазской столицы, а не абхазские формирования – на территории Грузии.

Призыв В. Ардзинба к сопротивлению грузинской агрессии был услышен.

Абхазия одержала победу в этой войне уже 14 августа 1992 года – в день ее начала!

С. З. Лакоба
(Сухум)

К 20-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВОЙНЫ ГРУЗИИ ПРОТИВ АБХАЗИИ

*Бывший министр обороны Грузии:
о войне и ситуации вокруг Абхазии (1992–1993 гг.).*

В свое время поэт Николай Глазков очень ёмко сказал о двадцатом столетии:

*Я на мир взираю из-под столика,
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней!*

Вот и сегодня вспоминаются события уже из прошлого, XX века, когда на пространстве бывшего СССР вспыхнули войны, конфликты, столкновения... Одно из наиболее кровавых событий того века – война, развязанная Грузией против Абхазии. Тбилисские власти пытались обвинить в произошедшем руководство нашей страны. Шеварднадзе с самого начала придумывал различные подводы, версии, причины, почему войска госсовета вторглись в Абхазию, намекая при этом и на своего министра обороны Т.Китовани как на виновника случившегося. Однако свидетельства многих грузинских военно-политических деятелей говорят о начале этой войны как о личной инициативе, прежде всего самого Э. Шеварднадзе. Достаточно веские основания приведены в воспоминани-

ях, например, таких генералов, как З.Мамулашвили, Г.Ломинадзе и других, которые неоднократно цитировались абхазскими политиками и историками.

И вот в 2006 г. мне стало известно о том, что в Тбилиси чуть ли не в «самиздате» мизерным тиражом издана книжка «Заметки десантника-комиссара». Ее автор, один из самых приближенных людей Шеварднадзе, генерал Леван Шарашенидзе, который с января по май 1992 г. возглавлял министерство обороны Грузии. В этот период он неоднократно приезжал в Сухум и вел переговоры с Владиславом Ардзинба. Воспоминания генерала Л.Шарашенидзе, можно сказать, драгоценный источник, т.к. он расставляет все акценты в этой военной авантюре и называет главного виновника войны, развязанной в 1992 году. Вот что он пишет о событиях накануне вторжения:

«... Э.А. Шеварднадзе в этот период ни разу не встретился с В.Г. Ардзинба, хотя тот на встречу был согласен, даже с приездом в Тбилиси. У меня было несколько встреч с Ардзинбой, и я подтверждаю это, а так же и то, что абхазское руководство в то время положительно отнеслось к возвращению Э.А.Шеварднадзе в Грузию и возлагало на это определенные надежды. Во всяком случае, с руководством Абхазии можно и нужно было вести переговоры самому Э.А. Шеварднадзе, [но] он почему-то тянул и связывал свою встречу с определенными условиями. В этот период, май-июнь 1992 г., я четырежды встречался с Ардзинбой и подтверждаю все вышеизложенное. Очень подробно после каждой встречи я докладывал Шеварднадзе в том числе и о готовности Ардзинба встретиться с ним¹.

Судя по всему, такой министр-миротворец не пришелся тогда ко двору и был заменен в мае 1992 г. на криминального Тенгиза Китовани. Совершенно очевидно, что Шеварднадзе, со своей манией величия, уже выбрал для себя сценарий – силовое решение абхазской проблемы. В то же время он все же опасался реакции Москвы, т.к. хотел, образно выражаясь, войти в Абхазию, не входя в

¹ Шарашенидзе Л. Заметки десантника-комиссара. – Тбилиси. 2006. – С.76-77.

СНГ. А вхождение Грузии в СНГ было главным условием возврата Э. Шеварднадзе в Тбилиси, куда он мог вернуться при военно-политической поддержке Кремля. Возглавив госсовет Грузии, Шеварднадзе начал лавировать и затягивать вопрос о присоединении к СНГ. Тогдашний его заместитель Д.Иоселиани в ответ на упорство своего шефа по поводу СНГ, пророчески заметил:

«Если в Москве чихнут, у нас будет двустороннее воспаление легких. Что ты затеваешь?». Шеварднадзе ответил: «Сначала надо разобраться с Абхазией»¹. Интересно отметить, что мнение Л. Шарашенидзе о вторжении в Абхазию фактически было подтверждено и грузинским историком З. Папаскири. Он критикует действия Э. Шеварднадзе при вводе войск в Абхазию, где «обстановка была чрезвычайно накаленной» и «руководству Грузии следовало действовать максимально осторожно». Далее З. Папаскири пишет:

«Что мы имеем в виду? На наш взгляд, глава государства не должен был довольствоваться лишь телефонными разговорами с В. Ардзинба. Ему следовало самому отправиться в Сухуми, встретиться с ним лично и получить от него ... официальное согласие на ввод формирований Республики Грузия в Абхазию. Однако, к сожалению, все это не было сделано, Э.Шеварднадзе явно подвело политическое чутье, и он не пошел на такой, безусловно, по тогдашним меркам, неординарный шаг»².

Свою лаконичную оценку военным событиям дает и генерал Л.Шарашенидзе: «Вступление в Абхазию началось 14 августа, – пишет он, – а Э.А. Шеварднадзе, прибывший 7-го марта, имея более пяти месяцев, политик и дипломат такого высокого уровня, не смог предотвратить войну. Это неподготовленное, необеспеченное вступление было предпринято, конечно, с согласия Э.А.Шеварднадзе, от которого он в последующем отмежевался»³.

¹ Панорама Латвии. 1999. 9 окт., № 236; Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре ? Sapporo, 2001. – С. 25.

² Папаскири З. Абхазия: история без фальсификаций. – Тбилиси. 2009. – С. 419-420.

³ Шарашенидзе Л. Заметки... С.76.

Все эти авантюристические действия Шеварднадзе были отражением других, более глубинных geopolитических процессов, о которых вскользь упоминает генерал Л. Шарашенидзе. Главным вопросом для Грузии в начале 1992 г. продолжал оставаться вопрос о вступлении в СНГ. Это был своего рода тест для Шеварднадзе. Он, конечно, пообещал Москве положительно решить проблему, и 7-го марта 1992 г. прибыл в Тбилиси. Этому предшествовали важные события.

В январе и феврале министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе дважды встречался в Москве с Шеварднадзе. К этому времени в России и Грузии выбор уже был сделан в его пользу. Так, 14 февраля 1992 г. в Минске проходила Вторая встреча глав государств и правительств стран СНГ. Возглавлял грузинскую делегацию Л. Шарашенидзе, который ночью согласовал текст выступления по телефону с Шеварднадзе. «Он его одобрил и попросил после окончания саммита заехать в Москву и встретиться с ним», – пишет тогдашний министр обороны. В своем трех минутном выступлении в Минске Л. Шарашенидзе, в частности, заявил:

«Вопрос о вступлении Грузии в СНГ решит парламент с его избранием.

Хочу доложить, что мы восстанавливаем добрые отношения с войсками ЗакВО на территории Грузии. Сняли с них статус оккупационных. Мы, естественно, оставляем за собой право на участие в обсуждении всех вопросов, касающихся Армии и Черноморского Флота.

Просили бы впредь приглашать на заседания СНГ соответствующих руководителей Грузии в качестве наблюдателей»¹.

Следует отметить, что представители Грузиивольно или невольно вводили в заблуждение руководство России и говорили об участии руководителей Грузии в СНГ лишь в качестве наблюдателей. По возвращении из Минска, Л.Шарашенидзе встретился в Москве с Шеварднадзе, которому подробно было рассказано о

¹ Шарашенидзе Л. – С.71-74.

саммите СНГ. Тогда же была намечена еще одна встреча, где должен был решаться вопрос о его возвращении в Грузию¹.

В феврале 1992 г. параллельно с саммитом СНГ в Сухум в сопровождении нескольких единиц бронетехники прибыл отряд национальной гвардии Грузии под командованием капитана Г. Каркарашвили. Верховный Совет Абхазии почти единогласно потребовал (в том числе и депутаты-грузины, сторонники З. Гамсахурдиа), чтобы этот отряд немедленно покинул территорию республики. Особенное негодование руководства и многонационального населения Абхазии вызвал факт передачи гвардейцам вооружения и нескольких единиц БМП десантно-штурмовым батальоном ВДВ России, который был размещен в Сухуме, в районе Маяка, незадолго до распада СССР².

Сегодня очевидно, что все это происходило на фоне Минского саммита СНГ и руководство России решило показать Грузии «прянник» в виде нескольких БМП.

В соответствии с февральскими договоренностями, 2 марта в Москве состоялись очень важные встречи с Шеварднадзе. Переговоры вели министр обороны Л. Шарашенидзе и член Военного совета Грузии Т. Китовани, который вместе с премьер-министром Т. Сигуа, в отличие от Д. Иоселиани, не горел желанием приглашать экс-министра иностранных дел СССР в Грузию в качестве руководителя государства. Однако ситуация изменилась после пятичасового разговора Шеварднадзе и Китовани. Затем двухчасовая беседа состоялась с министром обороны РФ, Главнокомандующим Вооруженными силами стран СНГ Е. Шапошниковым и Послом РФ в США В. Лукиным. Еще одна встреча прошла с руководителем Службы внешней разведки России Е. Примаковым. Всем этим лицам Шеварднадзе твердо пообещал в ближайшее время вступить в СНГ. По сути это было главное условие, поставленное Эдуарду Шеварднадзе руководством России.

¹ Шарашенидзе Л. – С. 74.

² Лакоба С. Восток и Запад: между молотом и наковальней. См.: Республика Абхазия. 1992. 29 февраля.

Участник этих важных переговоров в Москве 2 марта 1992 г. министр обороны Грузии Л. Шарашенидзе позднее разочарованно отмечал:

«Эти беседы предвещали много положительных изменений в российско-грузинских отношениях. К сожалению, реальность оказалась иной.

7-го марта в Тбилиси прибыл Э.А. Шеварднадзе. С прибытием, он в своих заявлениях подчеркивал, что Грузия пойдет прозападным курсом, что акценты во внешней политике будут, прежде всего, простираны на стратегическое партнерство с США, что в СНГ Грузия не пойдет. Не трудно представить, какую реакцию это имело в России и других странах СНГ¹, – справедливо заключает Л.Шарашенидзе.

В конце марта 1992 г. министр обороны Грузии встречался в Кремле с вице-президентом России А. Руцким, а затем с командующим ВДВ генерал-полковником Е.Подколзиним, однако, обещанная помочь в строительстве вооруженных сил Грузии, была приостановлена. Вопрос о вступлении в СНГ оставался открытым.

Грузия стремилась получить необходимые вооружения, но по Ташкентскому соглашению от 15 мая 1992 г. только члены СНГ имели право на военную квоту. В связи с этим, а также из-за продолжавшейся войны в Южной Осетии, тбилисские власти не могли претендовать на 220 танков, артиллерийские системы, боевые самолеты и вертолеты.

После Дагомысской встречи и решения о прекращении боевых действий в Южной Осетии, а также «Коммюнике» от 24 июня 1992 г.², Ельцин и Шеварднадзе договорились о дальнейшем сотрудничестве. В результате «Дагомысского сговора» руководство РФ пошло на нарушение Ташкентского соглашения и, в виде исключения, предоставило Грузии танки, самолеты и другое вооружение. Процесс передачи военной техники и боеприпасов был за-

¹ Шарашенидзе Л. – С.74-75.

² Свободная Грузия. 1992. 27 июня; Лакоба С. Абхазия – де-факто... – С.23-25.

вершен в конце июля – начале августа 1992 года. Шеварднадзе в очередной раз заверил Ельцина, что вступит в СНГ, как только он в течение 2-3-х дней решит проблему Абхазии «малой кровью».

Ельцин поддерживал лидера Грузии до 25 сентября 1992 года. В этот день Э. Шеварднадзе на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке обратился за помощью к Западу, обвинив Россию. Это выступление, оскорбительные высказывания в адрес абхазов смущали многих в зале заседания ООН. Ельцин был раздражен, – и в своем окружении не без ехидства заметил: «Шеварднадзе возомнил себя президентом великой державы, а на деле не имеет под собой даже банановой республики...»¹.

В тот же день, 25 сентября, оппозиционный Верховный Совет РФ принял Постановление «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии», в котором потребовал немедленно вывести грузинские войска с территории Абхазии и восстановить законные органы власти.

Из Нью-Йорка Шеварднадзе полетел в Москву, но Ельцин принял его очень холодно. Руководство РФ убедилось, что тбилисский лидер и не помышляет о вступлении в СНГ. Недооценка этого важного геополитического фактора привела к тому, что Б. Ельцин и министр обороны П. Грачев осознали, что Шеварднадзе и Китовани пытаются лишь использовать российскую военную поддержку. Таким образом, с конца сентября 1992 г. позиция российских верхов в отношении Тбилиси стала не столь однозначной.

После разгрома грузинских войск в Гагре в октябре 1992 г. власти Абхазии взяли под свой контроль северо-западную границу с Россией по р. Псоу. Ситуация к этому времени в корне изменилась. Госсовет Грузии принял решение о «переходе к активным боевым действиям в Абхазии». В связи с этим, через два месяца после начала войны, 22 октября генерал Шарашенидзе направил Шеварднадзе подробную записку и предложения по военному вопросу².

¹ Завтра. 2000, № 39.– С.5.

² Шарашенидзе Л. – С.77-82.

Он предупредил главу Грузии о тех последствиях, которые могут произойти в результате поспешных и не обдуманных мер. Не буду подробно излагать суть этой интересной записки с реалистичным взглядом на новую расстановку сил, отмечу лишь, что автор говорит: «в настоящее время положение изменилось в пользу противника», и им «создается наступательная группировка». Он говорит о возможном окружении Сухума и удара по Очамчире. «Силы грузинской стороны: разрозненные формирования, укомплектованные наспех; отсутствует единное командование», – отмечает Шарашенидзе. Он предлагает: «Отказаться от намеченного наступления в ближайшие 2-3 дня на Гудаутском и Ткварчельском направлении, а сосредоточиться на обороне Сухуми». Среди разнообразных рекомендаций есть и весьма неожиданные, с экологическим уклоном: «совместно с учеными Грузинского технического университета и других научных центров срочно подготовить использование направленных взрывов, [с целью] искусственного вызова селевых потоков в ущельях (на случай необходимости)».

В результате, отмечает Л.Шарашенидзе, от намеченного на конец октября 1992 г. «широкомасштабного наступления отказались», но не были реализованы и предлагаемые меры.

Как известно, 27 июля 1993 г. в Сочи было подписано Соглашение о прекращении огня. Шарашенидзе принимал участие в этой встрече в качестве главного военного советника МО Грузии. «Хочу обратить внимание на то, – пишет он, – что тогда Шеварднадзе упустил большой шанс использовать российские войска в предотвращении потери Абхазии»¹.

О каком шансе в июле 1993 г. говорит генерал Л.Шарашенидзе?

Оказывается, российская сторона тогда предлагала разместить в Сухуме два российских полка, перевести штаб Объединенной Контрольной Комиссии из Сочи в Сухум и ввести в город усиленный батальон с 30-ю БМП.

По мнению генерала это были реальные меры, которые могли спасти Сухум. Однако грузинская сторона отклонила эти предло-

¹ Шарашенидзе Л. – С.83.

жения. «Шеварднадзе не должен был этого допускать», – заключает Л. Шарашенидзе¹.

Следующей трагической ошибкой Шеварднадзе генерал считал события второй половины сентября 1993 года. Судя по этим красноречивым свидетельствам, видно на краю какой пропасти стояла тогда Абхазия. За нашими спинами шла откровенная торговля: Грузии вновь предлагалось вступление в СНГ в обмен на Абхазию. Подковерная борьба и закулисные игры великих держав только благодаря чуду не принесли желаемых результатов. Объективные обстоятельства оказались выше некоторых субъективных устремлений. Впрочем, судите сами. Привожу почти полностью свидетельства очевидца тех бурных событий:

«И еще одна его (Шеварднадзе – С.Л.) большая ошибка, – отмечает Л. Шарашенидзе. – 16 сентября мы с министром обороны Г. Каркарашвили были в Москве у министра обороны России П.С. Грачёва. Встреча прошла хорошо. Грачёв обещал оружие, технику и всяческое содействие в выполнении абхазской стороной условий прекращения огня. Вечером Каркарашвили улетел в Тбилиси, а я остался в Москве готовить с генерал-полковником Галкиным положение о статусе российских войск в Грузии. К этому времени я был назначен заместителем министра обороны по взаимоотношениям с Российской армией.

17-го сентября, абхазская сторона, вероломно нарушив сочинские соглашения о перемирии, – продолжает Шарашенидзе, – начала боевые действия на Очамчирском направлении, а через день и на Сухумском...

В Москву позвонил Э.А. Шеварднадзе и попросил меня связаться с П.С. Грачёвым с тем, чтобы принять меры и остановить абхазскую сторону. В этот день Грачёв был в госпитале, но поздно вечером с начальником Главного оперативного управления он вылетел в Адлер, где 18-го сентября состоялась его встреча с Э.А. Шеварднадзе, министром обороны Г. Каркарашвили и министром

безопасности И. Батиашвили, на которой Грачёв предложил ввести в Грузию две Воздушно-десантные дивизии, Псковскую и Тульскую, с последующим вводом одной из них в Азербайджан, согласие азербайджанской стороны они имели.

На это предложение очень болезненно отреагировал Г. Каркарашвили, заявив, что это будет новой оккупацией Грузии, и он уйдет в отставку, а Шеварднадзе промолчал, тем самым, отказав в согласии на ввод российских войск. Так мне говорил сам П.С.Грачёв в присутствии начальника Генерального штаба М.П.Колесникова, возвратившись из Адлера, – отмечает Шарашенидзе. – ...Я тут же позвонил Шеварднадзе и доложил ему об этом, он мне предложил немедленно вылететь в Сухуми с подготовленным нами проектом статуса российских войск в Закавказье.

Поздно ночью 19-го сентября я прилетел в осажденный город, где на окраинах шли уличные бои. Единого управления не было...

За полночь я прибыл к Э.А. Шеварднадзе и доложил ему проект статуса Российских войск в Грузии, согласованный с российской стороной, и попросил его согласиться с предложением П.С. Грачёва о вводе в Грузию двух дивизий и со вступлением в СНГ. Подождем пару дней, ответил мне Шеварднадзе.

Прошло три дня, 23-го сентября Шеварднадзе объявляет о согласии ввести десантные дивизии в Абхазию и просит срочно позвонить П.С. Грачёву и сообщить ему об этом. А со вступлением в СНГ немного подождем, сказал мне Шеварднадзе.

Было поздно, с Грачёвым созвониться не удалось, вышел на начальника Генерального штаба М.П. Колесникова, который, выслушав меня, сказал «поезд ушел, ни одного солдата никуда двинуть не можем», так как 21-го сентября начались известные события у Белого Дома – противостояние Хасбулатова-Ельцина... Так был упущен еще один шанс не потерять Абхазию и тысячи жизней.

24-го с согласованным с Шеварднадзе проектом статуса российских войск в Грузии я вылетел в Москву и в тот же день встре-

¹ Шарашенидзе Л.– С.87.

тился с начальником Генерального штаба М.П. Колесниковым и передал ему письмо на имя П.С. Грачёва¹.

В этом письме от 24 сентября генерал Л. Шарашенидзе, по поручению Э.Шеварднадзе, просит министра обороны России вернуться к ранее отвергнутому Тбилиси плану от 17 сентября 1993 г. и начать срочную его реализацию силами российской армии для прекращения «кровопролития в Абхазии»².

Однако поезд на самом деле уже ушел.

Несмотря на это, Э. Шеварднадзе 26 сентября 1993 г. обращается с письмом к Б. Ельцину, В. Черномырдину, П. Грачёву. В нем впервые глава Грузии прямо заявляет о своей готовности вступить в СНГ. Интересно, что этот исторический документ был направлен из Сухума, в котором Шеварднадзе оказался в качестве политического заложника. Ему, попавшему в капкан, и в страшном сне не могло присниться, что он, словно пленник, будет умолять руководство России о спасении не только Грузии, но и своей жизни.

«В Сухуми создалась катастрофическая ситуация – опасность падения города реальна, – сообщает Шеварднадзе за день до освобождения столицы Абхазии. – На улицах идут рукопашные бои, погибают сотни невинных людей.

Единственное спасение сейчас заключается в немедленном задействовании в качестве миротворческих сил частей десантных войск, дислоцированных в Грузии.

В этом видится единственный путь предотвращения еще большей трагедии. Быстрота действий решает все – завтра будет поздно, ибо именно сегодня, в эти часы и минуты решается судьба страны.

Исходя из вышеизложенного, убедительно прошу Вас, Борис Николаевич, спасти Грузию.

Сообщаю Вам, если это сейчас имеет значение, что мною принято решение о вступлении Грузии в Содружество Независимых

¹ Шарашенидзе Л. – С. 87-89.

² Там же. – С. 90-91.

Государств. Мы согласны ввести в зону конфликта военные части, предложенные генералом Павлом Грачёвым на встрече в Сочи.

Прошу Вас незамедлительно принять решение. Это последняя моя надежда и надежда моего народа.

С уважением и надеждой
Э.Шеварднадзе».

Но реакции на эти рыдания не последовало.

Несомненно и то, что события и итоги войны были бы совершенно иными, если бы Грузия с самого начала (с февраля-марта 1992 г.) вступила в СНГ.

Вопреки различным планам, обстоятельствам Абхазия вышла победительницей из этой неравной схватки. Помогли и удача, и случай: абхазское наступление (16-30 сентября 1993 г.) почти в точности совпало с российским кризисом (21 сентября-4 октября), закончившимся в Москве расстрелом парламента. Таким образом, у России возникли свои проблемы, и в этой суматохе, когда Ельцин бился за власть, ему было не до Шеварднадзе, который терпел самое настоящее бедствие в окруженном Сухуме¹.

Оказавшись в безвыходном положении, уже после разгрома в Абхазии, Шеварднадзе вылетел в Москву. Здесь 8 октября 1993 г. состоялась встреча Ельцина с президентами Армении, Азербайджана и Грузии. На следующий день, 9 октября, Грузия примкнула к СНГ, подписав российско-грузинское соглашение о российских военных базах в Грузии, включая Поти. Российская армия взяла под свой контроль железную дорогу Поти-Самтредиа-Тбилиси².

«То, что мы не сделали своевременно, – сокрушался Шарашенидзе, – мы сделали после того, как потеряли тысячи людей и территориальную целостность»³.

Так Абхазия обрела фактическую независимость, а Грузия на время вновь вернулась в русскую сферу влияния.

¹ Лакоба С. Абхазия – де-факто... – С. 78.

² Там же. – С.83.

³ Шарашенидзе Л. – С.92.

Было бы ошибкой предполагать, что Э. Шеварднадзе не понимал, к чему может привести его упорство по вопросу об СНГ. Конечно, как политик, он сознательно шел на этот риск. Спрашивается, почему? Потому что Шеварднадзе уже давно был связан серьезными обязательствами с руководством США, которое приняло решение о его возвращении в Грузию, заручившись поддержкой Москвы. О таких хитросплетениях простодушный генерал Л. Шарашенидзе по всей видимости и не догадывался. В этой связи обращает на себя внимание один красноречивый, но малоизвестный факт. Оказывается, еще в феврале 1992 г., в том месяце, когда Шарашенидзе выступал на Минском саммите СНГ, Шеварднадзе срочно отбыл в США. Во время этого визита он подписал с компанией «Brock group Ltd» протокол о стратегической концепции экономического возрождения Грузии, включающей расширение сети нефтяных терминалов на Черном море, реконструкцию морских портов в Поти и Батуми, превращение Батумского аэропорта в международный...¹.

Следует особо заметить: на тот момент Шеварднадзе еще не был главой Грузии, чтобы подписывать вообще какие-либо документы, не говоря уже о протоколе международного порядка, однако мировое закулисье для себя уже решило эту проблему. Экс-министр СССР сумел заручиться политico-дипломатической поддержкой Вашингтона. Таким образом, Шеварднадзе включился в большую западную игру вокруг вновь открытых богатых месторождений азербайджанской нефти. Это была прелюдия к прокладке будущего нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который шел в обход России и вписывался в стратегические планы Запада: получить прямой доступ к каспийским энергоресурсам, о чем впервые было официально заявлено в 1994 году.

Такие далеко идущие цели, конечно же, никак не вписывались в российский проект: пристегнуть Грузию к СНГ. И это несмотря на то, что Госсекретарь США Дж. Бейкер заявлял: политика России

в начале 90-х годов шла в фарватере американской внешней политики. Однако администрация Б. Ельцина, под давлением патриотических сил, иной раз позволяла себе некоторую строптивость, особенно в вопросе своего ближнего зарубежья. Шеварднадзе это не учитывал, слишком положился на США, Запад в целом, и вообще не желал считаться с российским фактором. Такое демонстративное поведение раздражало и Ельцина, и военных, и парламент. В результате – самоуверенность Шеварднадзе была наказана, а Грузия потерпела крах...

Что же касается государственных переворотов в Азербайджане и Грузии против избранных президентов Эльчибея и Гамсахурдиа, то они остались как бы незамеченными международным сообществом. Эти перевороты, по мнению бельгийских исследователей Эрика Ремакля и Оливье Пэ «были просто приемлемы для великих держав, и особенно для России»¹.

В этой связи интересно высказывание свергнутого президента З. Гамсахурдиа. «Можно сказать, – заявлял он, – что в Грузии военный переворот был осуществлен из-за океана при личном участии Бейкера и с благословения Буша»².

Не осталось тогда в стороне и российское руководство, оказавшее военно-техническую и финансовую поддержку мятежникам³, за кулисами которых стоял Шеварднадзе с американскими друзьями. Он оказал им огромные услуги, связанные, прежде всего, с развалом СССР, необоснованной уступчивостью при сдаче ГДР и объединении Германии, поспешном выводе советских войск, передаче американцам 50 тыс. кв. км богатого биоресурсами и энергоносителями участка Берингова моря и т.д. Вот почему лидеры западных стран приветствовали возвращение Шеварднадзе в Тбилиси. Грузия тут же вышла из международной изоляции,

¹ Спорные границы на Кавказе. М., 1996. – С.116.

² Свободная Грузия. 1992. 1 декабря.

³ Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. – М., 1993. – С.11.

более 30-ти государств за короткий период признали ее как независимую республику, а США и Канада готовы были предоставить крупные кредиты. Более того, несмотря на продолжавшуюся войну в Южной Осетии, Грузия 24 марта 1992 г. была принята в СБСЕ (ныне ОБСЕ), а 31 июля, за две недели до войны против Абхазии, в Организацию Объединенных Наций. Как видно из этих примеров, циничная политика «двойных стандартов» со стороны ведущих стран Запада нашла здесь свое яркое воплощение.

Ю.М. Ботяков

(Санкт-Петербург)

**ПАРЛАМЕНТЕРЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ:
Р. ТВАНБА**

В годы войны институт традиционной народной дипломатии претерпел значительные изменения. Для начального периода, достаточно непродолжительного, характерно его сохранение без каких-либо значительных трансформаций. Сельское сообщество отдельных абхазских селений вступало в переговоры с представителями грузинских общин. Эта ситуация переходного характера, когда еще не произошло окончательное размежевание грузинской и абхазской частей населения. Переговоры, связанные с данным периодом, могут рассматриваться в качестве образца традиционной работы «ораторов» – ацәажәю, избирающихся обществом из представителей старшей возрастной среды для разрешения внутри- и межобщинных конфликтов. Грузинская сторона в процессе переговоров рассматривалась абхазской стороной еще как самостоятельный участник диалога. В дальнейшем, когда позиции сторон окончательно определились, местное грузинское население как самостоятельный участник переговоров сходит со сцены.

В ходе войны выделяется особая категория лиц, способная результативно решать все те новые задачи, которые были вынесены на повестку дня. Речь в первую очередь идет о представителях армейских структур, т.е. главным образом о мужской молодежи, значительно усилившей в условиях войны степень своей востребованности, и, как следствие этого, авторитетности. Отметим те

вопросы, инициирование которых было связано с сугубо тактическими задачами, а следовательно те, которые находились исключительно в компетенции военных структур. Во-первых, дипломатический контакт с противником в традиционном военном деле нередко был связан с элементарной попыткой выиграть время, необходимое для проведения операции или маневра. Известно, что в период Кавказской войны на переговорах с представителями российского командования адыгские дипломаты в ряде случаев умышленно их затягивали, получая возможность перегруппировать силы и отвести мирное население в безопасное место. В.А. Потто описывает один из подобных случаев, когда на удивление незнакомых с местными реалиями наблюдателей, переговоры, на которых в течение семи дней выступали народные дипломаты, не привели ни к чему¹.

Подобное положение дел имело место и в ходе военных действий на Восточном фронте, когда при проведении переговоров его организаторы могли преследовать единственную цель: выиграть время для подготовки военной операции. Наш абхазский информатор отметил, что когда в сентябре 1993 г. было блокировано населенное грузинами село Новое Киндги, грузинская сторона попросила время для обсуждения условий сдачи. «Они говорят: «Дайте два часа, потому что народ надо собрать». А в течение двух часов они свой вопрос уже решили. Уже подогнали технику. Нам сбоку дали удар, с воздуха, с моря»².

Эти «теневые» задачи, решавшиеся с помощью переговоров, могли иметь достаточно широкий диапазон. Так, в частности, когда перед абхазским командованием возникла необходимость решить проблему, связанную с ведением боевых действий в районе селения Моквы (чайсовхоз), – одного из уязвимых мест в обороне, как сообщают источники: «пришлось идти на нетрадиционные методы ослабления нажима на этом участке фронта. И мы там сделали по договоренности с грузинской стороной коридор для

¹ Потто В.А. Кавказская война. – Ставрополь, 1994. Т.5. – С.312.

² ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2. № 1894. Л.17.

переговоров и обмена военнопленными и телами погибших были и другие контакты, которые всегда возникают в процессе боевых действий между противоборствующими сторонами. До этого этот коридор находился где-то в районе села Бедиа... там у нас было слабое звено»¹.

С помощью переговоров могла решаться и другая, не менее важная военная задача дезинформации противника. Так, наш информатор, один из руководителей ВФ упомянул следующий факт: «Мы скинули информацию, что командир чеченец. Я старательно делал из себя чеченца, отпустил бороду, зеленая повязка на голове. На переговорах говорил с чеченским акцентом»². Известным примером введения в заблуждение противника подобным образом может служить также русский разведчик Ф. Торнау, который, будучи в Абхазии и не зная местного языка, выдавал себя за кабардинца, для чего отпустил бороду и использовал «горское платье кабардинского покрова»³.

Главная причина, обуславливавшая необходимость постоянного контакта парламентеров на линии фронта, была связана с обменом тел павших и пленных. Похоронно-поминальная обрядность является той сферой, где в наибольшей степени проявляется преемственность традиций абхазского общества. Ментальность абхазов в этом вопросе не склонна к компромиссам: тело родственника должно быть оплакано и погребено на семейном или родовом кладбище. Здесь можно привести высказывание одного из наших информантов, которое, безусловно, отражает мнение самых широких слоев абхазского общества: «У нас считается, что не так страшно потерять брата, как его не похоронить».

Возвращаясь к вопросу об участии в процессе парламентерства представителей мужской молодежи, что стало неотъемлемой

¹ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2., № 1844. Л.2.

² Амшенци Л. Интервью с Джапуа Б.Р. Интернет-группа «Абхазия – страна души». www.abhaziya.org.

³ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 2000. – С.71.

частью комплекса реалий фронтовой жизни, можно сказать следующее. Одна из причин выдвижения молодежи на передний план в этой сфере деятельности, включая, что особенно показательно, разрешение конфликтов внутри общины, была непосредственно связана со сложной ситуацией, в которой оказалось мирное население на ВФ. Для одного из наших информаторов обстановка, сложившаяся на ВФ, стала отправной точкой в его деятельности примирителя, в настоящее время широко известного на всей территории Абхазии.

«Это все во время войны, все было так открыто, объективно, что люди не могли сомневаться в нас. Ну и...ответственность такая была большая, ... все были вооруженные. Не было милиции и прочих дел. Поэтому в таких ситуациях, кого-то помирить, кого-то остановить, надо было иметь не только авторитет, но еще и умение владеть ситуацией. Проявлять гибкость ума. Бывали и проигрыши, и обиды... и проблемы. Многое, конечно, и получалось»¹.

Для того, чтобы особенности переговорного процесса в период грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., приобрели более конкретный характер, мы сосредоточим внимание на парламентерской деятельности одного из ярких представителей этой категории командиров – Родионе (Родике, Рудике) Васильевиче Тванба, погибшем в марте 1993 г. Уроженец Бзыбской Абхазии Р. Тванба попал на ВФ в начале боевых действий, прекрасно себя зарекомендовал и был назначен на один из наиболее сложных участков, в район селения Моква (чайсовхоз). Именно здесь, как уже отмечалось, абхазское командование решило установить «коридор» для переговоров с грузинской стороной. «Само собой, мы говорили с командиром этого направления Рудиком Тванба. Он должен был автоматически [быть] тем человеком, который ведет переговоры. Никто не может приехать...отдельно на его участке разговаривать. И он согласился, без проблем... Это уже говорит о том, что человек умеет говорить, готов говорить и у него есть,

что сказать... Он не получал специальных инструкций, как надо говорить, как надо себя вести, с какой стороны стоять... настолько это у него естественно получалось»¹. Отметим еще раз, что ведение переговоров не только входило в полномочия Р. Тванба как командира того направления, где командование ВФ планировало проведение переговоров, но и фактически являлось неотъемлемым атрибутом его статуса. Никто иной, как было сказано, просто не мог заниматься этой деятельностью в зоне его ответственности. Показательным в этой связи является и то, что как переговорщик он не получал специальных инструкций от командования ВФ.

Как и у любого командира партизанского края, полномочия Р. Тванбы руководить людьми и выступать от их имени на переговорах должны были быть подкреплены наличием необходимых для выполнения этих задач волевых качеств. Приводимый эпизод из фронтовой жизни, главным участником которых стал Р. Тванба, позволяет получить представление о том, как складывался и поддерживался его авторитет среди соратников. Рассматриваемое событие произошло во время мероприятий по передаче грузинской стороне ее погибших солдат, тела которых еще находились на абхазской позиции. Ночью грузинская сторона усилила обстрел переднего края абхазов, на котором находилось трое военнослужащих, охранявших тела погибших от шакалов. Получив сообщение о сложившейся ситуации, Тванба один отправился на позиции противника и в жесткой манере призвал ошеломленных грузинских военнослужащих прекратить обстрел переднего края, после чего вернулся обратно.

Вышеописанный поступок Р. Тванба, относящийся, безусловно, к разряду экстраординарных, не позволяет сомневаться в том, что при необходимости он был способен на взрывные, импульсивные действия, но как переговорщика его отличали совершенно иные свойства. Одним из самых известных его до-

¹ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2., № 1847. Л.34.

¹ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2., № 1844. Л. 1-3.

стижений как переговорщика стало освобождение экипажа и пассажиров абхазского вертолета, сбитого сванскими ополченцами в районе селения Сакен. Переговоры проходили трудно. Сваны были заинтересованы обменять абхазских пленных на своих людей во главе с известным командиром Пирвели, не зная на первом этапе переговоров о том, что они погибли в бою. После того, как это стало им известно, возникла серьезная проблема: представители грузинской стороны не хотели обменивать тела своих мертвых соотечественников на живых людей. Сванский сценарий решения вопроса предполагал расстрел пленных для дальнейшего обмена телами, поэтому на протяжении всего времени переговоров угроза смерти для пленных оставалась абсолютно реальной. Переговоры продолжались десять дней, а их результат стал прецедентом: абхазы были освобождены в обмен на тела погибших сванов и нескольких грузинских пленных. «Такого обмена не было в той войне. Все этому удивлялись. Кроме нас он спас многие семьи»¹.

Мы не располагаем необходимым объемом информации для того, чтобы проследить весь ход этих переговоров, и соответственно получить представление о полном арсенале тактических приемов, использованных Р. Тванбой во время контакта со своими оппонентами. Однако те факты, которые нам известны, позволяют увидеть в действиях Тванбы по освобождению пленных работу традиционного дипломата. Согласно информации, полученной нами от журналиста Вячеслава Сакания, находившегося в числе пленных, Тванба с первой встречи начал умышленно затягивать переговоры. Он не только не сообщил сразу грузинской стороне о смерти сванских ополченцев, а напротив, дал понять, что они живы. Это дало возможность в первый, самый опасный для абхазских пленных период сохранить им жизнь. Кроме того, выигранное время дало ему возможность подготовиться к предполагаемому обмену телами и людьми. В дальнейшем в ходе многочисленных встреч Тванба смог переломить ситуацию и расположить к себе переговорщиков¹.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей работы народных дипломатов являлось эмоционально выдержанное, настойчивое, пошаговое продвижение к поставленной цели. «Этот человек обладал таким языком, после того как с ним переговоришь, ты становился его. Он присваивал тебя»².

Манера общения человека, ведущего переговоры с оппонентом, аргументированная и спокойная, соответствующая канонам народной дипломатии, безусловно, не могла не вызвать у противника если не симпатию, то уважение, что, в конечном счете, позволяло Тванбе решать достаточно сложные задачи. Но это уважение к нему как переговорщику было в первую очередь обусловлено его военными заслугами. «Враги его очень боялись, но вместе с тем уважали» [Тәан-пҳа 2008: 33]. В этой связи показательным является прощальное слово представителя Очамчырского района, произнесенное над телом Р. Тванба, в котором, в частности, говорилось о том, что на фронте грузины связывались с ним по радио и просили не нападать на них во время их праздников.

На переговоры, которые вел Тванба, с грузинской стороны постепенно стали приходить люди, не имеющие к нему непосредственного отношения. По сообщению нашего информатора, это были журналисты, общественные деятели, которым было интересно увидеть этого человека. «Иногда даже лично ему могли принести блок сигарет. Там партизанский край. Какой блок сигарет... с махоркой ходили. Вот к нему лично были симpatии. Потому что он был абсолютно аргументированный, сам по себе честный, порядочный... по человеку же видно, по разговору, как он себя ведет... Был даже такой момент, когда его аргументы... с командованием кутаисского батальона привели к тому, что кутаисский батальон снялся и ушел»³.

¹ ПМА. Поездка в Абхазию в 2011 г.

² Тәан-пҳа М. Сашьцәа, сашьцәа...Аочеркқәа. – Ақәа, 2008. – С.33.

³ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2. № 1844. Л. 4-6.

Одной из отличительных черт Р.Тванбы как переговорщика, родившей его с широким слоем народных дипломатов, ораторов и сказителей, являлось присущее этому человеку чувство юмора. «Рудик был ироничный парень. Вообще гудаутский юмор... Они очень такие ироничные. Там вообще могут легко сказать, что не обидишься. Очамчырский юмор, конечно отличается. Если так, по звуку, то гудаутский юмор он звонкий...Эти [очамчырские] могут сказать – через три дня поймете...»¹.

Существует еще одно немаловажное обстоятельство, которое с точки зрения местного населения естественным образом объясняет высокие ораторские способности Р.Тванба. Речь идет о наследовании ораторского дара, так как дед Р. Тванба был братом знаменитого народного дипломата, к которому в наиболее сложных конфликтных случаях, как к последнему средству обращался за помощью сам Н.Лакоба. «Был такой Тванба Осман... сильнейший оратор, медиатор был... Лакоба без него не выступал на сходах»².

Интерес к личности Р. Тванба со стороны грузин проявился в частности в том, что Георгий Хайндрава, снявший в 1997 г. фильм «Кладбище грез», посвященный событиям войны 1992-1993 гг., ввел в него эпизодический персонаж, который, по мнению нашего информатора, являлся прототипом этого абхазского командира. При этом «они прямо целиком сделали точный портретный грим, одели его... по-моему даже разговаривал... он с теми же интонациями, как и Рудик»³. Событие, главным участником которого является герой фильма, связано с переговорами грузинского и абхазского отрядов, неожиданно столкнувшихся во время рекогносцировки местности. Согласно логике сложившейся ситуации, встреча должна была закончиться перестрелкой, однако, вопреки ожиданию, события стали разворачиваться как мирный диалог представителей враждебных сторон. Для нас эта версия интересна не

только тем, что мы знакомимся с взглядом грузинской стороны на процесс переговоров, но также тем, что видеоряд фильма прописан в деталях. Кроме того, важным обстоятельством является то, что эта версия представлена человеком, хорошо информированным в данном вопросе. Георгий Хайндрава в 1992-1993 гг. занимал пост государственного министра по вопросам Абхазии. Подтверждением его компетентности в этой области может служить и то обстоятельство, что в 2004-2006 гг. он являлся министром по регулированию региональных конфликтов.

В версии переговоров, представленной Г. Хайндрава, есть ряд характеристик, на которые с нашей точки зрения следует обратить внимание. Мирный диалог между противниками устанавливается после того, как один из грузинских ополченцев просит у абхазских партизан закурить, и, разряжая таким образом обстановку, отводит реальную угрозу вооруженного столкновения. Как известно, у многих народов ритуал угощения или обмена табаком (трубками, табакерками) определяет неформальный, мирный формат встречи. В современном обществе этикет угощения табаком, совместное курение не столь ритуально выражено как в традиционной культуре, но, тем не менее, продолжает нести такую же символическую нагрузку. Неслучайно, что и в кинематографе прием совместного «перекура» врагов использован неоднократно. В этом контексте, вероятно, можно рассматривать и блоки сигарет, которые во время переговоров дарили Р. Тванбе его грузинские оппоненты, и которые можно отнести к «предметам-посредникам», используемым во время переговорного процесса.

Экспозиция переговоров, представленная Г. Хайндрава, сводится к тому, что все участники встречи разделяются на две группы: тех, кто непосредственно входит в контактную группу, и тех, кто выступает в роли наблюдателей. Подобное распределение функций соответствует той характеристике процесса переговоров, которая была нами ранее отмечена. Представители первой группы, как с той, так и с другой стороны присаживаются на кор-

¹ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2. № 1844. Л. 24-25.

² ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2. № 1847. Л.7.

³ ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2. № 1847. Л.14.

точки, образуя замкнутый круг, вторые стоят непосредственно за спинами своих товарищей. Здесь мы приведем следующий, важный для данного контекста комментарий: «Согласно нормам грузинской городской уличной культуры, поза «сидя на корточках» подразумевает исключение возможности применения физического насилия. Принимая эту позу, участники взаимодействия сигнализируют друг другу о начале переговоров, в ходе которых возможно использование только вербальных средств общения. Информанты возводят позу «на корточках» к нормам тюремной субкультуры, где члены вступающей в переговоры группы, встретившиеся в одной камере, из-за возникавшей тесноты были вынуждены, экономя пространство, в такой позе садиться на нары»¹.

Наш абхазский информатор подобную манеру сидеть во время переговоров с грузинами прокомментировал как совершенно неприемлемую ни для абхазов в целом, ни для Р. Тванба в частности. С нашей точки зрения, такая категоричность оценки ситуации может объясняться стремлением дистанцироваться по отношению к противнику, для которого подобная манера общения являлась характерной.

Отметим также, что в сюжете о переговорах автор фильма обращается к некоторым традиционным представлениям, характерным в целом для народов Кавказа и продолжающим устойчиво сохраняться в современной культуре абхазов. Во-первых, в ходе разговора выясняется, что среди противников находятся два однофамильца, что согласно нормам абхазских семейно-брачных отношений означает факт их бесспорного родства. «И тут, конечно, по нашим обычаям, когда встречаются незнакомые два однофамильца... они братья, получаются по крови»². Как известно, одним из первых шагов посредника, направленных на примирение людей, вступивших друг с другом в конфликт, является установление их возможного родства, что в случае подтвержде-

ния этого факта становится серьезным аргументом в деле нормализации ситуации.

Этот факт родственных отношений, связывающих противников, в фильме дополнительно усиливается: абхазский партизан при расставании дарит своему однофамильцу папаху. Известно, что головной убор на Кавказ, является одним из наиболее позиционированных символов статуса мужчины, и передача его другому лицу, тем более в контексте вышесказанного, может рассматриваться как акт побратимства, пусть и не ритуально выраженного. Согласно комментарию нашего информатора, подобная модель взаимоотношений не отвечала реальности, так как в ситуации вооруженного противостояния принцип кровного родства, как бы он много ни значил для абхазов, не являлся доминирующим и уступал свое место гражданской позиции.

В заключение еще раз подчеркнем следующее. Учитывая всю важность для населения предмета переговоров (напомним, что в первую очередь он касался обмена пленными и телами павших), к парламентерской деятельности были привлечены самые различные категории населения. Однако, одной из наиболее задействованных категорий переговорщиков становятся представители группы полевых командиров, т.е. главным образом мужская молодежь, значительно усилившая в условиях войны степень своей авторитетности и, как отмечалось выше, обладавшая значительной самостоятельностью в принятии решений. Ведение переговоров с противником являлось не только следствием служебной целесообразности, но и неотъемлемым атрибутом их статуса. Ярким примером такого переговорщика являлся Р. Тванба, командир одного из подразделений ВФ. Фигура Р. Тванба представляет особый интерес, так как этот человек воплощал в себе лучшие черты народного дипломата и в этом качестве и рассматривался своим окружением. Местным населением ораторский дар Р. Тванба объясняется его принадлежностью к знаменитой своими народными дипломатами патронимии. Одним из присущих ему как опытно-

¹ Устное замечание Е.Ю. Захаровой.

² ПМА. Архив МАЭ РАН. К.1. Оп. 2, № 1847. Л.78.

му переговорщику свойств являлось умение даже при контакте с противником находить общее «пространство», необходимое для решения насущных вопросов. Эта особенность – умение отделить проблему решения конкретного вопроса от человеческого фактора – может рассматриваться в качестве одной из основополагающих характеристик понятия «народная дипломатия».

Ю. А. Дзицойты
(Цхинвал)

КРЕПОСТЬ «ГОРИ» В ОСЕТИНСКОМ НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ

Грузинская летопись «Жамтаагъмцъерели» (XIV в.) 1292 г. сообщает о захвате осетинами во главе с царевичем Бакатаром крепости Гори с прилегающими территориями. «С тех пор, – продолжает анонимный автор летописи, – возникла вражда между картлийцами (т. е. грузинами – Ю. Дз.) и осетинами». Как становится ясным из дальнейшего изложения, осетины держали эту крепость вплоть до 1320 г., после чего были вытеснены грузинским царем Георгием V. Событий тех лет вкратце коснулся и анонимный автор «Памятника эриставов» («Дзегли эриставта», нач. XV в.), указавший, в частности, на то, что царь Георгий, окружив крепость Гори, целых три года воевал с осетинами. Эти же события несколько пространнее изложены у грузинского историка и географа начала XVIII в. О. Багратиони. Он упоминает не об одной, а нескольких «поселениях и крепостях», захваченных осетинами, а также уточняет, что царь Георгий, преследуя отступавших осетин, «вступил во внутрь Кавказа» и занял все дороги, ведущие из Осетии в Картли.

События, отраженные в грузинских хрониках, нашли свой отклик и в осетинском фольклоре. Основная часть фольклорного материала сосредоточена в преданиях о «царе Осетии» Осбагатаре (осет. Ос-баггъатыр). В них, в частности, утверждается, что Ос-багатар со своей дружиной овладел территорией Грузии от Сурамского хребта вплоть до города Мцхета (Сурамы ағфзегаей Цхетамае) [ИАА, III: 23]. В наших полевых записях встречается сле-

дующее утверждение информанта: «Особа Ос-Бзггъатыры раестэ-еджы уыдис. Ос-Бэегъатыр Цхета систа аемае Цхетайе Хашурмае наг зэгххытзе уыдысты», т. е.: «Особа – это (эпоха) Ос-багатара. Ос-Багатар овладел (городом) Мцхета, и (вся) территория от Мцхеты до Хашури принадлежала осетинам» [Эксп. 1998: 23]¹.

Народные предания приписывают Ос-багатару не только захват крепости Гори, но и строительство крепостей и других сооружений в Картли. Например, в одном предании утверждается, что в ущелье «Джерети» на берегу реки Куры Ос-багатар построил крепость, развалины которой «доселе видны» (ППК, III: 270).

С другой стороны, в Западной Грузии, в районе современного грузинского города Амбролаури, нами зафиксирован осет. топоним Ос-бсегъатыры стад, букв. «Укрепление Ос-багатыра» – скала с пещерообразным углублением на берегу реки Рион. Вход в пещеру выложен стеной (амад |j сисамад) из речного камня. Сохранилось следующее предание, распространенное среди жителей осетинского селения Гадамш, расположенного в 20 км. севернее этого строения: «Во времена Ос-багатара граница между Осетией и Грузией проходила по долине реки Рион недалеко от города Аброла (= груз. Амбролаури – Ю. Д.). Там, на отвесной скале Ос-багатар построил укрепление и не пропускал грузин в свою страну. Если появлялся отряд вооруженных грузин, он немедленно спускался и разворачивал их в обратном направлении. Грузины не знали, как от него избавиться. Но жена у Ос-багатара была грузинка, и они обратились к ней за советом. И та научила их, как следует действовать. Ос-багатар носил кольчугу (згъаер), но под мышками оставалось незащищенное место, и только туда следовало целиться. Грузины так и сделали. Они направили к нему посланника с предложением заключить с ними пари. В случае если Ос-багатар переплынет реку Рион верхом на коне, то они обещали дать ему еще больше земли. Ос-багатар согласился. Но когда он оказался в середине реки подпруга у лошади намокла, и седло медленно

стало съезжать набок. Лошадь поняла это и остановилась. И тут Ос-багатар занес руку, чтобы хлестнуть ее. А грузины только этого и ждали – они выстрелили в него и поразили в незащищенное место. Ос-багатар свалился в реку и утонул» (Информант Габуты Хазби, сел. Гадамш).

Нами зафиксирован и другой вариант упомянутого топонима – Ос- бсегъатыры бадсентсе «Резиденция Ос-багатара» – название укрепления, построенного осетинским царем в местности Хидискъари, расположенной между населенными пунктами Они и Амбролаури. «Вся территория к северу от этой местности, – сообщает осетинский сказитель, – принадлежала осетинам (уымает уаелэгмае иры заеххытае уыдысты)» (Информант Айларты Андрей, сел. Кадисар, Южная Осетия).

Если попытаться найти рациональное зерно в цитированных преданиях, то следует предположить, что речь идет о какой-то пограничной заставе эпохи Ос-багатара, обязанности по охране которой мог нести отряд под его верховным командованием.

К сказанному следует добавить, что народные сказители связывают период правления Ос-багатара с т. н. «эпохой особа» (особайы раестагг) [ИАА, III: 26; ППК, III: 270].

Существуют и чисто бытовые сюжеты, в которых крепость (или город) Гори рассматривается как часть юго-осетинской «ойкумены». В частности, скачки в честь покойника назначались от города Гори (Гур) до своего селения [ИАА, III: 277]. Славу осетинских боевых башен сравнивали со славой Горийской крепости [ИАА, III: 287].

Исходя из сказанного, нетрудно понять, почему в сознании современных осетин держится стойкое убеждение относительно того, что южная граница Осетии проходит в районе города Мцхеты [Хъуылаты 1990: 201]. Установление этой границы неизменно связывается с именем царя Ос-багатара. Показательно, что в свое время юго-осетинские коммунисты провозгласили советскую власть «от города Они до города Душети / Онаей Душетмзг», т. е. на

¹ Подробнее об этом см. [Дзиццойты 2010].

той территории, которая в сознании южных осетин соответствует понятию «Южной Осетии».

Показательно, что в начале 30-х гг. прошлого столетия была создана комиссия по упорядочению топонимии Южной Осетии. Один из подготовленных ею документов, обнаруженный нами в Центральном государственном архиве РЮО, свидетельствует о том, что и после утверждения официальных границ Юго-Осетинской автономной области руководство и интеллигенция Южной Осетии продолжали считать территории к югу, западу и востоку от границ автономной области неотъемлемой частью Южной Осетии.

Документ этот составлен в 1935 г. и озаглавлен так: «Список географических названий Юго-Осетинской А. О.». Из 18-и его листов для нашей темы интересен лист 5, на котором зафиксированы 55 географических названий. Это: «Чиора, Шори, Уцера, Калаки, г. Кази-Хох, Гари, Бирантикау, Они, Квишхиети, Теделети, Сацхере, Чиха, Корети, Аргвети, Итхаиси, Перевиси, Корбоули, Абано, Хвати, Йесора, пер. Зекарский, Чешелта, Джава, г. Лохона, Кехви, Знаур-Кая, Сталинир, Эрцо, Тирзни, Тквиави, Меджврис-хева, Карадаги, Холтубани, Ниж. Чала, Айанурх, Жин-ваян, Чорчохи, Махиарети, Павлианткари, Арахвети, Эдис, оз. Кел, Рок, Ке-сатикау, пер. Мами[с]онский, Кошка, Белот, Ванати, Громи, Ленингоры, Гремисхеви, Цхавати, р. Квирилла, р. Бол. Лиахви, р. Мал. Лиахви, р. Проне» [ЦГА РЮО, арх. № 55, фонд 52, д. 8, л. 5].

Специалистам нетрудно распознать в этом списке населенные пункты, расположенные как в нынешней РЮО, так и в Онском, Сачхерском, Горийском и других районах нынешней Грузии. В каждом из них осетинское население либо преобладало, либо составляло значительную часть.

Этот тезис иллюстрируется и сведениями осетинских литераторов. Например, у К. ІІ. Хетагурова (1859-1906) есть утверждение о том, что «В Имеретии проживает большое количество осетин» [Хетэггаты, 1: 435]. В другом месте он пишет: «в остальной Осетии (т. е. не считая Диории – Ю. Д.), начиная от Ахалкалаки, Кутаиса и

Гори и кончая Моздоком и от Дариальского ущелья до левого водораздела ущелья реки Ардона...» [Хетаегкаты, IV: 190]. Приблизительно такую же картину находим у поэта И. Дзанайты (1896-1946) [Нигер, III: 527-528]. Другой поэт, Байаты Гаппо, также писавший в первой трети XX в., считал, что границы Осетии простираются от Гуджарета до Моздокской равнины (Гудзаретгей Мзездэджы быдыртагм аеххагссы Ирыстон) [«МД» 2008, № 8: 121].

Как видим, для осетинской интеллигенции конца XIX – начала XX в. южная граница Осетии проходила в окрестностях городов Ахалкалака, Кутаиси и Гори, включая, разумеется, и Гуджаретское ущелье Боржомского района. Не случайно на карте Осетии, составленной в 30-е годы XX в. инженером Р. Гаглоевым, часть территории Боржомского района обозначена как «Триалетская Осетия»¹.

Для нашей темы особенно важно, что сведения о Горийской крепости сохранились и в нартовском эпосе осетин. Это Гуры фидар || Гори федар «Горийская крепость», «Крепость Гори». Факт взятия Горийской крепости нашел отражение в нартовском эпосе в виде отдельного сказания [ПНТО, I: 47, 49; НАС, I: 128; НАС, II: 404; НТХ: 100]. Честь взятия этой крепости приписывается то герою Батрадзу, то герою Сослану. Хозяевами крепости в эпосе являются либо герой Бурафарнуг [ИАС, I: 128], либо Йелахсартон [ПНТО, I: 47]. Согласно еще одному сказанию, героиня Сатана после ухода ее мужа в годичный поход (балц) «ночь проводила в крепости Гори, а днем уходила в нартовское селение» [см.: Дзиццойты 1992: 99].

Согласно другой группе сказаний, «крепость Гори» является обителью небожителей, которые проводят здесь свои «совещания» [ИАС, I: 211]. Согласно же другим текстам, в «крепости Гори» проживают земные герои [ИАС, II: 129, 267].

Следует добавить, что нарты очень гордились своим участием во взятии крепости Гори и даже на том свете вспоминали об этом [ИАС, II: 404]. Отметим также, что сюжет о взятии крепости Гори

¹ С этой картой любезно познакомила нас ныне покойная З. Д. Цховребова, которая и обнаружила ее в архиве Юго-Осетинского НИИ.

лучше представлен в североосетинской версии нартовского эпоса, нежели в югоосетинской.

Какой следует вывод из сказанного? Прежде всего, отметим почти полное совпадение данных письменных источников с данными фольклора. Такое единодушие разнохарактерных источников встретишь не часто. Тем они ценнее и для историков и, в особенности, для фольклористов. В частности, представляет интерес тот факт, что, согласно фольклорной версии, территория, прилегающая к крепости Гори, рассматривалась как продолжение территории Южной Осетии. Иными словами, Картли и Южная Осетия рассматривались как единый этнографический континуум. Об этом говорит, с одной стороны, предание об Ос-багатаре, считавшемся владельцем как территории Центральной и Южной Осетии, так и крепости Гори, с другой – нартовское сказание, согласно которому крепость Гори – это одна из «резиденций» хозяек нартовского общества, героини Сатаны. Цитированные исторические сочинения не дают ответа на вопрос о взаимоотношениях осетин, проживавших в Картли, с осетинами, проживавшими в Южной Осетии.

С другой стороны, можно согласиться с теми историками, которые считали события вокруг крепости Гори началом грузино-осетинского конфликта. В фольклорном материале, как, впрочем, и историческом, об этом нет прямых указаний. Но и в одной и в другой категории материала говорится об упорных многолетних боях вокруг этой крепости, несомненно, сопряженных с многочисленными человеческими потерями.

Но рассматриваемая параллель имеет несравненно большее значение для фольклористики, позволяя ответить на ряд важных вопросов. Во-первых, мы получаем возможность рассмотреть вопрос о соотношении мифа и истории в нартовском эпосе. Совершенно очевидно, что при всей архаичности и древности этих сказаний на них наслонились относительно новые исторические факты и события. Во-вторых, сюжет о взятии крепости Гори в нартовском эпосе опровергает гипотезу о монгольских влияниях

на язык и фактуру этого памятника, выдвинутую В. И. Абаевым и отстаиваемую Т. А. Гуриевым. В самом деле, будучи отражением реального исторического факта, оказавшего влияние на ход истории всей средневековой Осетии, сюжет о взятии крепости Гори не смог занять в эпосе сколько-нибудь значительного места. Его нет ни в одной национальной версии нартиады, кроме, разумеется, осетинской. Но и в последней, как это видно из сопоставительного анализа, он занял место других сказаний, а именно – сказаний о взятии крепости «Хиз» или крепости «Сайнаг-алдара». В этом сказании крепость Гори лишь частично потеснила две другие крепости, и находится с ними в отношениях дополнительного распределения, т. е. в тех вариантах, в которых есть упоминание об одной из этих крепостей, нет упоминания о других. И наоборот. Таким образом, название крепости Гори превратилось всего лишь в аллоним названия двух других крепостей. Это весьма поучительно. Действительно, если ономастика, связанная со столь важным в жизни средневековых осетин событием как взятие крепости Гори, не смогла приобрести общеосетинское распространение и полностью вытеснить своих конкурентов, то как могли покорить всю Осетию, а затем и весь Северный Кавказ и частично Закавказье те эпические имена (Хамиц, Батрадз, Сайнаг-алдар, нарт и др.), которые оказались под подозрением о заимствовании из монгольского языка? Куда девались их «конкуренты»? Почему они не сохранились хотя бы в одном из уголков Осетии или в одной из инонациональных версий нартиады?

Ответов на эти вопросы не видно. Поэтому главный вывод нашего исследования сводится к полному отрицанию монгольских влияний в языке нартовского эпоса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Дзиццойты 1992 – Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ.

Дзиццойты 2010 – Дзиццойты Ю. А. К этнической истории Южной Осетии: эпоха особа // Вопросы истории и культуры народов России. Сборник статей к 80-летию профессора М. М. Блиева. Владикавказ.

ИАА – Ирон адаемон аргъагуттэе. Т. III. Цхинвал, 1962.

ИАС – Ирон адзгмы сфаелдыстад. Т. I, II. Орджоникидзе, 1961.

МД – журнал «Max дуг». Владикавказ (На осет. яз.).

Нигер – Нигер. Уацмыстае. Т. III. Орджоникидзе, 1968.

НТХ – Нарты таураегътге агмае хабаерттэе. Цхинвал, 1973.

ПНТО – Памятники народного творчества осетин. Т. II. Владикавказ, 1927.

ППК – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Сост. ІІ.

А. Чибиров. Т. III. Цхинвал, 1987.

Хетаегкаты – Хетаегкаты Къ. Уацмысты эгххэест азмбырдгонд фондз томаей. Т. I. (1999). Т. IV (2000). Дзаеуджыхъэеу.

Хъуылаты 1990 – Хъуылаты С. Уацмыстаг. Цхинвал.

ЦТ А РЮО – Центральный государственный архив Республики Южная Осетия. Цхинвал.

Эксп. – Материалы фольклорной экспедиции ЮО НИИ. Цхинвал, 1998 (хранятся в архиве автора).

А.Ш. Кадырбаев

(Москва)

**ОТ ОСМАНСКОГО ПОДДАНСТВА К СОЮЗУ
С РОССИЕЙ: ПРАВЛЕНИЕ МАМЛЮКА АБХАЗЦА
АЛИ-БЕЯ АЛЬ-КАБИРА В ЕГИПТЕ. 1757-1773**

Мамлюки, гвардия мусульманских владык Египта, формировавшаяся в это время из рабов, похищаемых на Кавказе, не погибла после завоевания османами страны пирамид. Османы уничтожили Мамлюкский султанат в этой стране, но не устранили самих мамлюков. Теперь Египтом правил не мамлюкский султан, а османские наместники – паши или бейлербеи, назначаемые османским падишахом из Стамбула. Османы разделили Египет на 24 района, каждым управлял мамлюкский эмир, называемый на османский манер беем. Таким образом, мамлюкские беи пользовались некоторой внутренней автономией, хотя и платили дань османам. Мамлюки добились права от властей Стамбула назначать из своей среды каймакама – заместителя османского губернатора – паши или бейлербея и, по сути, заставили османов «поделиться властью» в Египте, выторговав в свою пользу ряд полномочий¹.

Мамлюк Али-бей аль-Кабир стал преемником правителя Египта Ибрахима Кетходы под властью Османской империи, где последний был официальным бейлербеем и командующим гарнизоном янычар – пешей гвардии Османов в этой стране. После смерти Ибрахима в 1754 году и свержения его друга и соправителя Рыдван-бея в 1755, трех дворцовых переворотов, через три

¹ Олдридж Д. Каир. Биография города. – М., 1970. – С. 111.

года к власти в Египте пришел Али-бей, который в 1757 году стал главой правительства Египта – шейх-аль-баладом. Новому правительству страны пирамид едва исполнилось 29 лет. Он родился в 1728 году в Абхазии в семье православного священника. Еще подростком был похищен работоговцами и продан в Египет. Свое образование Али получил в доме Ибрахима Кетходы, где принял ислам и прошел полный курс обучения в мамлюкской школе, готовившей мамлюков – воинов гвардии Египта, пополнявшейся юными рабами, похищенными на Кавказе и проданными в Египет. Ибрахим, лично отбирая учеников этой школы, рано заметил выдающиеся способности юного мамлюка и способствовал его продвижению по карьерной лестнице. В 1749 году Али стал кяшифом, через пять лет беем и находился в ближайшем окружении египетского правителя. Иностранные консулы отмечали его государственный ум и личную храбрость, которая сочеталась у него с изощренным коварством и беспощадностью к врагам. Он создал вокруг себя команду – близких соратников из числа мамлюкских военачальников кавказского происхождения, разделявших его честолюбивые замыслы. Но среди его сподвижников были не только кавказцы.

Большую роль во входлении Али-бея во власть в Египте сыграли советники из числа христиан, особенно итальянец из Венеции Карло Розетти и целая группа арабов-христиан – греко-католиков (униатов) из Сирии. Были слухи, что жена Али-бея Мариам, уроженка Украины, хотя и приняла ислам, но втайне до конца дней своих исповедовала христианство. Первые годы правления Али-бея прошли в борьбе с мятежными арабскими кочевниками-бедуинами и мамлюкскими беями, оспаривавшими его власть в Египте. В марте 1766 ему даже пришлось бежать из Каира – столицы Египта. Лишь 18 месяцев спустя, в сентябре 1767 он вернулся, расправился с враждебными ему мамлюками и установил режим личной власти. 20 мамлюкских беев были казнены, многие бежали из Египта. Кровавая междоусобица среди мамлюкских беев, в основном земляков – выходцев с Кавказа, в большинстве своем

представленных адыгами-черкесами, затем грузинами, а также абхазцами и осетинами, в которой принимали участие и османские наместники, назначенные Стамбулом и возглавлявшие гарнизон янычар, носила верхушечный характер и шла на уровне дворцов, де-факто не отражаясь на повседневной жизни страны. В городах и селах Египта поддерживался твердый порядок и экономика его, несмотря на периодически возникавшие стихийные бедствия в виде недородов и эпидемий чумы, в целом была на подъеме. По словам современника той эпохи арабского автора Аль-Джабарти, Каир тогда благоденствовал. «В нем царил покой и поселилось процветание, – писал он, – продукты продавались по низким ценам, а деревня была богата и полна жителей».

Но Али-бею было уже мало достигнутого, он желал большего, мечтал о возрождении былой славы и величия Египта, как это было при правлении его предшественников – бурджи-мамлюках – башенных или черкесских мамлюках в 1382-1517 годах до завоевания османами и вхождения страны в состав Османской империи. Али-бей стремился к независимости Египта от османов, хотел видеть его могущественным и процветающим государством, обладающим сильной армией и флотом. Он понимал отставание страны и задумал провести глубокие реформы. Вместе с тем, являясь частью Османской империи, мамлюкские беи Египта, как отмечалось выше, были достаточно автономны от Стамбула, хотя наместники османских падишахов – паши с янычарами оспаривали их влияние в Египте. Но власть османов на берегах Нила к этому времени становится все более номинальной. Тем не менее, на пути преобразований Али-бея, как и в других частях Османской империи, стоял очаг янычар – главный оплот османских традиций и старины, превращавшийся к этому времени в угрозу даже его создателям – падишахам османов. Начиная реформы, Али-бей первый удар наносит янычарам с целью ликвидации янычарского корпуса в Египте, упредив почти на полвека аналогичные действия османского падишаха Махмуда II в Стамбуле. 26 сентября 1768 года, по-

добно русскому царю Петру Великому, истребившему московских стрельцов в конце XVII века, Али-бей учинил кровавую расправу над янычарами в Египте. Их командиров он казнил, а привилегии отменил, невзирая на то, что османские власти в Стамбуле, где позиции янычар были сильны, расценили действия Али-бея как вызов. Египетский правитель хотел создать корпус бомбардиров, как ядро новой регулярной египетской армии, обученной по европейскому образцу. С этой целью он обратился к королю Франции, просил его прислать советников и современное оружие.

Али-бей начал преобразования в сфере экономики, прежде всего торговли, где выступил против нигилизма османских властей, безучастно относившихся к судьбам собственного купечества, и, следуя совету К. Розетти, перешел к политике меркантилизма. Прежде всего, он обновил административно-хозяйственный аппарат, в котором было засилье представителей иудейской общины. В сентябре 1768 года из него были изгнаны почти все еврейские откупщики – саррафы, которые издавна были связаны с янычарами и контролировали египетскую торговлю, финансы и таможни. На казнокрадстве и многочисленных злоупотреблениях выросли целые династии иудеев-саррафов. Али-бей вступил в борьбу с ними, привлекая на свою сторону христиан – сирийских униатов и египетских коптов, которые были в меньшей степени заражены ядом коррупции и более восприимчивы к новым веяниям. К 1768 году ему удалось заменить евреев почти на всех административно-хозяйственных постах. Иудейские саррафы были казнены, а их состояния конфискованы.

Дальнейшее развитие событий ускорила Русско-турецкая война, начавшаяся в 1768 году. Под знаменем войны с «неверными» османский падишах Мустафа III объявил всеобщую мобилизацию, распространявшуюся и на Египет, но Али-бей отказался повиноваться ему. Он собрал войска, но отказался посыпать их на помощь османам. Более того, он прекратил выплату налогов в османскую казну и выслал из Египта османского наместника – пашу.

К своим функциям шейх-аль-балада он присовокупил обязанности каймакама, став единоличным правителем Египта. В 1769 году вместо участия в войне с Россией войска Али-бея отправились в поход в Верхний Египет, а летом 1770 – в Хиджаз, на Аравийский полуостров. Итогом последнего похода стало признание Али-бея халифом Мекки – священного для всех мусульман города. К этому времени успехи русского оружия также окончательно убедили Али-бея в возможности обретения независимости Египта от османского владычества. В июне 1770 года после победы русского военного флота над османским в Чесменском сражении, когда русская эскадра под командованием А. Орлова уничтожила турецкие военно-морские силы, Али-бей возложил на себя титул «Султан Миср уа хакан аль-Бахрейн» – «султан Египта и повелитель обоих морей», прекратил упоминать имя османского падишаха в хутбе – еженедельной пятничной молитве и стал чеканить монету от собственного имени.

Таким образом, правитель Египта Али-бей открыто вступил в борьбу с Османской империей, когда ее войска вели войну с Россией. В ноябре 1770 г. Али-бей открыл фронт против османов, вторгнувшись в их владения в Палестине, где его поддержал его давний друг и союзник шейх Захир аль-Омар. Весной объединенные силы Али-бея и аль-Омара двинулись в Сирию и в июне 1771 взяли Дамаск. Складывавшаяся ситуация диктовала необходимость тесного союза с Россией, но Али-бей не сразу решился на этот шаг. Только весной 1771 года Али-бей отправил своих послов в ставку А. Орлова, чьи боевые корабли базировались тогда на греческом острове Парос в Эгейском море. До весны 1772 было отправлено к русским еще два посольства. Выжидательная позиция Али-бея, про которого российская императрица Екатерина Великая говорила, что он «неповоротливее мумии», а также огромные географические пространства, отделяющие Египет от России, привели к неоправданному затягиванию русско-египетских переговоров, что роковым образом сказалось на судьбе Али-бея. Лишь

26 апреля 1772 года стороны пришли к соглашению, и Россия направила в распоряжение Али-бея военных советников, оружие и часть кораблей российской средиземноморской эскадры. Однако, русская помощь опоздала. После взятия Дамаска египетская армия восстала против своего командующего Али-бея и 24 апреля 1772 г. он бежал из Каира в Палестину¹.

Причиной, обусловившей падение власти Али-бея, было отсутствие должной поддержки со стороны широких слоев арабского оседлого населения Египта – горожан и феллахов – сельских жителей, которым тогда была чужда идея независимости от Османской империи, разделявшими сознание религиозной исламской общности египтян и османов, когда последние не рассматривались большинством египтян как завоеватели. Причем, в этом есть определенная доля вины и самих мамлюков, которых олицетворял Али-бей, поскольку кавказцы – адиги, грузины, абхазы, составлявшие правящую мамлюкскую верхушку египетского общества, зачастую вели себя по отношению к коренному населению страны пирамид как иностранные завоеватели, не допуская их к управлению своей страной и дискриминируя экономически, не говоря уже о том, что представляли из себя замкнутые этнические корпорации, веками сохраняя традиции и языки, привезенные с Кавказа, и не только не ассимилировались в арабской среде, но даже не знали и не хотели знать арабский язык и местные традиции. Поэтому попытки Али-бея аппелировать к патриотическим чувствам египтян против власти османов остались без ответа².

Кроме того, он восстановил против себя влиятельное при османском дворе в Стамбуле «иудейское лобби», могущественных финансово и экономически, не преминувших отомстить мятежному абхазскому правителю Египта за гонения своих иноверцев и соплеменников. Его предало и ближайшее окружение в лице со-

¹ Иванов Н.А. Османский Египет и североафриканские вилайеты в XVIII веке. – Труды по истории исламского мира. – М., 2008. – С. 452-454.

² Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. – СПб, 2001. – С. 131.

ратника Мухаммада Абу-з-Захада, назначенного за это Портой пашой Египта, хотя и не надолго, т.к. он через два года скоропостижно умер¹. На стороне Али-бея оказалась только часть мамлюков и бедуинов, силами которых он и предпринял свою последнюю попытку вернуть власть. В марте 1773 года он предпринял поход на Египет, был разбит и, истекающий кровью от ран, полученных в сражении, попал в плен, где 7 мая 1773 года и умер.

Но его идея независимости от Османской империи, которую он первый из египетских правителей после вхождения страны под власть османов озвучил, не умерла и получила свое развитие уже через несколько десятилетий в первой половине XIX века в деятельности его преемников во власти. Несмотря на отсутствие четко осознанного и разработанного понятия о национальном государственном суверенитете Египта, выступление Али-бея против власти Османской империи, вероятно, можно рассматривать как первое проявление зарождавшегося египетского национального самосознания в политической области, которое по стечению обстоятельств олицетворял правитель абхазского происхождения. Во всяком случае, в основе конфликта Али-бея с Портой не было разногласий религиозного или социального характера².

Али-бей не стал последним абхазцем во власти в истории Египта, например, в 1920 и 1926 годах главой правительства политически независимого Египта, хотя де-факто и находившегося под протекторатом Великобритании, дважды был выходец из абазинского рода Адлей-паша Яган.

¹ Фрумин Д.В. Миссия барона Тонуса. 225 лет назад в Египет был назначен первый русский консул. – Восточный архив, №1(19), – М., ИВ РАН, 2009. – С. 4.

² Иванов Н.А. Становление национального государства в странах Ближнего Востока в XIX–XX вв. – Труды по истории исламского мира. – С. 475.

В.А. Дмитриев

(Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАВКАЗА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В настоящей работе содержатся две цели: дать характеристику собрания Российского этнографического музея по такому важному и многогранному срезу народной культуры, как воинская культура народов Кавказа, и в очередной раз затронуть вопрос о специфике музейного собрания как исторического источника.

Собирательская работа музея началась в 1902 г., ее объектом была этнически окрашенная синхронная деятельность музея, объективированная бытовая культура, ядро которой – предметы, существовавшие в конце XIX – начале XX вв., – первоначально было одновременно музею, но уже со второй четверти XX в. все более отодвигалось в прошлое, что неизбежно сопровождалось его идеализацией. В результате объект претерпел расщепление на традиционную этнографию и этнографию современности, которую в будущем ждет своя бифуркация. Предметы воинской субкультуры, в т.ч. народов Кавказа, также в музейной среде разделены на две категории, соответствующие традиционной этнографии и этнографии современности. К первой относятся вещи конца XIX – начале XX вв. и «удачные» их реплики позднего изготовления, ко второй – изделия откровенно сувенирного характера с полным выпадением в обеих случаях (случайность отдельных экземпляров очевидна) предметов промышленного производства. Сувенирные изделия типологически ограничены (на кавказском

материале сведены к кинжалу-каме) и эклектичны, как в смысле утраты признаков и замены свойств их имитацией (мягкий металл клинка сувенирного кинжала), так сочетания несочетаемого (на поступившем в РЭМ сувенирном кинжале кизлярского производства на фоне элементов традиционного дизайна доминируют изображения змей, взятые из субкультуры современного криминального мира). В силу во всех отношениях неравномерного распределения по категориям традиционности и современности, источниковоедческий анализ применяется ниже только в отношении предметов традиционной воинской субкультуры.

В музее мир вещей формируется по законам коллекционного крупного собрания, изъятого из контекста бытования большого набора предметов, который систематизируется в этнографическом собрании двояко, в какой-то степени воспроизводя системные связи «живой» культуры, т.е. мира человеческой деятельности, но, в основном, по принципам организации собрания вещей. Формирование собрания вещей происходит по двум направлениям: систематике хранения и развитию исследовательского к ним запроса. В больших и долговременно существующих (т.е. комплектуемых и изучаемых) собраниях формируются почти как самостоятельно вещевые комплексы музейного рождения. Эти комплексы прослеживаются в музейных каталогах, систематизаторах, классификаторах музейного материала, во внутренней музейной документации, в тех блоках вещей, которыми явно или неявно оперируют музеологи-вещеведы. Представляется интересным указать на те образовавшиеся в практике РЭМ комплексы предметов, релевантные комплексам воинской культуры народов Кавказа.

В отношении собраний РЭМ следует сразу оговориться, что они в отношении субкультуры военного дела, как и в отношении многих других субкультур, никогда не были итогом их целенаправленного изучения, т.к. музей ориентирован на собирание в целом этнографического факта, т.е. всего комплекса предметов на-

родной культуры. Лишь по особым случаям придавалось особое значение некоторым категориям вещей, о чем свидетельствовало появление специальных собирательских программ. Воинская культура не входила в число таких категорий. В ординарном режиме комплектование РЭМ велось, прежде всего, в двух категориях: бытовая культура и семиотический комплекс этнических признаков, более сосредоточенный под понятием народного искусства. Можно также говорить о том, что пересечение этих двух объектов привело к формированию двух особо мощных комплексов вещественного материала, наполненных знаковостью: народный костюм и предметы ювелирного промысла. Изучение костюма также можно рассматривать с позиции целенаправленного антропологического подхода в этнографии, а приобретение образцов оружия, в особенности клинового белого, было следствием не только внимания музейной этнографии к парадным образцам народного художественного творчества, но и участия музея в коллекционировании антиквариата. Факт, что в большинстве своем предметы вооружения и оружие в музейное собрание включались в основном из рук коллекционеров, перекупщиков и случайных владельцев, стоявших между музеем и персоной, применявшей оружие по прямому назначению, объясняет утрату текста бытования предмета, когда контекст первичного бытования, по сути реконструируется этнографом, а вторичный ему не интересен.

Безусловно, главным комплексом воинской культуры в любом музейном собрании является оружие. Кавказское оружие стало предметом комплектования РЭМ прежде всего как предмет одежды мужчины, отражая специфическую для региона ситуацию, когда оружие было практически неотъемлемой частью мужского костюма и признаком мужчины. В этом плане целевым, хотя и не обозначаемым, было внимание к комплексу северокавказского мужского костюма, получившего к концу XIX в. общекавказское распространение. Обязательной его частью был кинжал, носившийся на поясе.

Неотъемлемость кинжала в облике мужчины, представленном костюмом северокавказского типа на основе черкески является признанным фактом, который иллюстрируется известным высказыванием об образе жизни адыга: «Черкес ест, пьет, говорит, забавляется всегда с кинжалом на поясе...»¹.

Кинжал объединял в мужской области жизнедеятельности домашнее и внешнее пространства. В домашней среде основные функциональные свойства кинжала уступали место семиотическим, как клинок скрывался в ножнах, и главным семиотическим элементом становилось яблоко на конце ножен, оформление убora оружия. Собственно то же произошло и во внешней среде, предоставляющей мужчинам поле вооруженной деятельности вне дома, от его стен и пределов, набегов и войн, но той деятельности, которая была пресечена после покорения Кавказа Российской империей.

Несколько иной характер имело оружие, применявшееся во внешнем пространстве, которое при входе в жилое пространство снималось. Длинноклинковое холодное и длинноствольное огнестрельное. В близком смысле бытовали пистолеты. В гостевом помещении или мужских домах естественным было развешивание сабель, шашек, копий, ружей на стенах. Возникшие данным образом возможности иконографической символизации оружия привели к появлению таких предметов культуры, в которых оружие заменялось его изображением. «Умиротворение» Кавказа во второй половине XIX в с одновременной инфильтрацией части культуры Кавказа и особо элементов воинской субкультуры в субкультуру российской имперской элиты привели к выведению оружейного набора ружье-шашка из категории собственно бытовой воинской субкультуры горцев: ружье из оружия переходит в орудие охотника, шашка становится с 1881 года парадным атрибутом российского офицера. Другим следствием произошедшего была архаизация оружия: кремневый пистолет считается как элемент

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкессии. – Нальчик, 1978. – С. 243.

этнографической экзотики безопаснее, чем наган или маузер. Именно это архаизированное оружие –кремневые ружья и пистолет – поступали в собрание РЭМ. При этом ружья комплектовались по категории оружие. Единственным случаем в истории РЭМ приобретения кремневого ружья, именно как части субкультуры охотников, была история приобретения в горной Осетии в 1923 г. коллекции № 4139, когда А.А. Миллер ставил перед собой задачу изучения сложения экономики автаркичного горского хозяйства в рамках проверки разрабатываемой им модели этногенеза народов Северного Кавказа.

Фонд оружия в собрании РЭМ давно выделен как крупная категория хранения наряду с тем, что все вещевое собрание разделено на фонды жесткого и мягкого резерва. Однако, фонд оружия не приобрел, а потерял культурологическую целостность: он раздроблен на собрания вещей с содержанием драгоценных материалов и без них и включает в себя некую часть «наступательного» оружия, огнестрельное, клиновое оружие и т.п., тогда как хевсурские боевые кольца, как и кольчуги, щиты и др. оборонительное оружие хранятся в этническом (отдела Кавказа) подразделении жесткого резерва.

В Российском этнографическом музее (РЭМ) содержится обширная и разнообразная коллекция оружия, входившего в состав материальной культуры народов Кавказа. Коллекция сложилась, несмотря на то, что в практике собирательской работы РЭМ оружие не являлось предметом специального интереса, как это могло быть в музеях другого профиля. В то же время оружие выступает ценным этнографическим предметом, раскрывающим различные стороны облика культуры этноса. Как этнографический предмет оружие обладает всеми необходимыми признаками: формой, материалом, специфическим способом изготовления, орнаментом и сюжетной организацией орнамента, бытованием в специфической этнической среде¹. Не вызывает сомнения высокий семиотиче-

¹ Коновалов А.В., Тимофеева Е.Я. Понятие «этнографический предмет» // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. – Л.:1987. С. 18.

ский статус оружия как вещи, так как не только оно специфически использовалось, но и характер его оформления был текстом, позволявшим оценивать общественный статус владельца оружия¹.

Оружие является ядром предметной области воинской субкультуры, но исчерпывает ее. Определение воинской субкультуры затруднительно, общие словарные статьи отсылают к определению понятия война, которое, в свою очередь, сводится к формуле вооруженного противостояния. Работами Ю.Ю. Карпова в отношении горского Кавказа показана функциональная зависимость воинской субкультуры и социальной организации в виде мужских союзов². В одной из работ, давшей почти полную картину воинской субкультуры адыгов, фактически ставится знак равенства между конкретной формой социально-исторического организма и воинской субкультурой, представленной как поглотившей всю бытовую культуру³. Большим достижением можно считать то, что получил современную оценку один из институтов, который является концентрацией воинской культуры в ее бытовом виде, прописанный с традиционном социопере горцев – абречество⁴. При этом общее определение понятия не состоялось, возможно оно относится к таким концепциям, которые создаются не на дискриптивном, а на конвенциональном уровне. В данной работе нет стремления добиться трактовки понятия воинская или военная субкультура народов Кавказа, есть только возможность, называя веще-

¹ Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология.: Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л. 1981. – Т. XXVII.– С.- 223.

² Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции Кавказа. – СПб.: 1996.

³ Панеш Э.Х. Этнокультурные компоненты и особенности традиционной военной организации адыгов в конце XVIII- начале ХХ вв. // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М.: 1990. – Вып. 1. – С. 32-69.

⁴ Бобровников В.А. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: 2002.– С. 16-97; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. – СПб.: 2004.

вые комплексы, которые предлагается считать относящимися к данной субкультуре, одновременно предложить и трактовку ее структуры. Исходя из того, что оружие является ядром воинской субкультуры, выделяются источниковедческие комплексы внутри затронутой субкультуры и рядом с ней, а также те, которые затруднительно приписать к одной из этих групп. Источниковедческими комплексами в данной работе названы такие, какие образуются в результате научно-исследовательской работы, не представляя комплекса хранительского (как фонд оружия) и не выделяясь по формально-типологическому признаку (стрелы; клиновое оружие по различным категориям; щиты, шлемы и т.д.).

Основанием для выделения комплексов внутри фонда оружия является выделение таких категорий, как парадное оружие, предметы с компонентами эпиграфики, комплексы даров. То, что подарочное оружие очень часто является парадным и имеет различного рода тексты, не является основанием для обязательного объединения данных категорий. Хорошим примером парадного оружия, фактически утратившим свои прямые функции, являются жезлы и булавы из иранских коллекций РЭМ.

Все названные категории являются источниковедческими: определение оружия как парадного является следствием музейной атрибуции, тексты на клиновом оружии Кавказа из собрания музея были прочитаны в ходе каталогизации и исследования, представленного в публикации,¹ они также исследовались при подготовке выставки «Эпиграфика Кавказа», приуроченной к 100-летию со дня рождения Л.И. Лаврова. Выделение комплекса даров произошло в 1990-х гг., когда разрабатывалась тема участия представителей российской императорской семьи в образовании ЭОРМ (ныне РЭМ)². Предметы, атрибутированные как «дары ца-

рям», поступали в музей в разрозненном виде из разных источников, преимущественно из коллекций царей, великих князей и приближенных к ним лиц после ликвидации этих коллекций, и после их временного музефикации, способствовавшего разрушению комплекса дарения, в РЭМ они также не создавали учетно-хранительского комплекса. В целом весь набор императорского оружия в собрании РЭМ является сосредоточием большинства распространенных на кавказском оружии производственных клейм. В результате реконструкции были воссозданы комплексы, хотя и не являющиеся полными и тем более закрытыми, но обретшие этнографическую информацию. Базу для их выявления составили две коллекции оружия, получившие в собрании РЭМ номера 4473 и 5581. В первую коллекцию вошел полный набор вооружения адыгского витязя, полученный Николаем II, еще цесаревичем, во время путешествия царской семьи на Кавказ в 1888 году. Набор состоит из шашки, кинжала, кремневого пистолета, натруски, газырей и пластинки с дарственной надписью. Эта коллекция представляет полный комплекс. На шашке имеется сымитированное клеймо генуэзских мастеров в сочетании с арабскими текстами, включающими имя мастера и различного рода пожелания.

Коллекция №5181 включала два открытых комплекса, образовавшихся в момент передачи вещей в РЭМ. Первый из них по клеймам и надписям датируется 1854-1888 гг., в их числе два предмета, сработанные непосредственно перед путешествием царской семьи на Кавказ в 1888 году, остальные могли быть преподнесены в это же время. В составе комплекса есть оружие, которое предназначалось императору Александру III, – дарения от адыгов и чеченцев и других народов. Другой комплекс датируется 1893-1906 гг., но верхняя дата дарения может быть опущена до 1899 г. В нем присутствуют два набора, маркированные вензелем Великого князя Михаила Александровича. В ходе дальнейшей реконструкции выявлено, что оружие было частью подношений, в комплексе с ним Александру III во время вышеупомянутого путешествия (1888

¹ Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. / Сост. Лютов А.М. – СПб.: 2006.

² Императорские коллекции в собрании российского этнографического музея. – СПб.: 1994.

г.) дарили предметы верхнего облачения всадника, бурки и многочисленные наборы башлыков, что с одной стороны, должно было, подчеркнуть его статус как воина, а с другой, указывало на признаки предсвадебного дарообмена. Императрица Мария Федоровна получила множество наборов одежды, позволявшие ей самой собирать костюмы с признаками разной степени этничности, а также специально сделанные бурку и башлык. Таким образом были получены материалы для разработки темы «дары властителям».

В комплектовании оружия, особенно высокохудожественного, музей как отмечено выше, следовал за коллекционерами. Как вещевые, так и источниковедческие комплексы в этих случаях редко формировались. Некоторым исключением комплекса, но только вещевого, является коллекция В.Н. Оранжереевой (колл. № 4489).

Поэтому особо интересны те случаи, когда оружие приобреталось сотрудниками музея «в поле» и собиралась также информация о месте оружия в культуре. Например, это приобретенная А.А. Миллером колл. № 2007, дополненная сборами того же года. В нее входили предметы архаического вооружения, бывшие ценной фамильной реликвией. Сходно бытовали предметы старинной экипировки лучника (колл. № 1083 по кабардинцам и № 3905 по адыгейцам).

Другим примером является приобретение наборов вещей, включавших оружие, у грузинских горцев. В целом вещи вместе со сделанными фотографиями указывают на архаическую культуру, в которой существовали молодые вооруженные мужчины, а ношение оружия было признаком их всеобщей вооруженности, признаком личной свободы, принадлежности к гендерному классу молодых мужчин и к самоуправляющейся, постоянно готовой к вооруженному конфликту общине. В этом случае оружие было естественной частью мужской одежды. Поэтому есть основания причислить к предметам описываемой субкультуры и, например, костюмы молодых хевсур, приобретенные М.О. Зандукели в 1907 г. (колл. №

1270). Присутствие оружия было чертой костюма аджаро-гурийского типа, носившегося дворянами (колл. № 1820).

Следствием такого подхода является отнесение к воинской субкультуре некоторых специфических предметов одежды, происхождение которых связано с военнизированностью быта, и в первую очередь, это черкеска, бурка и башлык. Черкесска возникла как предмет одежды вооруженного всадника в феодальной адыгской среде, ее нормативный вариант конца XIX в. предполагал ношение кинжала, а иногда пистолета и шашки¹. Бурка с широкими плечами возникла из-за необходимости скрывать под ней винтовку². Для позднего средневековья бурка была и просто частью воинского доспеха, так же как и боевая юбка³. Бурка связывается с набегом в прямой его пространствообразующей функции переносить локус своей территории на какое угодно расстояние⁴.

При некоторых условиях элементы адыгского девичьего костюма могут также рассматриваться какrudименты воинского облачения, что отложилось, например, в названиях: адыгском – күэншибэ (корсет) и карачаево-балкарском – кюбэ тюп (кафтанчик), в которых отразилось слово кольчуга⁵.

При таком подходе можно отнести к воинской субкультуре все предметы экипировки верхового коня, т.к. всадничество – это комплекс набега, в котором вооруженный и соответствующим образом одетый мужчина верхом участвует в вооруженном конфликте. В собрании РЭМ преобладающим видом предметов

¹ Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII – XX вв. – М.: 1989. – С. 87.

² Студенецкая Е.Н. Указ. соч. – С. 84.

³ Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (античность и средневековье). – Л.: 1990. – С. 81.; Смирнова Л.И. Предметы военной экипировки некоторых народов Кавказа в XIX (в собрании МАЭ) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. – М.: 1990. – Вып. 2. – С. 93.

⁴ Ботяков Ю.М. Кавказские бурки в собрании МАЭ // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.: 2006. – С. 80.

⁵ Ялтанигов Х.Х. Экспонаты повествуют. – Нальчик, 1984. – С. 15-17.

конского убранства являются наследники и попоны. Верховая упряжь представлена мало, также мало седел (3 кабардинских, 1 осетинское и 1 грузинское). Этого просто недостаточно для размышлений о принадлежности названных предметов воинской субкультуре. Однако, комплекс вооруженного и вооруженного демонстративно всадника четко прорисовывается на материале курдских коллекций РЭМ (колл №№ 748, 938, 1092; 1094; 2859 сборов Л.Е. Дмитриева-Кавказского, А. Лорис-Калантара, А.Н. Петрова начала XX в.).

Под вопросом находится причисление к предметам воинской культуры орудий, имевших специфическую собственную функцию, близкую к функции оружия. К их числу относятся нагайки, признаваемые оружием в казачьей среде, а на Северном Кавказе в XIX в. бывшие, скорее, уже предметами с обильными знаковыми признаками, чем оружием. У крестьян Западного Кавказа неотъемлемым признаком пастуха, охотника и т.п. была палка с железным наконечником с функциями копья, сошек, посоха (абхазский «алабашь», самый долговечный элемент самобытной народной культуры¹). В собрании РЭМ таких предметов только три. При несомненном использовании алабашь как оружия, причисление такого предмета к воинской субкультуре вызывает некоторые сомнения, т.к. в культуре оружейные функции этого предмета глубоко погружены в комплекс символических признаков посоха, выступавшего репрезентантом специфических мужских свойств².

Рассмотрим теперь несколько комплексов, о которых возможно сказать, что они параллельны воинской субкультуре. Это вещи, либо относящиеся к театрально-ритуализированному воспроизведству военных ситуаций, либо аналоги оружия. Игровое вос-

производство военных стычек имело место в свадебном ритуале, при ритуале возвращения воспитанника атала ком, в обрядах сельскохозяйственного характера. В основном имитировались стычки, происходившие между «своими» и «чужими», при пересечении ситуативно-чужими (свадебный поезд, свита атала, отряд возвращающихся пахарей) границ дома, усадьбы, селения. В РЭМ представлена атрибутика ритуала возвращения пахарей у кабардинцев: штурмовое оружие, маски, мишени «кабакъ» (колл №№ 6539, 8638). Самому празднику предшествовал период, когда земледельцы жили по условиям военного лагеря¹. Имеется также 2 маски «аксакала» (колл. №№ 5683, 7291), члена колlettiv косарей, периодически действовавшего как отряд, находящийся в состоянии набега на чужие земли. Представлены также маски и одежда членов отрядов «батирте» из а. Кубачи, воспроизведивших вrudиментной форме в свадебном ритуале действия военных отрядов, оборонявших аулы от иноземных захватчиков. Три костюма с таких ряженых поступили от местного собирателя Сайд-Магомеда (колл. № 2972). Из собрания б. МН СССР поступила из сборов Е.М. Шилинга железная маска, соединенная со шлемом.

К этой группе предметов могут быть присоединены атрибуты народно-спортивных состязаний, конных игр, борьбы, детских игр (грузинское детское деревянное оружие и боевое оружие, применявшееся специальным образом в подростковых состязаниях). Штаны бойцов-иранцев (колл. №№ 1791, 1818) позволяют вспомнить о единоборствах средневековых пехлеванов, кончавшихся гибелю проигравшего. Имитация оружия имела место в детских играх, в виде предметов фальшиво-опасных как иранский жезл дервиша, сделанный из носа рыбы-меч. Отдельную группу составляют ковры с узорами «тапанча», или «тур» (изображения скрещенного оружия, висящего на стене), происходящие преимущественно из Южного Дагестана. Имеются в собрании РЭМ также

¹ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. – Сухуми, 1965. – С. 328-329.

² Габния С. С., Смыр Г. В., Чеснов Я. В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // Полевые исследования Института этнографии. – М.: 1986. — С. 119-127.

¹ Кантария М.В. Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. – Тбилиси, 1989. – С. 222, 234-239.

южнокавказские ковры с «орлиным узором», который ряд исследователей склонен трактовать как арматуру, т.е. изображение вооружения, в данном случае русских пушек.

В строгом смысле воинская субкультура представляется не оружием, которое могло быть орудием поединка, кровомщения (в собрании РЭМ имеется и такой предмет, как мумифицированная рука кровника), деталью одежды, характеристикой ремесла, предметом прикладного искусства и даже компонентом интерьера, ее представляют предметы экипировки отрядов, указывающие на их существование; оружие коллективного пользования, как крупные метательные орудия, пушки; детали фортификации; знаки воинской культуры, отражающие наличие организации выше уровнем, чем община. К первой группе относятся, в частности флаги отрядов (в коллекции № 1896 по дидойцам есть такой флаг), музыкальные инструменты, звучавшие в походах и сражениях (наличествуют иранские боевые трубы, может быть принята во внимание и типичная для Кавказа вертикальная скрипка, т.к. у абхазов, например, воины брали ее в походы¹). К последней категории относится т.н. орден Шамиля, награда за доблесть, возникшая в рамках уже не бытовой, а потестарной культуры теократического государства – имамата Чечни и Дагестана.

С.Ш. Салакая

(Сухум)

О ГРУЗИНСКОМ ФАКТОРЕ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ

Как известно, в последние годы Грузия пытается выставить себя не только жертвой российской агрессии, но и активным поборником интересов народов Северного Кавказа. В частности, большое внимание в Грузии уделяется «черкесскому вопросу». Апофеозом этой политики стало постановление парламента Грузии о признании геноцида черкесского народа в годы Кавказской войны. В этом году был открыт памятник жертвам Кавказской войны в Анаклии. При этом утверждается, что Грузия всегда сочувствовала освободительному движению горских народов, оказывая ему всяческую поддержку и помощь.

Однако источники и литература свидетельствуют об обратном. Отметим сразу, что Грузии в современном понимании тогда не было, был конгломерат различных политических образований, зависимых от соседних крупных государств. В российских источниках тогда Грузией именовалось Картлийско-Кахетинское царство, а после его упразднения – Восточная Грузия. Этот термин я буду иногда употреблять в современном значении. Так же хочу сказать, что когда речь идет о грузинах, то в первую очередь имеются в виду представители высших слоев, а также военные и чиновники грузинского происхождения.

Присоединение Восточной Грузии привело к активизации всей кавказской политики императорской России и уже к концу первого десятилетия XIX века к России переходят значительные

¹ Инал-ипа Ш.Д. Указ. соч. – С. 607.

территории в Закавказье от Абхазии до Баку. Местное население встретило новую власть неоднозначно, от открытого сопротивления до сотрудничества. Что касается Грузии, многие негативно восприняли потерю государственности (особенно представители царской династии и царедворцы), но вместе с тем грузинское дворянство довольно быстро и легко было инкорпорировано в высшее сословие Империи. В российских правительственные кругах Грузия издавна рассматривалась как наиболее близкий и надежный союзник на Кавказе, и в России существовала довольно крупная и влиятельная грузинская диаспора. Именно ее представители во многом определяли кавказскую политику России начала XIX века. Можно сказать, что Россия смотрела на Кавказ грузинскими глазами. Достаточно вспомнить ген. П. Д. Цицианова, главноуправляющего Грузией и командующего кавказским корпусом или Дмитрия Захаровича Орбелиани, командовавшего русскими войсками в Западной Грузии (Имеретии) и сыгравшего значительную роль в дальнейшей судьбе Абхазии (к нему обращался Асланбей с просьбой принятия в российское подданство, которое осталось без ответа, и он руководил военной операцией по утверждению Георгия (Сафарбека) в Абхазии). Конечно, надо учитывать еще и интересы отдельных царств и княжеств. Характерные примеры – роль Мингрельского княжества в присоединении Абхазии к России, самурзаканской проблемы или значение восточногрузинского фактора в присоединении Чары-Белокана (Закатальского округа).

Что касается собственно Кавказской войны, то одним из главных предлогов ее начала, многими считалась и в дореволюционные и в советские времена, да и в настоящее время «защита мирных земледельческих христианских народов (в т.ч. грузин) от насилия со стороны диких горцев». К тому же в качестве причины указывались помехи, чинимые горцами в связи с Грузией. Ряд авторов, как на Кавказе, так и за его пределами раздвигают хронологические границы Кавказской войны, начиная ее со второй половины XVIII века и даже с петровского каспийского похода

1722 года (В. В. Лапин и др.). В этой связи необходимо напомнить, что Петр начал свой поход по приглашению картлийского царя Вахтанга VI, который обещал выставить 50-тысячное войско, но не сделал этого и затем перебрался с ближайшим окружением в Россию. Можно вспомнить действия экспедиционного корпуса Тотлебена в Закавказье в годы Русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов, прибывшего по приглашению Ираклия II и Соломона I и Каспийский поход 1796 г., организованный в ответ на вторжение Ага-Мухаммед-шаха Каджара 1795 г. в Восточную Грузию.

При этом надо иметь в виду, что большинство источников, которыми пользуются исследователи, страдают определенной однобокостью, подавляющая их масса освещает события с российской позиций. Народы, оказывавшие сопротивление России, не имели своей письменности, а немногие документы, написанные на арабском языке, практически все вышли из-под пера научных мулл, и содержат очень мало информации, востребованной для данной работы. Кроме того, эти сочинения, сохранившиеся только в печатном виде, прошли жесткую цензуру русских издателей. Эта односторонность источников базы создает трудности при реконструкции картин событий двухвековой давности: нет возможности посмотреть на русскую армию глазами противника, собрать репрезентативный материал для анализа восприятия местными жителями поведения чинов Отдельного Кавказского Корпуса. Практически то же мы можем сказать о грузинских источниках. Хотя здесь имеются некоторые отличия. В исторических сочинениях, различного рода литературных произведениях и официальных документах (докладные записки, рапорты, различные проекты) XIX века уже наблюдается тенденция притязаний на соседние земли, под предлогом того, что они входили в состав «Грузинского царства» или различных его частей. Этот же довод часто использовался представителями царской администрации для изменения существующих границ. Поэтому Грузию можно назвать «настоящим партнером России в завоевании Кавказа в XIX

столетии» (американский историк и политолог Чарльз Кинг). В подавлении очагов сопротивления на Кавказе большую роль сыграли не только офицеры грузинского происхождения, служившие в российской императорской армии, но и ополчения, составленные из этнических грузин. Вообще иррегулярные войска из представителей почти всех народов, населяющих Кавказ, сражались в составе российской армии. Выставление вооруженных отрядов было условием заключения договоров о вхождении в состав России, многие формирования участвовали в операциях добровольно.

По замыслу правительства милиции и постоянные национальные части должны были служить средством интеграции кавказской элиты и местом воспитания кадров для администрации этого региона. Привлечение милиции к операциям правительства войск было одним из проявлений известного имперского девиза «разделяй и властвуй»: командование старалось исключить тем самым возможное объединение племен на антироссийской платформе. Кроме того, военная служба позволяла контролировать многочисленные асоциальные элементы, так называемых «удальцов». Боевая ценность национальных формирований напрямую зависела от «приватной» заинтересованности их участников: они воевали исключительно в своих интересах. Если милицию «заставляли» идти в поход, она или разбегалась, или имитировала участие в бою, или даже переходила на сторону противника. В Кавказской войне участвовали среди прочих: грузинская (картийско-кахетинская), имеретинская, мингрельская, сванская милиции. И если скажем участие грузинской милиции в боевых действиях против дагестанцев и вайнахов, или мингрелов и сванов против абхазов можно объяснить противоречиями между соседними народами, то участие различных грузинских воинских соединений в кампаниях, далеких от их границ можно объяснить не просто надеждой на обогащение, но и желанием выслужиться перед властями, доказать свою преданность царизму.

В 1804-1825 годах, во время Кавказской войны, созданы милиционные части: команда конных грузин (500 чел.), Грузинская пехота (4 тыс. чел.).

Грузинскому ополчению 8 августа 1842 года пожалованы знамена красного цвета с надписью: «Грузинскому ополчению за постоянное усердие, преданность и заслуги, оказываемые в действиях против горцев».

Недаром почти сразу после завершения Кавказской войны, 9 июня 1864 года тифлисский предводитель дворянства Дмитрий Кипиани обратился с приветствием к наместнику на Кавказе, великому князю Михаилу Николаевичу Романову: «Ваше Императорское Высочество! Вы довершили покорение Кавказа и тем внесли в историю неразлучное с Вашим именем событие громадной важности. Избранные грузинским дворянством, приносим Вашему Императорскому высочеству поздравление от имени всего сословия».

Кстати, именно в XIX веке в среде грузинской элиты возникают теории об исключительной роли грузин в кавказской истории, притязания на весь Кавказ и Абхазию в частности (в т. ч. и прообраз т.н. «ингароквовской теории»).

Я специально не останавливался на конкретных примерах участия грузинских иррегулярных войск, грузин – генералов и офицеров в Кавказской войне, различных проектов, планов, подготовленных ими для покорения кавказских народов, так как их немало и просто перечисление заняло бы слишком много времени. Мне просто хотелось бы подчеркнуть еще раз, что «грузинский фактор» играл весьма существенную роль, так как Россия смотрела на Кавказ во многом «грузинскими глазами», что грузинская элита пыталась не без успеха использовать и в собственных интересах, выступая одновременно и в роли самого надежного союзника России на Кавказе и стремясь создать у горцев образ защитника их национальных интересов.

З. Х. Ибрагимова

(Грозный)

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ КАК РЕЗУЛЬТАТ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО МИГРАЦИОННОГО СОЮЗА

Население Османской империи в XVIII веке было по своему составу довольно разнообразным. Большие территории, особенно вокруг столицы империи были заняты христианским населением, в основном здесь проживали армяне и греки. Безусловно, такое положение беспокоило правительство султана и вынуждало его идти по пути замещения христианского населения мусульманским путем привлечения иностранцев на выгодных условиях к переселению в Турцию. Особенно эта работа активизировалась накануне и в ходе русско-турецких войн и в период народных восстаний национальных меньшинств в Российской империи. Земли российских мусульман территориально располагались близко к Османской империи, что существенно сокращало транспортные расходы при переселении; наличие давних исторических, торговых связей также способствовало их сближению и лучшей адаптации. Турецкой армии были необходимы воины, имевшие хорошие боевые навыки и военный опыт, также руководство страны нуждалось в надежных полицейских силах, которые могли бы подавлять внутренние восстания и не были повязаны родственными или другими (торгово-экономическими, территориальными) связями с местным населением. Турецкое правительство было заинтересовано в пополнении своего населения за счёт горцев Северного Кавказа.

Ему было выгодно получить новый народ – народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности. Если рассматривать статистические данные, то в период между 1840 и 1870 годами османы составляли меньшинство от всего населения империи¹.

По данным английского автора Дж. Мак Карти, в результате всех миграций северокавказцев из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 гг. возросло на 50%. Естественно, что появление такого количества бездомных, обездоленных людей, которые шли на все, чтобы не умереть от голода, вызывало страх и панику у местных жителей. Желание турецкого правительства поселить 40000 кавказцев в районе Алабаза вызвало протест со стороны проживавших там армян, греков, турок. Имелись случаи обращения христиан за помощью к британскому консулу, послам европейских стран в Стамбуле, а также к великому визилю. Что касается английских семей, проживавших в Османской империи, то в целях их безопасности, правительством было предложено британскому послу в Стамбуле направить военную эскадру для защиты подданных Королевства от «преступных группировок черкесов и татар»².

Уже с конца 50-х годов XIX века османское правительство начало разрабатывать новую политику в отношении населения империи. Благодаря проводимой демографической политике, руководство Османской империи целенаправленно создавало условия для формирования на территории страны единой турецкой нации, постепенно создавая сложные условия для христианских общин и выгодные – для приверженцев ислама, особенно из соседних стран³. Турецкие эмиссары распространяли на Кавказе

¹ Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006. – С.104.

² Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Дис. ...докт. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С. 302.

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С. 39-40.

слухи, что по соглашению императора с султаном разрешено переселение христиан из Турции в Россию, а мусульман – в Турцию, что также ускоряло процесс эмиграции кавказских горцев в Османскую империю¹. В 1856 г. Россия и Османская империя заключили соглашение о порядке переселения части адыгских племен. С марта 1857 года начал действовать закон, предоставлявший мухаджирам определенные льготы².

Действовало Османское руководство и через средства массовой информации. 9 марта 1857 г. султан одобрил указ о миграции и поселениях, который был подготовлен Консультативной ассамблеей Танзимата. Он был опубликован во многих европейских газетах. По этому указу, миграция на территорию Османской империи объявлялась свободной и открытой для любого, желающего принять ее подданство. Он предусматривал защиту поселенцев от любых религиозных преследований и свободу вероисповедания. Кроме того, поселенцы могли получить разрешение от султана на постройку церквей или других религиозных учреждений, в зависимости от их веры и убеждений. Правительство обещало представлять переселенцам лучшие земли и освободить их от всех налогов и службы в армии на 6 лет, в том случае, если они поселились в Анатолии. Поселенцы не могли продать землю в течение 20 лет, а если они решали покинуть страну, то должны были вернуть землю турецкому правительству³. В конце 60-х годов в Османской империи стали много уделять внимания обозначению прав и обязанностей своих граждан. В 1869 году в Турции был принят закон о подданстве. Согласно ему, все лица, проживающие на территории Османской империи, рассматривались как османские поддан-

ные¹. По договору Российской империи с Турцией (Договор Гати Гумаюн, 1856 г.): «...Назначение и выбор чиновников и прочих должностных лиц, зависят непосредственно от высочайшей воли. Все подданные Османской империи, без различия национальностей, допускаемы к публичным должностям, согласно правилам, применяемым ко всем жителям империи»².

Параллельно эмиграции с Кавказа шёл процесс иммиграции на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России, поддерживаемый правительством Российской империи. В своем отношении министру иностранных дел А.М. Горчакову главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский писал, что многочисленные переселения кавказских горцев в пределы Турции и прием их в подданство Порты, начавшиеся даже без согласия правительства, дают право «воспользоваться настоящими благоприятными обстоятельствами и настроением умов славянского населения Турции». Переселение христиан на Кавказ большими массами, считал он, имело бы важное историческое и государственное значение относительно окончательного и прочного утверждения на Кавказском перешейке; что нельзя даже предвидеть «всех выгодных для государства последствий, которые могли бы произойти от совершенного успокоения здешнего края». Представляет интерес и резолюция, поставленная царем, на этом отношении: «Дело это обсудить на Кавказском комитете. Переселение вообще славян на Кавказ считаю мыслью весьма полезною». Но Кавказский комитет дал разрешение на поселение только 100 семей, т.к. это требовало больших затрат от государства. Турецким христианам неславянского происхождения, т.е. грекам и армянам комитет разрешил переселиться, если на это не потребуется денежных средств³.

¹ АВПРИ. Ф.149. (Турецкий стол (новый)). Оп. 502-6. Д. 7659. Л. 52 об.

² Чечева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе

// Вопросы истории. – М., 2007. – № 9. – С. 126-127.

³ Шинкуба Б.В. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствия // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004. – С. 97-98.

¹ Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 67.

² Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869. – С. 178.

³ Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Дис. ...докт. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С. 302.

По журналу, утверждённому императором 27 февраля 1862 года, всем желающим христианам из Азиатской Турции, неславянского происхождения, разрешалось переселиться на Кавказ. Турецким грекам и армянам даровалась шестилетняя льгота от воинского постоянного поста, восьмилетняя – от платежа податей и повинностей. Они также освобождались от денежных натуральных и рекрутских повинностей, а каждый мужчина наделялся 15 десятинами земли. Особый комитет разрешал переселяться на Кавказ армянам и грекам с условием, что они не будут требовать представления им подданства и постоянной оседлости. Для поощрения переселявшихся комитет выделил кавказскому наместнику 10 000 рублей для выдачи пособия новопоселенцам, нуждавшимся в первоначальном обзаведении. После принятия Положения от 10 марта 1866 года по решению Кавказских властей из Турции стали вызываться новые желающие (христианского исповедания) поселиться в Кавказских пределах Российской империи¹. Привлекались для поселений в Российской империи и иностранные граждане. Так, после Крымской войны и до начала Русско-турецкой войны 1877-78 гг. произошло переселение болгар в Южную Россию. Новые поселенцы освобождались «на 25-летний срок от платежа в казну всех вообще податей и отбывания рекрутских и других повинностей, под какими бы они наименованиями не существовали».

Поток мусульман из Российской империи существенно усилился в конце XVIII века, особенно сильно это стало ощущаться накануне и в ходе Крымской и Кавказской войны. По некоторым данным более 300 000 татар из Крыма эмигрировали в Турцию². В начале Русско-иранской войны (1826-1828 гг.) знатные горцы были призваны выступить на стороне Ирана, и им обещали выдать

¹ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С. 208-209.

² Чечева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе // Вопросы истории. – М., 2007. – № 9. – С. 126-127.

тридцать две тысячи туменов. Поэтому они, завладев Дербентом, через который русские должны были пройти в Тифлис, защищали его в течение 6 месяцев. Иран, собрав силы, взял обратно захваченные русскими 12 крепостей. Когда Иран не выдал обещанные деньги, они, сказав, что с ними поступили несправедливо, отступили от Дербента¹.

Кавказские горцы, ища союзные силы в борьбе против Российской империи как на Востоке, так и на Западе (в Европе), чаще всего посыпали свои делегации в единоверную Османскую империю. Турецкое руководство было, безусловно, заинтересовано в поддержке горцев как в деле использования их сил против врага – России, так и в пополнении своей страны мусульманским населением. В годы Русско-турецкой войны (1787-1791 гг.) в Стамбуле особое внимание уделялось кабардинским, черкесским делегациям. Горцам преподносились подарки и деньги. Султан издавал приказы «...об исполнении всего необходимого, что связано с их визитами...». Все это свидетельствовало о заинтересованности османских властей в расширении связей с народами Северного Кавказа². В Османском государственном архиве Турции сохранились документы, показывающие деятельность османских властей по привлечению северокавказских феодалов к совместным боевым действиям против российских войск во время Русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Особо подчеркивается, что для этого были специально подготовлены высочайшие указы, а также подарки, предназначенные для коменданта Анапы и феодалов северокавказских народов³. В 1828 году, в условиях начавшейся очередной русско – турецкой войны, турецкие эмиссары именем своего султана Махмуда II активно призывали чеченцев, дагестанцев и дру-

¹ История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып.1. – Нальчик, 2009. – С. 44, 360, 356-357

² История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып.1. – Нальчик, 2009. – С. 44, 360, 356-357.

³ История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып.1. – Нальчик, 2009. – С. 44, 360, 356-357.

гих горцев подняться против русского владычества. В чеченском селе Майртуп состоялся по этому поводу съезд чеченских старшин, который решил не выступать в поддержку турецкого султана: «...сие совещание не имело успеха для турок... Чечня осталась спокойною...»¹.

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через 4 месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России, и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «таяров» – русских. Однако помочь турок чеченцы так и не дождались². Зная о силе воздействия слухов на психологию масс, еще имам Шамиль в годы Кавказской войны пользовался этим оружием широко и эффективно. В 1850-е гг., когда уставшие от войны и ослабленные хозяйственным уроном чеченцы выражали желание заключить мир с Россией и переселиться в ее пределы, Шамиль каждой весной объявлял, что турецкая армия идет ему на помощь³.

Во время Кавказской войны среди черкесов вели пропаганду турецкие агенты, подстрекавшие их к враждебным действиям против России и к продолжению неравной борьбы. В Лондоне принимали депутатов из Кабарды и обсуждали с ними тяжелое положение горцев и дальнейшую судьбу Кавказа⁴. В конце войны

¹ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т.7. – Тифлис, 1878. – С. 879.; С. – Х. Нуруев. Миридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. – М., 2007. – № 3(47). – С. 103.

² Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века. Дис. ...докт. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С. 393-394.

³ Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2004.

⁴ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – XX вв.) Кн. 1. / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум, 2005. – С. 527.

турки уже активно стали призывать кавказских горцев к эмиграции. В прокламации османского агента Муххамета Насарата к черкесам, осетинам и чеченцам от 1 июня 1864 года указывалось: «С давних пор турецкие подданные, любя вас как детей, употребляли все возможные старания помогать вам.... Берите ваши семейства и все необходимые вещи...наше правительство позаботиться о постройке для вас дома, и весь народ принимает в этом деятельное участие»¹.

После завершения Кавказской войны на международном уровне интерес к горцам не только не угас, но и продолжал поддерживаться в основном за счет публикаций и выступлений политиков и журналистов в Турции и Англии. Правительства Османской империи и Великобритании возлагали немалые надежды на иммигрантов в надвигавшейся войне (1877-1878 гг.) с Российской империей; предполагалось использовать опыт войны черкесов с российскими войсками; знание ими русской военной тактики; владение многими из иммигрантов русским языком; знание ими географических особенностей Кавказа, где намечалось открытие одного из фронтов. На русско-турецкий фронт планировалось отправить до 80 тыс. черкесских воинов. В определенной степени эти планы имели успех. Значительное количество кавказских иммигрантов приняло участие в боевых действиях Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и в антиколониальных восстаниях, вспыхнувших в Чечне, Дагестане и Абхазии. Черкесские воины, которых постоянно бросали в наиболее «горячие» точки фронтов, понесли серьезные потери. Установлено, что значительное количество молодых горцев, вступивших в османскую армию после иммиграции, не вернулось с фронтов².

¹ Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М., 1998. – С. 85.

² Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С. 412, 414.

Уже в период Крымской войны усилилась активность иностранных агентов на Кавказе. Английскому правительству удалось в этой роли использовать польских и венгерских эмигрантов, которые надеялись, что впоследствии Англия поможет им восстановить независимость Польши и Венгрии. Деятельность этих агентов вызывала недовольство царского правительства. Так, Николай I предъявил султану, давшему возможность польским и венгерским эмигрантам укрыться на территории Турции, ultimatumное требование выдать их правительствам тех государств, поданными которых они являлись. Однако, при поддержке западноевропейских держав правительство Турции отказалось выполнить требование России и Австрии¹. По плану англичан турки, отказываясь от активных действий в европейской части своего господства, должны были все силы направить на вторжение в Россию со стороны Азии. Одновременно агрессоры рассчитывали на широкую поддержку горских народов Кавказа². В конце 50-х годов турецкими эмиссарами на Кавказе была распущена мольва, что европейские державы объявили горские племена независимыми и приняли их под свою защиту³.

Глазами своих послов и консулов в Турции и России внимательно следила за переселением черкесов Англия. В мае-июне 1864 года английский посол в Петербурге Фрэнсис Нэпир в ряде бесед с Горчаковым обвинял Россию в насильственном выселении горцев, которое к тому же ложилось тяжелым бременем на турецкие финансы. В мае 1864 г. депутаты палаты общин и палаты лордов парламента Англии потребовали от своего правительства обнародования донесений британских дипломатов в России и Турции об обстановке в Черкесии и ходе переселения горцев. Требование было удовлетворено, однако сверх этого повторствовать

¹ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С. 89-90.

² Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско – турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси, 1972. – С.71.

³ АВПРИ. Ф. 161/4 (Азиатский департамент). Оп. 729/2. Д.6., 1856-58. Л. 60.

оппозиции, призывающей официально заявить о непризнании Англией суверенитета России на Западном Кавказе, Пальмерston отказался. Последняя попытка возбудить в парламенте вопрос о черкесах в июле 1864 г. была еще более вялой и бесплодной.

«Состоявшийся в Лондоне 6 июля 1864 г. под председательством Стрэтфорда де Редклиффа митинг в поддержку горских переселенцев носил в основном филантропический характер, несмотря на стремление отдельных участников собрания (Э. Билс) придать ему политический смысл путем включения в итоговую резолюцию пункта, в котором Лондонский кабинет осуждался бы за то, что он позволил России завоевать «этот храбрый народ», пожертвовав своими «морскими правами и национальной честью». В ответ на петицию горцев, направленную королеве Виктории в апреле 1864 г., Лондон ограничился посылкой к черкесам запаса сухарей на 5 тыс. фунтов стерлингов. Когда началось переселение горцев в Турцию, интерес иностранных правительств к Северному Кавказу практически истощился. Сохранился он лишь к горцам, которые должны были усилить турецкую армию для будущих войн с Россией...»¹.

Англия связывала план создания Черкесского государства под протекторатом Англии и Турции с волнениями на Кавказе. Английское правительство особое внимание уделяло Кавказу и Средней Азии, как наиболее уязвимым местам Российской империи. В Англии были уверены в неизбежности восстания на Кавказе. В 70-е годы XIX века на территории Терской области действовали турецкие агенты. Чеченский муҳаджир Абдул Керим в Турции был переводчиком по делам муҳаджиров у Эмин Паши. Весной 1870 года он получил задание пробраться через границу и посетить все горские общества Терской области, дабы сообщить им, что «...блестательная Порта требует от них восстания против России и обещается им тотчас же помочь, объявить немедленно войну».

¹ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М., 2009. – С. 447-448.

В залог справедливости этого сообщения он, Абдул Керим, указывал на своего отца Цуцо и на своих братьев и дядей, проживавших в 3-х днях пути от Грозного, которых, в противном случае, если Турция не поможет восставшим, горцы могут «изрубить в куски»¹. Был пущен слух, что «...все чеченцы, принявшие участие в восстании, навсегда избавляются от всяких налогов и получают землю в собственность в Турции, – не принявшие участие в восстании будут обращены в рабство»². В 1875-1876 гг. в Чечне и Дагестане действовало несколько турецких агентов из числа дагестанских эмигрантов (мухаджиров), посланных генерал – губернатором Эрзерума для подготовки крупного восстания на Кавказе³.

Немалую роль в подстрекательстве против действий правительства сыграли горцы, высланные за пределы области и сбежавшие из мест ссылки. Они находились на нелегальном положении в Терской области так же как и сотни мухаджиров, тайно вернувшихся на Кавказ. Ссылка граждан в Сибирь, без суда и следствия, административным порядком, не встречала сочувствия в обществе, а приводила к его возмущению. Количество ссыльных было столь велико, что начальник острова Сахалин вынужден был обратиться с ходатайством об ограничении высылки на остров уроженцев Кавказа. Беглецы, не имея возможности жить на родине открыто, волей-неволей прибегали к грабежам и разбоям, или становились духовными лидерами сопротивления власти, сломавшей им жизнь⁴.

Подготовка к восстанию 1877-78 гг. в горной Чечне началась ещё весной 1876 года. Жители горных аулов собирались в лесах на тайные сходки, где речь шла о непосильных страданиях народа,

¹ АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д. 627., 1870. Л. 134-135.

² Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 г. – СПб., 1912. – С. 29, 34.

³ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.143.

⁴ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис, 1898. – С. 33, 36.

звучали клятвы не мириться с установленными порядками. Последним толчком к восстанию послужили слухи о появившейся возможности в условиях войны ликвидировать местные органы власти¹. Горцы знали о происходивших на Ближнем Востоке событиях в основном от паломников и турецких агентов. О политической осведомленности горцев свидетельствует тот факт, что учительница Д. Кувшинская из села Урус-Мартан в Чечне, говоря о сербо-турецкой войне 1876 г., писала: «В ауле все толкуют о войне турок с сербами...»².

В конце 1876 года и в начале 1877 года паломники Терской и Дагестанской областей возвращались на родину по-прежнему, без всяких утеснений и осмотров. Оказалось, что они-то и были эмиссарами, получившими в Стамбуле не только личные указания, но и прокламации, призывающие к всеобщему восстанию³. В годы Русско-турецкой войны 1877-78 гг. восстание возглавил чеченский паломник Алибек-Хаджи Алдамов, возвратившийся из Мекки через Константинополь⁴. В Турции Алибек-Хаджи встречался с сыном Шамиля Гази-Магомедом, от которого получил целый план, как поднять Чечню и весь край одновременно с турецкими высадками на Черноморском побережье⁵. Сын Шамиля, Гази-Магомед 7 августа 1871 года вместе с братом обратился к военному министру Д. Милютину с докладной запиской, прося разрешить ему, как старшему в роду, после смерти отца, временное проживание в Турции для опеки родных и близких. 14 августа Александр II дал Гази-Магомеду дополнительный отпуск в

¹ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в 19 в.). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С. 289.

² Кувшинская Д. Письмо к редакции газеты «Кавказ». – Тифлис, 1877. – 11 ноября; Акиев Х.А. Народы Северного Кавказа в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Монография. – Магас, 2009. – С. 45.

³ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.27.

⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958. – С. 237.

⁵ Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб., 1878. – С. 18.

Турцию, а 7 тыс. рублей выделялись сыну имама в качестве «единовременного пособия по разъездам». Гази-Магомед поступил на службу в турецкую армию.

В период Русско-турецкой войны 1877-78 гг. Гази-Магомед в чине дивизионного генерала командовал турецкими частями при осаде крепости Баязет. На Северном Кавказе вспыхнуло освободительное восстание. Горцам была обещана поддержка со стороны турецких войск во главе с сыном их любимого имама¹. Турецкие войска под Карсом одержали временную победу. На Кавказе снова поползли слухи, что войска султана во главе с Гази-Магомедом приближаются к Тифлису и скоро будут на Северном Кавказе². Но слухи в очередной раз не подтвердились. Турецкая армия потерпела поражение. В середине мая 1877 г. османское командование высадило севернее Сухума около 10, состоявших в основном из мухаджиров, батальонов, в формировании и подготовке которых участвовал, наряду с другими офицерами – северокавказцами, и М. Кундухов. Тогда же ему было предложено военным министром лично отбыть в Абхазию для руководства действиями этого десанта и вовлечения в инспирированное им восстание как можно более широких слоев местного населения, но Мусса Кундухов предпочел воздержаться от этой миссии, заявив, что направленные на Кавказ османские силы слишком малочисленны, чтобы способствовать достижению поставленных целей³. Во время войны 1877-1878 гг. османский морской десант три месяца оккупировал Абхазию. Затем, отступая из этого района, турецкие войска получили указ султана – вывести всех желающих переселиться в Османскую империю. Как свидетельствовали турецкие очевидцы, русские войска, вытеснившие турецкий десант из Абхазии, не препятствовали его эвакуации и вывозу вместе с собой абхазцев. Причем мно-

гих из них насильно затачивали в трюмы кораблей. Следовательно, власти двух стран были заинтересованы в этой акции¹.

Из Англии и Турции внимательно следили за ходом проведения боевых действий на Северном Кавказе не только в XIX веке, но и в конце XX века. На территории Турции регулярно проводились антивоенные митинги (в основном они организовывались кавказскими мухаджирами), собирались материальная помощь для чеченцев. Так, в Аммане состоялся 5-тысячный митинг протеста против «варварского вторжения России в Чечню». Английский журналист Джек Родден сообщал из Аммана, что в иорданской столице чеченцы каждый вечер собираются в своем клубе и обсуждают ситуацию в Грозном. В 1995 году Абдул-Баки Джамма являлся председателем международного общества выходцев из Чечни. Это общество добилось от Международного Комитета Красного Креста регулярной отправки медикаментов в Чечню и собирало для Республики пожертвования во время Чеченской войны².

По свидетельству чеченского историка М. Вачагаева: «В 1995 г. вернулся в Чечню и возглавил антиправительственное движение шейх Фатхи, уроженец города Сувейлах (пригород Аммана, столицы Иордании), этнический чеченец (тейп Зандакхо), потомок чеченских мухаджиров. С приездом в Чечню такой колоритной фигуры, как шейх Фатхи, вопрос о лидерстве уже не стоял так остро, всех устраивала его биография «вечного» борца против неверных: за его плечами был Афганистан, Таджикистан. Фатхи имел высшее образование, прекрасно разбирался в вопросах теологии. Многим нравилось иметь такого заслуженного лидера, способного составить конкуренцию даже руководителю дагестанских радикалов Магомеду Кебедову. Именно с приездом Фатхи появляются первые джааматы, которые всячески пытаются показать свою неподкон-

¹ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С. 13.

² Мальсагова Г.Г. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С. 26.

³ Чочиев Г.В. Генерал Мусса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т. 3 (35). – М., 2006. – С. 71.

¹ Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006. – С. 103.

² Черток С. «Черкесы» Ближнего Востока // Русская мысль – Париж, 1995 – № 4062 – С. 7.

трольность чеченским властям. У них была солидная финансовая база, внушавшая чеченцам уважение, поспособствовавшее приходу молодых чеченцев в джааматы. После внезапной смерти в 1997 году шейха Фатхи на его место был назначен другой этнический чеченец из Иордании, Абдурахман ал Зарки. 14-15 июля 1998 г. в Гудермесе произошло вооруженное столкновение радикалистов, возглавляемых потомком мухаджиров амиром Абдурахманом ал Зарки, с правительстенными силами Аслана Масхадова, в ходе которого радикалисты потерпели сокрушительное поражение и поняли, что не имеют шансов для свержения власти. После этого был издан Указ, который требовал высылки из страны «заезжих» лидеров, в том числе Абдурахмана ал Зарки. Для радикально настроенных оппозиционеров местный, традиционный суфийский ислам был неприемлем, они считали, что необходимо возвратиться к истокам, то есть, по их словам, к Исламу, каким он был при Пророке. Абдурахман ал Зарки планировал свергнуть А. Масхадова взять власть в свои руки сначала в Чечне, а затем и на всем Северном Кавказе, тем самым вернув горцев к единым религиозным нормам, без национальных или «сектантских» особенностей¹.

Российское и турецкое правительства после завершения Кавказской войны фактически осуществили «обмен» – вместо покинувших родные края горцев, переселявшихся в Османскую империю, на Северный Кавказ прибыли тысячи армян и греков. Если до середины XIX в. на Северном Кавказе поселялись преимущественно кавказские и персидские армяне, то с конца этого века большинство переселенцев прибывало из армянских областей Османской империи, где начинались масштабные преследования армян в ответ за их пророссийскую ориентацию. К началу XX века число армян увеличилось на несколько порядков. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Северо – Кавказском крае армяне по своей численности (162 186) уступали лишь русским – 3,8 млн., украинцам – 3,1 млн. (украинцами себя называли

большинство казаков) и чеченцам – 296 282 человека¹. В истории встречается немало примеров совпадения интересов враждующих сторон. После завершения Кавказской войны произошло определённое совпадение интересов правящих кругов Петербурга, Стамбула, горской светской знати и горского духовенства, которые объединёнными усилиями способствовали эмиграции горцев с Северного Кавказа в Турцию² и другие Ближневосточные государства.

¹ Вачагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. – М., 2009. – С. 29.

¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополья и Терека. – Пятигорск, 2007. – С. 19-20.

² Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX веков (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – С. 175.

А.С. Мирзоев
(Нальчик)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ) ЦИВИЛИЗАЦИИ И ТРАДИЦИОННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Историческая родина черкесов, абхазов и абазин, древнейших народов с самобытной культурой, расположена на стыке цивилизаций – европейской (западной) и азиатской (восточной). Корни этой культуры уходят в глубь тысячелетий, а сама она заметно отличается как от западной, так и от восточной. Европейские путешественники, в разное время посетившие Кавказ, были поражены и восхищены характером этой цивилизации и народом ее создавшим.

Польский офицер Т. Лапинский, проживший среди западных черкесов с 1857 по 1859 годы, имевший возможность, так сказать, изнутри ознакомиться с их общественным бытом, отметил несколько характерных особенностей черкесского общества: «... характер их цивилизации: сохранение их личного достоинства и независимости, сердечность их семейных уз, привязанность к родине, благородная храбрость и при этом отвращение к ненужному кровопролитию, их преимущественное занятие земледелием и их равнодушие к торговле»³.

Удивление вызывало то, что ценности, свято почитаемые черкесами, давно стали для европейцев анахронизмом, и ближайшие

³ Лапинский Теофил. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995. – С. 18.

аналогии увиденному на Кавказе можно было найти только в раннесредневековой или античной истории.

Так, швейцарец французского происхождения Фредерик Дюбуа де Монпере в описании своего путешествия на Кавказ, совершенного в 1831 году, сообщает: «Нынешнее состояние Черкесии вызывает у нас в памяти представление о цивилизации времен первых королей в Германии и Франции. Это образец феодальной, рыцарской средневековой аристократии или героической аристократии античной Греции»¹.

Тот же автор отмечает и другую особенность исторического развития адыгов, а именно, чрезвычайный консерватизм и устойчивое воспроизведение на протяжении многих столетий одних и тех же форм общественной жизни, институтов, обычаяев, традиций, этических ценностей. Но он не дает объяснения этому феномену, кроме как связывая его с замкнутостью и труднодоступностью черкесского общества для чуждых цивилизационных влияний. Последнее было следствием географических условий занимаемой ими страны и воинственности народа².

Воинственность черкесов, известная еще из античных источников, целенаправленно культивировалась в их обществе, но при этом сочеталась с чрезвычайно сложной системой традиций, этикета, которая облагораживала эту черту народного характера, ритуализировала ее, что в конечном счете привело к созданию рыцарского воинского этноса со своей самобытной культурой.

Все кавказцы отличались своей воинственностью и свободолюбием, но только к черкесам, даже со стороны их врагов, применялся эпитет «благородные»³. У многих русских офицеров, служив-

¹ Монпере Фредерик Дюбуа. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму // Тебу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. – Нальчик, 2002. Т. 1. – С. 140.

² Там же. – С. 111, 140.

³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. – Нальчик, 2001. – С. 100.

ших на Кавказе в период его завоевания, была в ходу устойчивая формула «горское рыцарство»¹.

Среди дореволюционных исследователей, обративших внимание на эти особенности адыгской культуры, был Адыль-Гирей Кешев, который в одной из своих работ писал: «Условиями своей жизни и географическим положением занимаемой ими страны все кавказские горцы призваны были развить исключительно начала военно-республиканских обществ, и все они, до известной степени, выполнили свою задачу. Но ни у одного из них военно-аристократические учреждения и воинственный дух не вырабатались в таких определенных чертах, не были доведены до такой полноты и совершенства как у адыге. Племя это может быть названо по справедливости творцом и первым распространителем духа рыцарства среди прочих кавказских туземцев»².

Аналогичные суждения высказывают и современные исследователи, в частности американский ученый-лингвист Дж. Коларуссо считает, что «у черкесов сложная военная культура с элементами аристократизма и основами демократии»³.

Воинственность, подразумевающая любовь к воинской славе, соединенная с благородством (этика войны) и аристократическим этикетом (внешние атрибуты поведения) – основные составляющие рыцарства как исторического явления.

В Европе, по мнению некоторых исследователей, в частности Жана Флори, рыцарство как идеология сформировалась в XII веке. И как любое историческое явление, пережив периоды расцвета и упадка, спустя два столетия сошло с исторической сцены, став сюжетом рыцарских романов, исторических преданий и легенд⁴.

¹ Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Т. 1. – С. 445.

² Кешев А.-Г. Характер адыгских песен // Каламбий. Записки черкеса. – Нальчик, 1998. – С. 222.

³ Коларуссо Д. Сейчас изучаю синтаксис черкесского // Газета Юга. 2012, № 4.

⁴ Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. – СПб., 1999. – С. 21.

Нужно отметить, что черкесы внесли свою лепту в формирование восточного рыцарства, зародившегося в феодальном султанате Египта и Сирии. Одним из первых и ярких его представителей являлся основатель династии Айюбидов ал Малик ан-Насир Салах ад-дин (Саладин), правивший Египтом с 1169 по 1193 годы¹.

Начиная с правления Саладина, черкесские мамлюки служили телохранителями и гвардейцами султана, а со временем узурпировали власть и основали свою черкесскую династию мамлюкских султанов (1382–1517 годы)². Вместе с черкесами на мусульманский Восток была привнесена их рыцарская воинская культура. XV век можно считать для черкесов «золотым» веком: они правили всем мусульманским Востоком, а на их родине – Центральном и Северо-Западном Кавказе была установлена гегемония черкесской аристократии под предводительством легендарного Инала.

Политическая гегемония, основанная на военной мощи, сопровождалась и культурной гегемонией. Широкое распространение черкесской культуры среди соседних народов происходило не путем насильтенного насаждения, а в результате добровольного заимствования, связанного с престижностью материальной и духовной культуры адыгов.

Восприятию и тиражированию черкесской аристократической культуры способствовали такие традиционные кавказские институты, как атальчество, куначество, гостеприимство, а также брачные связи между элитами северокавказских этносов.

Подобно тому как на протяжении нескольких столетий для европейской аристократии, включая русскую, все французское – язык, мода, правила поведения – являлось обязательным атрибутом престижности и элитарности, так и для всех народов Северного Кавказа за образцовый принимался черкесский этикет и его наиболее аристократический кабардинский вариант. И по сей

¹ Босфор К.Э. Мусульманские династии. – М., 1971. – С. 94.

² Там же. – С. 100.

день в среде кавказских народов бытует множество пословиц, поговорок и преданий на эту тему.

Современные ученые при описании культуры феодальной Кабарды применяют эпитеты «куртуазный»¹ и «комильфотный»², подчеркивая аристократизм и изысканность материальной и духовной культуры кабардинцев.

Для исследователей рыцарства вызывает вопросы не только сам факт существования этого явления на Кавказе исключительно у черкесов, но и его столь позднее бытование. На Западе изживанию культуры рыцарства с конца XIV века способствовали два фактора: развитие капиталистических отношений и формирование регулярных армий. В XIX веке, когда во всем мире, особенно в сфере политики, царил дух жесткого прагматизма и цинизма, идеология рыцарства продолжала культивироваться в Черкесии. Современным историкам известны персоналии и биографии последних рыцарей Кавказа – героев Русско-кавказской войны Кучука Аджигиреева, Мыхамат-Аша Атажукина, Кизильбека Шеретлова, Казбека Канокова, которые закончили свой жизненный путь на воинском поприще в 30–40-х годах XIX века.

Характеризуя черкесское общество XIX века, французский автор О. де Гель пишет: «Черкес благородно представляет на Кавказе последние остатки того рыцарского и воинственного духа, который пролил столько блеска на народы средних веков»³.

Черкесский этикет (адыгэ хабзэ), и выросший на его основе рыцарский кодекс «уэркъ хабзэ», являются культурной моделью, созданной под сильным влиянием военизированного быта, характерного на протяжении длительного периода времени для общественно-политической жизни Черкесии.

Анализ рыцарского этикета адыгов, проведенный Б.Х. Бгажноковым, выявил его типологическое сходство с этикетом восточ-

¹ Налоев З.М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 2009. – С. 282.

² Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – С. 88.

³ Цит. по: Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. – Нальчик, 1997. – С. 150.

ных народов (китайцев, японцев), с одной стороны, а с другой – с этикетом средневековых рыцарей Западной Европы. К примеру, то, что делает схожим с японским кодексом «бусидо» – это предписываемое черкесским кодексом «уэркъ хабзэ» внешне спокойное перенесение страданий, презрение к смерти, чрезвычайная скромность и вежливость. Но то, что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане он стоит ближе к этикету западноевропейских рыцарей¹.

Такое соединение, синтез культурных моделей был труднообъясним для европейцев. Так, Э. Спенсер в 30-х годах XIX века, посетивший Черкесию, отмечал: «Реальный факт заключается в том, что жители этой части Кавказа ... сейчас представляют странную аномалию народа, сохраняющего значительное количество рыцарских обычаяев и манер, которые отличали воинов средних веков, в соединении с манерами Востока и их собственной природной горской простотой»².

Учитывая ту значительную роль в межкультурном диалоге Запада и Востока, которую, в силу своего географического положения выполнял Кавказ, данный факт проще всего было бы объяснить внешними цивилизационными влияниями. Можно в этой связи вспомнить Великий шелковый путь, проходивший в древности через Северный Кавказ, по которому вместе с торговыми караванами перемещались не только предметы материального характера, но также культурные ценности и идеи.

Тем не менее, несмотря на отдельные черты сходства адыгского этикета как с западной, так и с восточной моделью соционормативной культуры, он имел, по нашему мнению, местное происхождение. У многих народов в прошлом воинственность была сопряжена с жестокостью. У черкесов воинственность была соединена с благородством. Говоря об этих качествах, прославивших черкесов в истории, необходимо отметить, что у них эти черты на-

¹ Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик, 1978. – С. 23.

² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. – Майкоп, 1994. – С. 21.

ционального характера имели внутреннюю взаимосвязь. В развитии, актуализации этих качеств, особенно первого, значительную роль, несомненно, играла постоянная угроза внешней экспансии и политическая нестабильность. В этом отношении можно сказать, что «высокая этикетность кавказской культуры – оборотная сторона ее воинственности»¹. Но, на наш взгляд, эти факторы не были определяющими. Причины следует искать не во внешних условиях, а внутри духовно-нравственной культуры адыгов, в механизме культурной самоорганизации. Большинство авторов, которые интересовались феноменом черкесской храбрости, воинской доблести, благородства, указывают на то, что именно сложная и глубоко продуманная система воспитания, которая создана на основе «адыгэ хабзэ», является его основой. В адыгской культурной традиции этническая идеология является одновременно этической идеологией². Это была культурная модель, которая рассматривалась адыгами как идеальная и у них была глубокая потребность, как отмечал дореволюционный русский этнограф Л.Я. Люлье, на уровне «инстинкта» следовать ей³. Несоблюдение этого образа жизни рассматривалось как утрата этнической идентичности. Именно этим объясняется героическая самоотверженность, с которой черкесы отстаивали столетиями свою национальную независимость. Стремление к свободе, а стало быть, к сохранению своей самобытности, своих морально-этических ценностей было преобладающим мотивом в жизни этого народа, легло в основу его менталитета.

Многие авторы, характеризуя черкесов, отмечали, что по нраву они мягки и миролюбивы, и только желание сохранить свою независимость развило в них воинственность⁴. Фундаментальные

¹ Барцыц М. Международное гуманитарное право и традиционные нормы войны у абхазов // Традиции разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. – Ереван, 2001. – С. 72.

² Багажников Б.Х. Адыгская этика. – С.77.

³ Люлье Л.Я. О гостеприимстве у черкессов // Кавказ. 1985, № 7. – С. 34.

⁴ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Майкоп, 1993. – С. 20–21.

принципы адыгской этики: человечность, почтительность, честь, совесть адыги распространяли и на военную сферу, считая недопустимым войны без правил, без соблюдения этих принципов¹. Во время войны адыги считали для себя неприемлемым убийство детей, женщин, стариков, посягательство на жизнь и человеческое достоинство военнопленных, пытки и физические наказания, сжигание домов, посевов, вырубку садов, уничтожение культовых сооружений, приведение в негодность источников. Даже во время столетней Русско-кавказской войны, в ущерб себе, черкесы стремились быть верными тому духу рыцарской чести, который жил в их крови и отражался в их действиях².

Таким образом, развитая соционормативная культура адыгов, распространяющаяся в том числе и на военную сферу, наличие множества моральных, нравственных и других норм, регулирующих положение человека на войне, позволяют говорить о присущей черкесам развитой «культуре войны» в лучшем, гуманитарном смысле этого слова.

В основе любой цивилизации лежат базовые ценности, прежде всего духовного порядка. Материальные основы, такие как способ производства, культура первичного производства, система жизнеобеспечения, уровень развития технологий также накладывают отпечаток на культурное своеобразие той или иной цивилизации.

Характер черкесской цивилизации мало изучен. Неслучайно некоторые современные российские исследователи сравнивают Черкесию с таинственной Атлантидой³.

Черкесия как страна исчезла с исторической карты во второй половине XIX века в результате военно-политической катастрофы. По меркам истории произошло это сравнительно недавно, тем не

¹ Багажников Б.Х. Адыгская этика. – С. 78.

² Кешев А.-Г. Чучело // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века. – Краснодар, 1986. – С. 276.

³ Гордин Я.А. Кавказская Атлантида – 300 лет войны. – М., 2011. – С. 385.

менее ученые сегодня не могут утверждать, что эта цивилизация достаточно изучена.

По всей видимости, в адыго-абхазской культуре много пластов-уровней и в зависимости от конкретных исторических условий тот или иной пласт (культурная тема) становился доминирующим. В раннее и позднее средневековье и до последних дней независимого существования основная базовая личность адыгского общества – это воин, а доминирующая тема – военная культура (милитаризованный быт).

В целом это можно сказать обо всей северокавказской культуре, которая определяется как культура воинская.

Для черкесов всегда были чрезвычайно значимы ценности национальной (коллективной) свободы и независимости. В этом плане она имеет сходство с культурой Востока, для которой характерен приоритет интересов коллектива над интересами отдельной личности. Но традиционная черкесская культура может трактоваться и как культура индивидуалистическая – в смысле значимости ценности индивидуальной свободы и прав человека. Традиции, обычаи и рыцарский этикет черкесов направлены на сохранение чести и достоинства каждого человека независимо от его социального статуса. Последнее, а именно индивидуализм, более характерно для западной культуры.

Говоря о черкесской цивилизации и культуре, можно выделить следующие особенности:

– в своей основе она не воинственна в том смысле, что не испытывает потребности к социально-географическому расширению: присоединению новых территорий, покорению других народов. Ценя свою свободу как высшее благо, она не стремится к порабощению других;

– традиционная воинственность – явление вторичное по отношению к более древним слоям культуры. Это качество, выработанное условиями исторического развития, призвано было сохранить и защитить ядро национальной культуры, базовые этнические

ценности. Культура стала милитаризовываться со временем, но она не была такой изначально;

– она самодостаточна и консервативна, а сами черкесы довольноны собой и своим образом жизни. Этот ментальный архетип нашел свое отражение в языке абхазо-адыгов. В одном из своих литературно-философских эссе С. Лакоба отмечает, что в абхазском языке «пять прошедших, одно настоящее и два будущих времени. Не является ли эта система своеобразным шифром народа ... видимо, абхазы, отдавая предпочтение прошлому, никогда всерьез не относились к настоящему, но в них всегда теплилась надежда на будущее»¹. Задача черкесской культуры в воспроизведении прошлого и перенесении его в будущее как идеальной модели;

– она закрыта, независима и невосприимчива к внешней силе. Открытая система и вторжение чуждых цивилизационных влияний ведут к разрушению этнических традиций и культуры (что и произошло в результате Русско-кавказской войны);

– характер цивилизации и культуры определяются ментальностью народа, ее создающего. «Народ не только приспособливается к условиям своего бытия, но и сам приспособливает их к своему характеру»².

– характер народа (ментальность), как и характер отдельного человека, складывается раз и навсегда. При этом менталитет может эволюционировать, но в определенных границах, выход за которые означает фактический крах и разрушение данного этноса³. Менталитет черкесов отличал психологический консерватизм, цельность мировосприятия⁴.

Так возможно ли утверждать, что черкесская (шире кавказская) культура была полностью закрыта и невосприимчи-

¹ Лакоба С. Крылились дни в Сухум-Кале. – Сухум, 1988. – С. 41.

² Микава Л. Этнопсихологические аспекты межнациональных конфликтов // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. – Ереван, 2001. – С. 103.

³ Там же.

⁴ Гордин Я.А. Указ. соч. – С. 386.

ва к инокультурным влияниям? Надо заметить, что в истории редко встречаются такие полностью изолированные общества (например, цивилизация инков в Южной Америке в доколумбову эпоху). Кавказ и его автохтоны, находясь на стыке Европы и Азии, на путях миграционных потоков, завоевательных походов и интенсивных торговых связей, не могли избежать внешних влияний.

Когда мы говорим о замкнутости и самодостаточности цивилизации и культуры, имеются в виду следующие обстоятельства:

- черкесская культура не воспринимала внешней силы, ей нельзя было навязать чуждые ценности;
- для людей и идей, не представляющих угрозы собственной культуре, это было открытое общество;
- отбор и селекция привносимых ценностей осуществлялись самими черкесами;
- быстрее и легче воспринимались ценности материального характера, нежели духовного;
- духовные ценности (в том числе религиозные) могли восприниматься только добровольно, если они не входили в явное противоречие с традиционными ценностями;
- для нежелательных цивилизационных влияний существовала система институтов (механизмов), препятствующих их проникновению.

По мнению многих этнологов и историков (Я.В. Чеснов, Е.Дж. Налоева), чем болееaborигенное, древнее население на данной территории, тем больше его традиционность и этикетность.

Очевидно, для того чтобы возникли сложные уникальные традиции, обычаи и этикет, и для того чтобы они (например, гостеприимство) развились до уровня священного, культового характера, необходимы следующие условия:

- длительное компактное совместное проживание этнического массива (близкородственного) на определенном геополитическом пространстве (Центральный и Северо-Западный Кавказ);

– самодостаточность данного этноса – социальная, экономическая, культурная, политическая (следствием самодостаточности является консерватизм национальных традиций и общественных институтов);

- высокое этническое самосознание самого этноса.

В результате взаимодействия этих и некоторых других факторов сформировались древняя самобытная культура и цивилизация черкесов.

Р.А. Ханаху, Л. А. Делова

(Майкоп)

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА XIX ВЕКА В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Актуальность поднятой темы – Кавказская война XIX века в общественном мнении нынешних граждан России – во многом представляется очевидной. Большое число современных региональных и общероссийских научных и практических проблем корнями восходит к периоду Кавказской войны позапрошлого столетия. До сих пор вызывают дискуссию многие вопросы и в их числе такие: Была ли эта война справедливой или несправедливой? Был ли геноцид адыгов или не было его?

Значимость проведенного исследования заключается и в том, чтобы определить, являются ли меры, предпринимаемые федеральной и республиканской властью, достаточными для того, чтобы снять образовавшиеся в результате Кавказской войны постконфликтные травмы и синдромы массового сознания.

Это исследование позволило также уточнить состояние межэтнических, прежде всего – адыго-русских отношений в Адыгее и на Кубани.

Эти и другие вопросы феномена исследуемой исторической даты находятся в зоне научного интереса сотрудников отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им Т. М. Керашева (АРИГИ) в течение последних 18 лет. Нами было проведено три социологических исследования по изучению образа Кавказской войны в сознании

современных российских граждан (населения Краснодарского края, Республики Адыгея и адыгской диаспоры). Первое состоялось в 1994 году, второе – в 2004, третье – в 2009. Все они проводились по одной методологической и методической модели. По репрезентативной выборке были опрошены адыги и русские, а также относительно небольшое количество представителей других национальностей, проживающих в Краснодарском крае и Адыгее. Исследованием были охвачены города Адыгейск, Майкоп, Краснодар, Сочи, Армавир, Кропоткин и др., а также сельские населенные пункты районов Адыгеи и Кубани. В анкетировании участвовало в 1994 году – 834, в 2004 году – 842, в 2009 году – 833 респондентов. В 2004 и 2009 гг. нами также был проведен Интернет-опрос на сайте института www.arigi.ru и www.arigi.adygnet.ru. В них приняли участие 273 российских и 1297 зарубежных посетителей нашего сайта.

Первое исследование, проведенное весной 1994 г., вызвало большой резонанс и получило положительные отклики в общественно-политической и научной литературе, результаты были опубликованы в ведущем социологическом журнале страны. Благодаря и повторным исследованиям появилась возможность зафиксировать появившиеся отличия в оценках массовым сознанием людей интересующих нас исторических событий и таким образом приблизиться к изучению динамики оценок Кавказской войны. Представляется, что ее исследование является необходимым условием проникновения в глубинные пласты общественного и группового сознания, ответственные за продуцирование стереотипов, мотиваций типов индивидуального и группового социального поведения, а также социальной мифологии. Исследование показало, что за прошедшее время респонденты стали более раскованными и разнообразными в своих мнениях. Увеличилось количество ответов на т.н. открытые вопросы анкеты. Т.е. вместо выбора ответа на вопрос из предложенного перечня возможных ответов респонденты значительно чаще предпочитали сформулировать ответ самостоятельно. Вместе с тем, как и в первом ис-

следовании, у русских и адыгов по-прежнему фиксируются существенные отличия в восприятии Кавказской войны.

Мнения указанных групп респондентов разошлись уже по вопросу о том, какое название: «Русско-кавказская война» или «Кавказская война» является более адекватным. В анкете 1994 года респондентам были предложены такие варианты: 1) Кавказская война. 2) Русско-кавказская война. 3) Национально – освободительное движение горцев Северного Кавказа. На первое место опрошенные поставили понятие «Русско-кавказская война», на второе – «Национально – освободительное движение», на третье место – «Кавказская война».

В анкете 2004 года вопрос был сформулирован следующим образом: «Какое название в большей степени отражает это историческое событие?». Это был так называемый закрытый вопрос анкеты, т.е. он предлагал только три возможных ответа: 1) Русско-кавказская война; 2) Кавказская война; 3) затрудняюсь ответить. Так, 47 процентов от общего числа опрошенных отметили, что это «Русско-кавказская война», 46 процентов – «Кавказская война», а 7 процентов затруднились с ответом. Почти 60 процентов опрошенных адыгов предпочли ответ «Русско-кавказская война», и 40 процентов адыгов – «Кавказская война». У русских ответы на данный вопрос находятся почти в обратной пропорции: около 40 процентов – «Русско-кавказская война» и 52 процента – «Кавказская война» (10 процентов русских затруднились с ответом).

В исследовании 2009 года, которое было идентично социологическому исследованию 2004 года, мнения несколько изменились. Опрошенные на первое место поставили номинацию «Кавказская война» (66 процентов), на второе – «Русско-кавказская война» (33 процента), на третье «затрудняюсь ответить» (6 процентов). Среди респондентов русские составили 60 процентов от общего числа опрошенных (833 человека), адыги – 28 процентов (234 человека). Российские посетители сайта (273 респондента), среди которых русских было 37 процентов, адыгов 46 процентов, отдали

предпочтение понятию «Русско-кавказская война» (58 процентов) и «Кавказская война» (34 процента), затруднились с ответом 6 процентов. На вопросы анкеты зарубежных посетителей сайта www.arigi.adygnet.ru, среди которых в основном были представители адыгской диаспоры (88 процентов), ответы были такими: 84 процента на первое место поставили номинацию «Русско-кавказская война» и только 34 процента сказали «Кавказская война», один процент затруднился со своим выбором. Интересно то, что ряд респондентов в своих ответах на т.н. открытые вопросы анкеты предлагали не вводить в научный и общественно-политический оборот понятие «Русско-кавказская война», а ещё лучше, считают они, запретить его употреблять, т.к. «это может разрушить хрупкий мир на Северном Кавказе». Такие мнения присутствовали в обеих этнических группах.

Таким образом, мы наблюдаем во всех трёх исследованиях один и тот же феномен: респонденты склонны в большей степени связывать название войны с этнической её составляющей.

Расхождения во мнениях по вопросу о номинации войны нашли подтверждение также в ответах на открытые вопросы анкеты. Например, респонденты-русские писали, что «историю трогать не надо», дабы не разжечь межэтнические страсти, а респонденты-адыги настаивали на необходимости «познать всю правду» Кавказской войны, чтобы впоследствии учесть все ее последствия.

Особенно хорошо выступил имеющиеся различия в позициях вопрос анкеты, касающийся наличия интереса к войне: «Есть ли у Вас интерес к этому историческому событию?». Большинство респондентов – 63 процента – утвердительно ответили на этот вопрос.

Около 40 процентов адыгов ответили определенно – «да», и еще 37 процентов – «скорее да, чем нет». Таким образом, тема войны по-прежнему актуальна для абсолютного большинства (77 процентов) адыгов. Больше всего проявляют интерес к историческому событию XIX века представители адыгской диаспоры (85 процентов). У русских ответы на этот вопрос распределились иначе.

Только 24 процента русских респондентов ответили определенно – «да». Примерно столько же (29 процентов) ответили «скорее да, чем нет». Таким образом, количество русских, имеющих относительно устойчивый интерес к войне, составляет около половины от общего числа опрошенных по вопросу номинации.

Расхождения в оценках зафиксированы и в ответах на вопрос: «Согласны ли Вы, что Кавказская война была объективной необходимостью, вытекающей из стремления получить выход к Черному морю и защитить закавказские земли?».

С подобным суждением согласен 31 процент адыгов. Еще 18 процентов «скорее согласны, чем нет». Таким образом, объективную причину войны в сумме усматривает половина адыгов (Затруднились с ответом 22 процента). Не согласны с таким суждением 20 процентов респондентов адыгской диаспоры.

В ответах на этот вопрос русских респондентов картина иная.

Так, 43 процента из них считают, что война была вызвана именно этой объективной необходимостью. Еще 33 процента также скорее согласны, нежели не согласны с такой трактовкой причин начала войны. Таким образом, порядка 77 процентов русских считают, что война была вызвана объективной необходимостью.

Явные различия трактовок причин войны в этнических группах свидетельствуют о сохраняющейся фрагментации историко-идеологического пространства Республики Адыгея и Кубани, которая может быть оценена как скрытый конфликтный потенциал. Разумеется, его наличие совсем не обязательно способно привести к насилию. Однако эта конфликтность постоянно прорывается на страницы газет, журналов и монографий в форме эмоционально насыщенных и этнически окрашенных противоположных истолкований Кавказской войны. Известно также, что по всему Северному Кавказу продолжаются горячие споры вокруг наименований памятников, улиц и площадей, населенных пунктов и даже районов (Лазаревский район Краснодарского края, например). Особенно явно различия интерпретаций Кавказской войны

были выявлены при анализе ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы, что Кавказская война была агрессивной со стороны России?».

Отвечая на этот вопрос, 40 процентов адыгов ответили «да». Еще 20 процентов – «скорее да, чем нет». Таким образом, порядка 60 процентов адыгов склонны «обвинять» историческую Россию в агрессии (Затруднились с ответом 25 процентов). «Обвиняют» Россию в агрессии против исторической Черкесии 85 процентов адыгской диаспоры.

У русских картина иная. 10 процентов согласно с этим утверждением. Еще 14 процентов скорее согласны, чем нет. Таким образом, менее четверти русских считают войну агрессивной. Примерно половина опрошенных дали отрицательный или скорее отрицательный, чем положительный, ответ на данный вопрос.

Расхождения в оценках проявились также при ответе на вопрос: «Согласны ли Вы, что следствием Кавказской войны стало то, что она позволила народам Северного Кавказа приблизиться к цивилизации?». Более 60 процентов русских считают, что «да». Более 60 % русских считают, что «скорее да, чем нет». И только 27 процентов адыгов и 8 процентов диаспоры согласны с таким суждением.

Таким образом, респонденты-русские, как и в исследовании 1994 года, стремились быть достаточно объективными в своих ответах. Однако причастность исторической России к событиям XIX века на Кавказе формирует некий «комплекс виновности», создает дискомфорт в массовом сознании, вызывает потребность в оправдании насильственной колонизации горцев. Не случайно многие респонденты-русские стремятся оправдать насилие на Северном Кавказе якобы привнесением сюда «цивилизации». Но были и такие респонденты, которые считают, что «цивилизацию на штыках не приносят».

Таким образом, можно утверждать, что в этническом сознании адыгов и русских ещё не сформировалось представление о Кав-

казской войне в её рациональной парадигме. И, видимо, произойдет это ещё не скоро.

В обеих этнических группах анкетируемые признают наличие разнообразных «следов» Кавказской войны. Русские больше склонны усматривать их в состоянии межэтнических отношений (51 процент), адыги – в памятниках и названиях населенных пунктов. При этом большое количество адыгов – 44 процента – также считает, что «негативные следы» имеются и в межнациональных отношениях. Респонденты обеих этнических групп находят также эти следы и в возвращении репатриантов на историческую родину (русские – 13 процентов; адыги – 23 процента).

Зафиксированные нами отличия оценок Кавказской войны адыгами и русскими особенно ярко проявились при ответе на вопрос: **«Что нужно сделать, чтобы устраниить негативные последствия Кавказской войны?»**. 34 процента адыгов и 77 процентов представителей диаспоры считают, что для этого необходимо «признать на уровне ООН, федеральной российской власти геноцид адыгов-черкесов». И только 6 процентов русских отмечают, что это надо сделать. Интересно, что такие же данные на этот вопрос были получены и в первом исследовании 1994 года. Вероятно, констатация факта признания геноцида чрезвычайно болезненна для русского национального сознания, которое в настоящее время испытывает большие «перегрузки», возможно, в связи с положением русскоязычного населения в бывших союзных республиках или чем-то другими.

Об остроте проблемы говорит и то, что явно доминирующей в этническом сознании адыгов квалификацией Кавказской войны является ее определение как геноцида. Такой точки зрения придерживается 74% адыгов, каждый пятый (20%) затруднился сформулировать своё мнение. 5% респондентов полагает, что квалифицировать Кавказскую войну как геноцид неправомерно.

На вопрос о том, следует ли добиваться официального признания геноцида адыгов, ответы распределились таким образом:

64 % – «да», 10% « – «нет», 26% – «затрудняюсь ответить». Ответы русских респондентов: 8 % – «да», 52% – «нет», 40% – «затрудняюсь ответить».

Многие считают, что стремление добиться официального признания геноцида сегодня не имеет реального шанса найти поддержку у руководства РФ, в российском научном сообществе и в российском массовом сознании. По мере усиления требований этнических активистов к российскому государству официально признать геноцид в среде российской государственно-политической бюрократии, в российском научном сообществе и массовом сознании будут усиливаться реакции раздражения, и это может углубить границу между адыгами и остальной частью России. Таково мнение ряда российских и региональных политологов. Действительно, большинство адыгов прекрасно понимают, что ни федеральный центр, ни российская общественность не только в ближайшее время, но и в отдаленной перспективе, не признают геноцида адыгов/черкесов. Дело в том, что эта проблема из научной и практической проблемы (возвращение репатриантов-адыгов на историческую родину) переросла в политическую спекуляцию. Видимо, в чем-то с такой аргументацией можно и согласиться. Но это же можно трактовать и по-другому. Например, итоги последнего опроса по теме: «Актуальные социально-политические проблемы Республики Адыгея в массовом сознании», проведенного в 2011 году, свидетельствуют о том, что желание большинства опрошенных (64%) добиваться официального признания геноцида можно понимать прежде всего как латентную реакцию адыгского населения на замалчивание его истории и катастрофических последствий Кавказской войны.

К этой рефлексии примыкает и такая актуальная для адыгов тема, как проведение зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году. Данное событие совпадает со 150-летней датой окончания Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе. На вопрос о том: «Как Вы относитесь к проведению Олимпиады в Сочи?» – 62% респон-

дентов ответили, что «хорошо»; 25% – «нейтрально» и 13% сказали «плохо». Такие ответы свидетельствуют о том, что для большинства адыгского населения эта тема довольно далека от его насущных житейских проблем, но она присутствует в его исторической памяти.

Обращаясь к этой проблеме наиболее «продвинутые» респонденты отмечали, что на них произвело сильнейшее впечатление уважительное отношение организаторов Олимпиады в Ванкувере к исторической памяти и культурам коренного населения Канады, каковыми являются индейцы. Этот опыт толерантности мог бы, считают они, стать положительным примером по отношению к адыгам и абхазам как коренным народам Северо-Западного Кавказа, на исторической территории которых будет проходить Сочинская Олимпиада.

При всех расхождениях в оценках войны у адыгов и русских они сходятся в том, что федеральный центр не учитывает (или скорее не учитывает, чем учитывает) уроки войны. Достаточно сказать, что четверть от общего числа опрошенных в обеих этнических группах затруднились с ответом. Суммарное же количество русских, считающих так, – чуть меньше половины от общего числа опрошенных. Адыгов – около 60 процентов.

С этой оценкой респондентов можно согласиться. На самом деле, какой-либо эффективной научно обоснованной работы с использованием «аргументов тонкой настройки» по снятию постконфликтного синдрома, вызванного Кавказской войной, не ведется.

Сегодня также нет сколько-нибудь официально обоснованного на федеральном уровне присутствия «адыгского культурного компонента» при открытии и закрытии Сочинской Олимпиады. Исторические (и псевдоисторические) аргументы по-прежнему часто используются в узко политических, а не общественных интересах. Наше исследование, которое выявило сохраняющуюся актуальность Кавказской войны, наличие противоречий в ее оценках, показывает, что удовлетворительного ответа на запро-

сы массового сознания власть пока не дала. Историческая травма – Кавказская война – по сей день находится на периферии ее внимания. Неслучайно, например, для большинства адыгов и сегодня так актуальны требования признать факт насильтвенного изгнания адыгов с исторической территории (народ-изгнаник), а в терминах ряда историков и политиков – факт геноцида коренного населения в годы Кавказской войны. Иными словами, респонденты-адыги исходят из необходимости восстановить очевидную историческую справедливость – продекларировать «...всего лишь признание моральной вины старого российского государства перед их предками....» (И. Куценко. Газета «Кавказские новости» – № 5, 11 мая 2004 г.). Это значительно поднимет авторитет федеральной власти среди народов Северного Кавказа, будет способствовать более высокому уровню межэтнического согласия и доверия.

Л.П. Колодникова
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МИРОВЫХ ИМПЕРИЙ В ТРУДАХ РУССКОГО ГЕОПОЛИТИКА А. Е. СНЕСАРЁВА

*Пусть другие перекраивают динамику Европы –
мы желаем оставаться только
вестниками и проводниками мира.*
А.Е. Снесарёв

В истории все взаимозависимо и тесно переплетено. Десять лет тому назад по личному распоряжению Владимира Владимировича Путина были рассекречены и начали публиковаться Институтом российской истории уникальные документы ведомства Лубянки. Именно эти документы в 20–30-е годы прошлого столетия в совершенно секретном формате докладывались высшему руководству СССР, так как содержали объективную информацию о подлинном положении в стране. Эти документы неожиданно выясвили фигуру выдающегося русского ученого-геополитика, Андрея Евгеньевича Снесарёва, приговоренного к высшей мере наказания по делу Русского национального центра и делу «Весна» 1930 года. По личному указанию Сталина, расстрел Снесарёву заменили пребыванием в лагерях, но в 1934 году ученого освободили «условно-досрочно» в связи с инсультом, а 4 декабря 1937 г. он умер в забвении на руках у жены, ненадолго его пережившей. В материалах «Лубянки» упоминались труды Снесарёва, в том числе в области изучения им исторического опыта существовавших империй. Так возникла мысль в рамках нашего семинара обратиться

к творческому наследию Снесарёва, которое относится к категории классики, а она, как известно, бессмертна, всесильна и в высшей степени поучительна.

Без знания работ блестательного русского ученого Андрея Снесарёва, человека, обладавшего энциклопедической образованностью (знал 14 европейских и восточных языков), государственным умом, широким политическим кругозором, в полной мере сложно постичь «роковые вопросы» как мировой, так и российской геополитики, в том числе проблемы империй и перемещений гигантских потоков народов.

Поистине великое идеиное наследие, оставленное нам Снесарёвым, и сегодня еще не постигнутое в полной мере, актуально не только обращением в прошлое, но и возможностью для будущих прогнозов. Его труды охватывают период конца XIX и первую треть XX столетий. Конечно, он анализирует происходившее в мире с позиций своего времени, рассуждая о непростых судьбах империй и народов их населявших накануне мировой или Великой войны, а также прослеживает судьбу Российской Империи в преддверии ее революционной ломки.

В начале XX столетия Снесарёв предупреждал соотечественников о возможных будущих трагедиях в судьбах Российской Империи. Он рассуждал так: «Наша Родина нуждается в самом глубоком покое, ее границы должны быть совершенно надежны, и потому все внимание общественных сил должно быть приковано к внутренним реформам. Мы... [не должны] лезть в драку... Воевать нам еще очень и очень рано» «...Россия ни в коем случае не должна вовлечь себя в европейский конфликт. Каковы бы ни были наши интересы на Балканах, но они не могут оказаться на высоте условий, диктующих войну для современной России. Это не значит, что мы должны себя держать малодушно и молчаливо в грядущем концерте дипломатических собеседований, но увлечь себя до готовности рисковать воиною мы права не имеем»¹.

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идеиного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С. 148-149.

Изучая наследие А. Снесарёва, удалось обнаружить достаточно интересный материал под названием «Дружба ценна сама по себе»¹. Именно так Снесарёв характеризовал отношения России и Италии в начале XX века.

«Что важно в отношениях России и Италии, – размышляет русский ученый, – так это постоянная и планомерная доброжелательность. Мы не должны преувеличивать ценности взаимных интересов и той, и другой сторон, которые в некоторых случаях, может быть, и значительно скромны, но, как таковые, в их прямом и ясно учтенном для нас смысле, они имеют постоянную для нас ценность... Мы совсем не поклонники тех взглядов, представители которых из Италии хотят создать какой-то пластырь для нашей юго-западной соседки. Это значит раздувать итальянский курс нашей политики далеко за пределы реальной оценки и прививать ему столь опасную в искусстве дипломатии идеологию... Мы можем спокойно сказать всей Европе, а не одной только Италии, что для нас дружба с нею имеет цену сама по себе как источник и поддержка наших взаимных интересов и как закрепление столетия дружественных отношений; что под оболочкой этой дружбы мы не имеем в виду посторонних расчетов вроде перебрасывания Италии из одной дружественной семьи в другую и что, вообще, мы желаем лишь констатировать продолжение наших добрых связей с Италией, без какого бы то ни было – хотя бы отдаленного – последствия на ее политический курс. Пусть другие перекраивают динамику Европы – мы желаем остаться только вестниками и проводниками мира»².

Значительное место в своих исследованиях Снесарёв отвел сопоставлению судеб двух крупнейших империй – Российской и Британской, от взаимоотношений которых зависели судьбы миллионов людей и не только их подданных.

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С.142.

² Там же. – С.142-143.

Снесарёв указывал на то, что «энергия поступательного движения России и Англии переходит в соперничество по сближению этих стран до политического соприкосновения, причем перекрещивание интересов совершается на фоне самобытного, продолжающего существовать и восходящего в своем значении азиатского мира»¹.

Рассматривая проблемы взаимоотношений Российской и Британской империй, Снесарёв подчеркивал, что «три века тому назад Россия и Англия начали проникать на территорию огромного материка Азии: первая – с запада, вторая – с юга; поступательные движения обеих первоклассных стран, сильно различающиеся по мотивам и руководящим причинам, но значительно сходные по внешним признакам, каковы, например, одинаковость политических и военных поводов, движения по линиям наименьшего сопротивления и т.п., привели их в первой половине прошлого столетия к политическому соприкосновению на театре Средней Азии»².

Вся энергия держав ... конденсировалась в состязание двух теперь сблизившихся держав за политическое преобладание и будущее властовование над Средней Азией.

Снесарёв убедительно доказывал, что ключом «к мировым политикам», или на языке современных геополитиков «сердцем земли», все же являются не земли Европы, а территория, охватывающая российский Туркестан, Хиву, Бухару, Тибет, Кашгирию, Памир, Афганистан, Восточную Персию, Балуистан (Baluchistan) (северной) Индии.

Именно этот крайне нестабильный и изменчивый регион, уверял Снесарёв, часто находился на периферии великих империй, включая созданные Александром Великим и монголами. Единственным основным исключением к этому правилу явилось создание Тимуром своей империи с центром в Центральной Азии

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С.44.

² Там же. – С.43-44.

в XIV веке. Снесарёв утверждал, что в XIX и XX веках Российская Империя и Советский Союз действовали в качестве фактических законных приемников Ченгиз Хана и Тимура. В этом плане достаточно интересна мысль Снесарёва о двух типах границ – как государственной, и так называемой стратегической.

Снесарёв отмечал, что страны-соперницы российская и британская империя резко различны между собой, вследствие чего склонны применять разные приемы борьбы...¹ Вместе с тем, Снесарёв подчеркивал, что в целом вопрос был бы слишком прост и примитивен, если «бы все сводилось к одному лишь состязанию двух европейских держав; но судьбе угодно было сделать вопрос более сложным. Обе европейские волны, представляемые нашей Родиной и Англией, двигаясь по материку Азии, катились не по мертвому безжизненному пространству, они на своем победоносном пути крыли старое, более древнее чем Европа, азиатское дно; но, покрыв его и даже до некоторой степени заглушив своей мощью, культурой, своими техникой и золотом, они не убили его окончательно»².

Азиатский мир продолжал жить своими старыми устоями, храня в глубине упорную мысль о других идеалах, о другом жизненном укладе и религии. Время от времени, уже подчинившись европейским державам, этот мир решительно и пылко проявлял себя против одной из победительниц, иногда даже с частичным успехом.

В этом соперничестве двух империй – политическая победа в Средней Азии всегда оставалась за Англией. Снесарёв объяснял это большей культурой Англии, в ее несравненном с нами [Россией] богатстве, в большей гибкости и разнообразии ее приемов политики...»³.

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С.44.

² Там же.

³ Там же. – С.46.

Объясняя пространственное движение России, Снесарёв полагал, что «более даровитая политически и более устойчивая вообще ветвь славянского племени – русский народ...очевидно не могла довольствоваться Великой российской равниной для окончательного самоопределения в пространстве. «Много столетий велся этот процесс искания великим народом более обширной и более разнообразной по содержанию площади для создания окончательной территории, и этот процесс, быть может, не закончился еще и ныне»¹, – такова мысль Снесарёва.

Важную причину поступательного движения русских Снесарев видел в так называемом «стремлении к власти». Под этим он понимал тот постоянный внутренний импульс, который побуждал как отдельные личности, так и целые государства, расширять сферу своего влияния.

Говоря о Российской Империи, Снесарев подчеркивал следующее: «На север мы без труда дошли до холодной линии океана, но льдины, заковывающие его на три четверти года, не обещали нам чего-либо выгодного. На западе славянский мир давно столкнулся с сильным германским племенем и должен был не только остановиться перед этим одинаково могучим противником, но даже уступить ему некоторые из его исконных мест, в этой же борьбе он потерял часть своей семьи в лице чехов, поляков и других племен...»².

Снесарев отмечал, что на юг Россия пробивалась всегда с большим упорством и более сознательно; в этом направлении нас особенно тянули к себе Средиземное море и колыбель нами воспринятой религии и культуры – Византия, но в XVII-XVIII веках мы сталкивались здесь с сильными и находившимися тогда наверху своего могущества османами, а в XIX веке, когда Турция постепенно слабела, мы в южном направлении встретились с ее

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С.49-50.

² Там же. – С.50.

помощниками: Англией и отчасти Австрией, в новейшие дни, как известно, на страже Босфора появился еще новый часовой в лице Германии»¹.

В связи с этим, – продолжает Снесарёв, – подобные преграды на севере, западе и юге заставили народную энергию искать другого исхода и других путей, русскому народу оставалась Азия, и он рванулся в нее по всем возможным направлениям; этих направлений издавна существовало три – прямо на юг, через Кавказ, на юго-восток – через киргизские степи и далее к Индии и на восток по Сибири к Великому океану и Китаю².

Азия для русского народа, – по оценке Снесарёва, – зажатого со стороны запада и Северного океана, «...представляла несравненно меньшее препятствие, чем Европа. Коренные жители Азии, народы финского, монгольского и тюркского племен, были малочисленны, разбросаны или раздроблены, подавлены неприветливой природой и по многим причинам не были подготовлены, а может быть, и совсем не годились для роли долговечного исторического народа; поэтому они не могли представить собой той преграды, которая встречала нас на западе и юго-западе³.

Движение России на восток, по убеждению Снесарёва, «было так естественно, раз русскому народу суждено было сделать историю, но возникает вопрос, почему это движение мы начали так поздно, только с XVI столетия, почему на материке Азии нас могли предупредить другие народы Европы, хотя бы, например, французы или англичане. Ответ на такой вопрос получится едва ли скоро. Темная и мало разгаданная Азия, словно сфинкс, стоит преградой на пути решения тех задач, в которых заинтересованы Азия и Европа вместе».

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003. – С. 148-149.

² Там же. – С.51.

³ Там же.

И далее Снесарёв высказывает очень глубокую, хотя и не бесспорную мысль: «заблаговременное и серьезное изучение этой страны, проливая ясный свет на среднеазиатский вопрос, спасло бы нас не один раз от печальных промахов в других частях, а прежде всего в средней части нашего огромного азиатского фронта. Быть может, мы сочли бы тогда пустой потерей времени пробиваться к Средиземному «озеру», насыщенно вызывая тем к жизни давно умершие идеалы Карфагена, Венеции, Генуи и др. торговых республик, теперь также бедных или совершенно погибших, как и роль создавшего их моря; с другой же стороны, и на Дальнем Востоке мы, быть может, шли бы более разумным и осмысленным шагом и не пережили бы недавнего позора. Не покажут ли хотя теперь наши неудачи на Ближнем и Дальнем Востоке тот центр тяжести нашей азиатской политики, который так давно и систематично нами упускался из виду?»¹.

Вслед за Н. Макиавелли и задолго до Г. Моргентау и Г. Киссинджера, Снесарёв призвал культивировать, причем на российской почве, искусство реальной политики здорового (разумного) эгоизма.

В этой связи он рассуждал о том, что Россия не должна придерживаться «глупой теории международной сентиментальности и самопожертвования и представляться на конференциях в роли какого-то бескорыстнейшего Дон-Кихота, которому ничего не нужно и который выступает на сцену с исключительно превысенной целью раздавать подарки....».

Конкретизируя свою мысль, он обращался к проблеме проливов. Снесарёв замечал, что нередко российские деятели рассуждают так, что « и Дарданеллы нам совсем не нужны....», «Дарданеллы если и утратили для нас старинный острый интерес, то все же сказать, что они нам не нужны, более чем грешно; дружить с Турцией, исконным нашим врагом и врагом наших младших братьев, – эта мысль тоже едва ли улыбнется русскому человеку. Правда так

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003.. – С. 65-66.

мыслит Англия. Она по-прежнему «считает» проливы для России не нужными, а за Турцией она начинает ухаживать изо всех сил...».

Снесарёв отмечал в одном из своих сочинений: «Мы нередко встречаем людей, которые углубляются в труды Моммзена, Гиббона, Маколея, Финлея и др. историков, чтобы понять судьбы Рима и Византии и выяснить влияние на жизнь этих государств их колониальной политики, а между тем на наших глазах в Англии вновь повторяются события, столь похожие на пережитые в дни падения Рима и Византии, выплывают на сцену те же ошибки государства и уже зреют плоды этих ошибок, а мы идем мимо этих событий, безучастные и невнимательные»¹.

С другой стороны, он подчеркивал, что «судьбе угодно было поставить нас у ворот английского могущества, расположив нашу Родину недалеко от Индии. Не Англии надо бы руководить нами и систематически становиться на пути наших замыслов и нашего величия, а, наоборот, мы должны держать ее в руках, мы должны предписывать ей свою волю. Будем помнить, что совсем недалеко от нас за снежным хребтом Восточного Гиндукуша лежит Индия, опора британского могущества, а может, и вправду ключ ко всей мировой политике»².

В отношении Балканского региона Снесарёв высказывал следующие мысли: «На Балканах мы преследовали и чисто личную цель, которая сводилась к нашему движению вперед, к прорыву в воды Средиземного моря и к воссоединению единоверных нам народов под главенством России и цель общеславянскую»³. «Не отказываясь от личных целей на Балканах, нам хочется все же вспомнить про одну личную цель России, которая едва ли может быть ею упущена из виду. Мы разумеем ее своеобразное положение на Черном море, не соответствующее ни достоинству России,

ни нашим разносторонним государственным задачам. Рано или поздно, но России нужно сбросить с себя эти цепи, когда-то наброшенные на нее заботливой рукой Альбиона»⁴.

Снесарев пишет о том, что «На Балканах мы совсем сбились с толку... Попытка нашей дипломатии идти на Балканах рука об руку с Англией была, конечно, ошибкой, ибо наши интересы с интересами Великобритании совпасть здесь не могут; но и этого курса мы не могли держаться и создали в результате какую-то толчею, в которой мы не можем понять ни себя, ни других»⁵.

В первом десятилетии XX в. Снесарёв констатировал, что «Россия придерживается в настоящий момент политики бесконечного великодушия и постоянных уступок»³. Однако, предупреждал он, «Европа умна; она всегда сумеет придумать для нас такую густую повязку, которая плотно охватывая наши глаза, делает нас слепцами». Он называл очевидно гнилою политику России, которая связана с «донкихотским исканием счастья для чужого народа, покупая его собственными минусами» (126) Он подчеркивал: «от трезвых янки, конечно, нельзя ожидать иной политики, как политики здорового эгоизма. Плоха та политика, которая руководится не одним рассудком, а сентиментальными или иными чувствами. Вытаскивание для других каштанов из огня – занятие неблагодарное, на котором легко можно обжечься»⁴.

Снесарёв предупреждал Россию от непродуманных политических скачков, малодушной торопливости, и, напротив, отдавал предпочтение курсу известной последовательности вариаций и перемен⁵.

В канун Первой мировой войны он писал о том, что «напряженное соперничество Англии и Германии является, как известно,

¹ Снесарёв А.Е. Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М., Военный университет. Русский путь, 2003.– С. 66-67.

² Там же. – С. 67.

³ Там же. – С. 117.

⁴ Там же. – С. 128.

⁵ Там же. – С. 138, 141.

доминирующим фактором при всех осложнениях на пространстве почти всего старого континента...». Прозорливый русский ученый главной реальной опасностью для России начала XX века все же считал «силы зла и террора», разрушавшие Отечество изнутри. В начале прошлого столетия Снесарёв в письме из Лондона своей сестре заметил следующее: «Нет, в русских я не разочаровался, даже больше: чем больше присматриваюсь к Западной Европе, тем более и более удивляюсь величию и способностям русского человека...».

Как известно, история – это неразрывная связь времен, единая цепь, где важно каждое звено, в том числе и день сегодняшний. В XXI столетии большая политика идет своими путями и цивилизационная самостоятельность России, ее радикальная знаковость по отношению к Западной и Центральной Европе, удачно сочетаются с включенностью ее в Большую Европу. Представляется, что наследие Снесарёва,озвучное современности, благодатно способствует пониманию сложных вопросов современности.

Л. И. Цвижба

(Москва)

СЫНЫ КАВКАЗА В РЯДАХ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ: НА ПРИМЕРЕ АБХАЗИИ

Вхождение Кавказа в Российскую империю происходило сложно, неоднозначно. Многочисленные документы отражают все аспекты этого процесса. Так сложилось, что в историографии Кавказской войны исследователи в большей степени говорят о ее военной составляющей. В этом контексте следует обратить внимание и на участие горцев в военных экспедициях в составе русской армии для покорения своих соотечественников. Это были большей частью иррегулярные формирования, которые входили в состав русской армии.

По-разному можно оценивать деятельность этих горцев-воинов. Можно относиться к ним с сочувствием, можно с определенной степенью понимания. В любом случае, эти люди сделали свой выбор, часть из них вполне сознавала, что мировые державы поделили мир, Кавказ достался Российской империи. Одни, присягнув, понимали, что нельзя нарушать присягу, и соответственно, пополняли ряды русской армии, другие, возможно, видели «силу русского оружия» и, понимая, что сопротивляться бесполезно, делали все возможное для приведения в покорность своих соотечественников, иногда и с помощью оружия. Возможно, среди тех, кто был на стороне российской политики, имелись и авантюрного склада люди, которые занимали ту или иную позицию в зависимости от ситуации. В любом случае, каждый делал свой выбор, осоз-

нанно или по ситуации. Эти люди, с одной стороны герои, получавшие за свои подвиги награды, с другой – предатели собственного народа и интересов народов Кавказа. Сегодня мы должны говорить о них не осуждая, а пытаясь понять их, тем более, что это уже история далекая.

Нижеизложенный материал носит биографический характер и является незначительной частью готовящегося биографического справочника с условным названием «Абхазы на службе в русской императорской армии». Сведения отличаются содержанием и объемом, так как представлены люди разных сословий и чинов, в то же время мы видим конкретного человека в контексте взаимоотношений России и Кавказа.

Высокогорные районы Абхазии – Цебельда, Дал – долго оставались вне власти царской администрации и фактически не признавали власть владетеля, упорно защищали свою независимость. Для покорения этого региона Абхазии, в 1837 г. организована экспедиция, в которую входили помимо русского отряда, мегрельское ополчение – 650 человек, имеретинская дружина – 240 чел., гурийская – 60 чел., и абхазская дружина – 300 чел. Всего их было 1250 чел., из них конных – 250 мегрельцев и 150 абхазов¹.

Вот некоторые милиционеры Абхазской дружины, которые отличились в этом походе, за что были отмечены наградами:

Гваджал Амурза – дворянин, милиционер Абхазской дружины. За отличие, оказанное в экспедиции против горцев Цебельды в 1837 г. и при занятии мыса Константиновского 12 июля 1838 г., награжден Знаком отличия Военного ордена под №72345².

Гезердава Гусейн – дворянин, милиционер Абхазской дружины. За отличие, оказанное в экспедиции против горцев Цебельды

в 1837 г. и при занятии мыса Константиновского 12 июля 1838 г., награжден Знаком отличия Военного ордена под №72347¹.

Гублия Даут – дворянин, милиционер Абхазской дружины. За отличие, оказанное в экспедиции против горцев Цебельды в 1837 г. и при занятии мыса Константиновского 12 июля 1838 г., награжден Знаком отличия Военного ордена под №72346².

Маршания Хинкорос Дорука-ипа – происходил из цебельдинских князей. Старшина Цебельдинского народа, владелец долины Дал.

За экспедицию в Цебельду в 1837 г. произведен в чин прапорщика в 1838 г. и награжден жалованьем в 600 руб. медью.

Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г.³

Из рапорта исправляющего должность начальника 3-го Отделения Черноморской береговой линии полковника [Н.Н.] Муравьева командиру Отдельного Кавказского корпуса господину генералу от инfanterии и кавалеру [Е.А.] Головину 1-му от 23 февраля 1841 г. следует:

Дальский князь прапорщик Хинкорос Маршания явился первый при покорении войсками нашими Цебельды в 1837 году и представил начальству младшего брата своего Шабата, как человека известного по беспокойному характеру. В прошлом году, пользуясь обстоятельствами, Шабат с партиею злонамеренных дальцев восстал против своего брата Хинкороса и вместе с тем против правительства.

Мятеж весною был утешен в самом начале, но князь Хинкорос выдержал осаду в своем доме и содержал собственными средствами вспомогательные войска из абхазцев состоявшие. Это наиболее послужило к скорейшему окончанию мятежа в Цебельде.

Осеню дальцы опять принялись за оружие против правительства, но боясь противодействий князя Хинкороса при самых вер-

¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6331. Л.3-Зоб.,13.

² Там же. Л.355об.

³ РГВИА. Ф.17419. Оп.2.Д.882. Л.118-119,178-178об.

ховьях Кодора, внутри Дала обитавшего, предлагали ему присоединиться к ним, угрожая в противном случае истреблением жилища и семейства его. Прапорщик князь Хинкорос отверг все предложения против правительства, несмотря на явную опасность, и когда увидел, что большая часть подвластных присоединилась к мятежникам, то с семейством скрылся тайно из своего дома, ушел в Абхазию и оставил мятежникам все свое имущество на расхищение.

Наконец, Дал дождался достойного наказания. Прапорщик князь Хинкорос, предводительствуя шестьюстами Абживских милиций, принимал в экспедиции против Дала самое действенное участие. Он действовал сначала от отряда и перешел по распоряжению моему высокий хребет Панавских гор, через глубочайшие снега и в то время когда этот путь считался недоступным. Внутри Дала князь Хинкорос сам вызвался истребить все жилища до верховьях Кодора, не исключая собственного своего и выгнать оттуда всех жителей, когда по обстоятельствам я нашел это необходимым. Возложенное на него по собственному вызову поручение князь Хинкорос выполнил с неимоверною быстротою и точностью, но вместе с тем он лишился и остального своего имущества.

Простое изложение дела достаточно показывает всю степень усердия и преданности князя Хинкороса Маршания и пользу, принесенную им особенно при последней экспедиции в Дал. Подобные заслуги и самоотвержение на пользу правительства в азиатцах Кавказского края редки и требуют примерного вознаграждения, чтобы не послужили укором от соотчичей для того, кто их оказывает и напротив, чтоб внимание к людям столь редким поощряло и других к подобному самопожертвованию.

В представлении прапорщика князя Хинкороса Маршания, я не могу ограничиться обыкновенным порядком и приемлю смелость всепокорнейше просить Ваше высокопревосходительство исходатайствовать ему производства в поручики с производством жалованья и сверх того посмертного пенсиона по 300 рублей серебром в год.

Полковник Муравьев
23 февраля 1841 года
в Абхазии укреп. Бомборы¹.

Из рапорта командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина военному министру А.И.Чернышеву от 5 апреля 1841 г. следует: он [Хинкорос] – «главный виновник покорения нам своей Родины». В 1837 г., при покорении Цебельды, представил русскому начальству младшего брата своего Шабата, как человека «известного по беспокойному характеру».

Из рапорта владельца Абхазии М. Шервашидзе в штаб Отдельного Кавказского корпуса от 21 февраля 1842 г., с представлением списка отличившихся в делах против убыхов в 1841 г., о Хинкоросе следует: «Известный давно своей храбростью с особым усердием служил во все время экспедиции против убыхов».

Был женат на сестре владельца Абхазии М. Шервашидзе Русудан. Имел детей: дочерей – Гваша-куч (7 лет), Ноктаханум (8 лет), Кебриханум (10 лет), сыновей – Заусхана (11 лет), Давида (13 лет) на 1849 г.

Умер 25 февраля 1849 г.

За услуги и преданность Российскому правительству детям назначен пенсия 150 руб. серебром 15 декабря 1849 г. Вдова вышла замуж².

Шервашидзе Григорий Александрович – родился 8 мая 1824 г., происходил из владельческих князей Абхазии, вероисповедания православного.

Воспитывался в частном учебном заведении.

Произведен в прапорщики милиции 19 мая 1836 г., подпоручики милиции 26 февраля 1838 г.

29 декабря 1840 г., когда вся абхазская милиция послана была для взятия приступом скалы на правом берегу Кодора, из-за кото-

¹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.882. Л. 77-78,179-180. Подл., копия.

² Там же. Ф.395. Оп.147. Д.91. (1841 г.). Л.1-2; Д.521. (1849 г.).Л.3; Оп.315. Д.831. (1861 г.). Л. 263об.-264. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 985. Л. 20-20об.

рой неприятель сильно вредил нашим [российским] войскам, он, Беслан и Гудз Анчабадзе, Хамурза Маршани первые бросились на гору, и, невзирая на жестокий огонь неприятеля, с отличным мужеством и храбростью выбили его из едва доступной его позиции и обратили в бегство. Григорий Шервашидзе, кроме того, с 25-ю человеками собственных людей был вправо от Богады при занятии горы и при истреблении на ней аула ротного сборного линейного батальона, где он быстротою своею много содействовал успеху, одержанному этой ротой.

За отличие в делах против дальцев награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с бантом 11 ноября 1841 г., против псувцев – орденом Св. Анны 3 ст. с бантом в 1841 г.

Произведен в поручики милиции 7 февраля 1844 г., в штабс-капитаны милиции 13 мая 1854 г., в ротмистры с переводом в л.-гв. Казачий полк с назначением состоять при владетеле Абхазии 27 февраля 1855 г.

За отличие против турок награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами 30 октября 1857 г.

Произведен в полковники (по вакансии) 3 апреля 1860 г.

За отличие в делах против горцев награжден: орденом Св. Станислава 2 ст. с императорскою короною и мечами 30 июня 1861 г., за отличие по службе – орденом по чину 24 сентября 1861 г., за отличие по службе – орденом Св. Анны 2 ст. с мечами над орденом 30 марта 1864 г., орденом Св. Анны 2 ст. с императорской короной и мечами. Находился при Ахчипсувском отряде 28 октября 1864 г.,

Назначен командующим вновь сформированного Сухумского конно-иррегулярного дивизиона 1 января 1877 г., командующим в переформированный в конно-иррегулярный полк 5 мая 1877 г., начальником кавалерии Ингурского отряда 30 июня 1877 г.

За отличия в делах против турок произведен в генерал-майоры с зачислением по армейской кавалерии и с оставлением при Кавказской армии. Награжден орденом Св. Владимира 3 ст. с мечами 19 декабря 1877 г.

Произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы с мундиром и пенссией 2 июня 1890 г. По выходу в отставку проживал в г. Сухуме.

Был в походах и делах против: цебельдинцев (под начальством г.-а. Г. В. Розена) в 1837 г., дальцев (под начальством полк. Н. Н. Муравьева) в 1840 г., убыхов (под начальством г.-м. И.Р. Анрепа) в 1841 г., псувцев в 1843 г., 1860 и 1861 гг., турок в 1853, 1854 и 1856 гг. В 1877-1878 гг. против турок в составе войск на Кавказско-черноморском побережье, под Сухумом, у Маджарского поста, у с. Званбай и м. Дранда, у Багадского моста на р. Кодоре, у сел: Илори, Очемчиры, Поквеш и т.д.

Был женат на княжне Агафии Дадиани. Имел 3-х сыновей: Ивана 39 лет, Александра 32 лет, Константина 28 лет; 5-х дочерей: Кесарию 36 лет, Александру 34 лет, Анастасию 31 года, Софию 28 лет и Саломе 25 лет. (Сведения даны на 1890 г.) По документам на 1882 г. у Григория был еще один сын – Михаил – 15 лет от роду.

Имел родовое имение – две деревни: Атара и Бабышера, в которых было около 300 дворов. По другим сведениям родовые имения – Атара, Цкургили и Эмкит, которые составляли 5000 десятин земли¹.

В представлении к награде за участие в походе против убыхов в 1841 г., составленном владельцем Абхазии Михаилом Шервашидзе от 21 февраля 1842 г., значится: «Молодой человек этот, с хладнокровием перенесши трехдневный огонь, восплашенный мужеством и храбростью, одобрял собой милиционеров, с ними бросался на неприятеля и отражал его всегда с чувствительным уроном»².

* * *

Отряд русской армии, высаженный у селения Сочи в апреле 1838 г., в своих рядах имел и представителей Кавказа, как служивших в

¹ РГВИА. Ф.400.Оп.9.Д.20578.Л.249-249об., 265; Оп.1.Д.4734.Л.30-35об.; Ф.14719. Оп.2.Д.882.Л.62об.-63.

² Там же. Ф.14719. Оп.2.Д.895. Л.16-16об., 18об.

регулярных частях (Мингрельский егерский полк, Лейб-гвардии Мингрельский казачий полк), так и в иррегулярных (Мингрельская, Гурийская, Имеретинская, Абхазская дружины).

Многие горцы, за отличие в действиях против горцев 13 апреля 1838 г., при высадке десанта на черкесский берег Черного моря у селения Соче, были награждены чинами и знаками отличия в апреле 1839 г. Например, находившийся при Отдельном Кавказском корпусе владетель Абхазии г.-м. М. Шервашидзе награжден орденом Св. Станислава 1 ст., владетель Мингрелии штабс-ротмистр Лейб-гвардии Мингрельского казачьего полка кн. Да-диан – произведен в чин ротмистра, подпоручик Мингрельского егерского полка Званбай (переведен 6.3.1839 г. в Черноморский линейный №9 батальон) награжден орденом Св. Анны 3 ст.¹

Среди тех, кто состоял в Мингрельской дружине, награждены 33 человека, в том числе: урядник, прaporщик князь Зараб Чхотуа – орденом Св. Анны 4 ст., дворянин Кацо Учанович Маргания произведен в чин прaporщика (пр. ВМ 21.04), Пахвал Бежанович Маргания и князь Бут Иахметович Емухвари награждены серебряными медалями с надписью «за храбрость», Гиго Паатович Гобечия – знаком отличия Военного ордена².

Среди милиционеров, состоявших в Имеретинской дружине, были награждены 85 человек, в Гурийской дружине – 31 человек³.

Начальником Абхазской дружины был майор Кац Бежанович Маргания, который награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом и высочайше дозволено ему носить штаб-офицерские эполеты. Взводные командиры: прaporщик Леван Хасанович Зумбаев награжден жалованьем – 750 руб. ассигнациями в год; князь Беслан Деругович Анчабадзе произведен в прaporщики (пр. ВМ 21.04)⁴.

¹ РГВИА. Ф.14719.Оп.3.Д.868.Л.3об.

² Там же. Л.10-11.

³ Там же. Л.11об.-15об.

⁴ Там же. Л.15.

Помощники взводных командиров: прaporщик Исмел Софимович Сажба награжден орденом Св. Станислава 4 ст. и единовременной выплатой 100 руб. серебром. Князь Леван Манучарович Эмфор и дворянин Есмел Лашкадсович Гаджев произведены в прaporщики. Прaporщики: Которбай Ротанович Маргания награжден орденом Св. Станислава 4 ст. и единовременной выплатой – 100 руб. серебром, а Мисоуст Маргани – орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость»¹.

Князь Мисоуст Темуркович Анчабадзе произведен в прaporщики (пр. ВМ 21.04). Дворяне: Таг Болгус Кортопов награжден золотой медалью с надписью «За храбрость», а Петр Хитович Симония – пенсионом по 50 руб. серебром в год, Давид Мацуевич Коблия – золотой медалью с надписью «За храбрость»².

Серебряными медалями с надписью «За храбрость» были награждены милиционеры из дворян: Ахмет Яковлевич Парнаутов;

из крестьян: Агерба Селюк Шакур, Копешавидзе Николас Давыдов, Гублиа Нарцу Шас, Пилиа Капелла Учардиев, Цудза Гусеин Кеслумович, Габния Фафа Чикович.

Серебряными медалями с надписью «за храбрость» и пенсионом по 25 руб. ассигнациями в год награждены милиционеры из крестьян: Гумба Тас Нарча, Даринзин Камбан Джудар, Читан Пас Темуркович, Габния Нарц Семенович³.

* * *

Экспедиция в общество Дал, совершенная в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г. проходила также при участии абхазских дружин. Здесь уместно вспомнить историю цебельдинского дворянина Схоца Темуркви, который пострадал еще в 1837 г. при покорении Цебельды. При вступлении экспедиционного отряда в Цебельду, абхазские милиционеры и русские фуражиры сожг-

¹ Там же. Л.15.

² Там же. Л.16об.

³ Там же. Л.16об.-17.

ли его селение, притом, что он, до появления отряда, приходил к командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу от инфантерии Г.В. Розену с покорностью. Ущерб, нанесенный Схоцу, составил 600 руб. серебром. Тем не менее он продолжал оказывать всячески услуги, отличался «особенною преданностью» правительству, а во время экспедиции в Дал под начальством полковника Н.Н. Муравьева с «неподражаемым усердием и точностью в исполнении начальнические приказания, подавал пример другим цебельдинцам», – отмечал пристав Цебельды поручик Ф. Лисовский в рапорте начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии полковнику Н.Н. Муравьеву от 13 января 1841 г.¹

В экспедиции в Дал принимала активное участие и Самурзаканская милиция, которая была сформирована для действия в Дале 20 декабря 1840 г. по предписанию командира Отдельного Кавказского корпуса от 24 октября 1840 г. Во время движения отряда в Дал состояла из следующих чинов: начальника милиции – пристава этой части – 1 человек, его помощника из самурзаканских князей – 1 чел., переводчика – 1 чел., сотенных командиров из почетнейших князей и дворян – 5 чел., их помощников из князей и дворян – 10 чел., урядников из князей и дворян – 204, конных милиционеров – 141 чел., пеших – 454 чел., сверх того находилось при милиции выручников – 10 чел².

За заслуги, оказанные Самурзаканской милицией, при возвращении спокойствия в Дале, самурзаканцы были награждены знаменем, а сами милиционеры, отличившиеся в экспедиции, также получили различные награды³.

Как следует из рапорта и.д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковника Н.Н. Муравьева начальнику Штаба Отдельного Кавказского корпуса г.-м. П. Е. Коцебу от 25 марта 1841 г., услуги Самурзаканского округа для экспедиции

состояли в том, что в самое трудное ненастное и холодное время года, округ этот выставил за короткое время до 600 человек, которые с похвальным рвением и твердостью перенося все трудности пути по глубоким снегам и делая переправы через несколько рек в брод, присоединились к отряду в Цебельде, собранному 26 декабря. Во время действий против дальцев Самурзаканская милиция всегда была впереди, первая переправилась через реку Кодор на неприятельский берег близ селения Амзары 27 декабря [1840 г.] и заняла высоты около оного, при этом были убиты и ранены несколько сотенных командиров и значительнейших князей и дворян. При дальнейшем движении, 29 декабря, первая встретила неприятельский огонь, и, наконец, первая прошла через Багадскую теснину, опрокинув засевшего там неприятеля¹.

Н.Н. Муравьев в рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. от инfanterии Е.А. Головину от 23 февраля 1841 г. доносил, что полный успех этого дела с потерю незначительною мог быть достигнут с помощью божьей только при хладнокровном мужестве и редком самопожертвовании, какое постоянно оказывали войска отряда в Дале действовавшего, где, пренебрегая всеми опасностями, неприятелем, чрезвычайно трудною местностью и зимним временем года нам противопоставленными, все распоряжения исполнялись с необыкновенною точностью и быстротою. Ни одного шагу не было сделано назад, ни на одну минуту не расстраивался порядок войскам регулярным свойственный, за что и будут представлены участники похода к награждению².

Муравьев отмечал упорство и сопротивление дальцев: «Неприятель упорный, несмотря на жестокий свой ружейный огонь, встречая повсюду стройные ряды вверенного мне отряда, быстрое движение войск, по местам доселе недоступным и действий артиллерии там, где только пешие горцы с трудом могли прохо-

¹ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.5-5об.

² Там же. Л.9.

³ Там же. Л.1-1об.

¹ Там же. Л.9-10.

² Там же. Л.13-14.

дить, отступал в изумлении и страхе, оставляя в руках наших жилища и семейства свои¹.

Среди представленных к награждению – участников военного похода в Дал, значится свыше 40 человек самурзаканской милиции, 13 – мингрельской милиции, 26 – абхазской милиции, 8 – цебельдинской².

К различным чинам были представлены чины регулярных частей, в том числе и Лисовский Ф.Я. – поручик Черноморского линейного батальона №7, пристав Цебельды, который «доставлял самые подробные и верные сведения с планом, самим им составленным для следования отряда через Цебельду. Потом, начальствуя цебельдинской милицией, действовал с ними отдельно от отряда на левом фланге и, несмотря на родственные связи цебельдинцев с дальцами, успел заставить их действовать усердно против мятежников. Занял Джигергальский перевал, по которому неприятель мог спуститься в тыл отряда после довольно сильной перестрелки и, преследуя неприятеля, спустился по неизвестному трудному пути с цебельдинскими милиционерами в ущелье Кодора в то время, когда отряд вошел в теснину после взятия Багады. По обязанности своей много содействовал к скорому очищению Дала и выводу оттуда жителей». За свои действия Лисовский представлен в чин штабс-капитана Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г.³

В период экспедиции в Дал Самурзаканский пристав, поручик Апшеронского полка Кириллов 1-й начальствовал над всею милициею вверенного ему округа. Полковник Н.Н. Муравьев в рапорте на имя командира Отдельного Кавказского корпуса генералу Головину от 23 февраля 1841 г. просил «примерной награды» для него, отмечая, что поручику Кириллову, «управлению его Самурзаканский округ обязан своими заслугами, а, следуя за ним, самурзаканцы всегда были первые в огне против дальцев»⁴.

¹ Там же.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.15-21, 46-68об.

³ Там же. Л.15-39об.

⁴ Там же. Л.73-74.

Акиртава Беслан, состоял в Самурзаканской милиции. Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г., занимал место помощника сотенного командира, находился в перестрелках с неприятелем при проходе ущелья Багады и всегда отличался примерно храбростью. И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к серебряной медали на Георгиевской ленте и денежному вознаграждению в 50 рублей серебром.

В списке лиц, представленных к награждению за участие в делах против убыхов и. д., начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепом 31 января 1842 г., значится, что он имеет серебряную медаль на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» (1841 г.) за экспедицию в Дал, в связи с чем испрашивалась ему денежное вознаграждение. Произведен в прапорщики 2 мая 1854 г.

Состоял на службе в Самурзаканском словесном суде, содержание в сумме 200 руб. получал по должности из Кутаисского казначейства.

Постоянно проживал в м. Окум¹.

Акиртов[Акиртава] Дерука, дворянин, состоял в Самурзаканской милиции. Был награжден знаком отличия Военного ордена в 1838 г.

Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г. Занимал место урядника 4-й сотни, с 28 декабря 1840 г. помощник командира сотни. Находился во всех бывших перестрелках, действуя постоянно с примерным мужеством и неустрешимостью. Во время перестрелки против высот Багады под ним убита лошадь.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковником Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к чину прапорщика².

¹ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.55об.-56об.; Д.895. Л.26-26об., 52; Д.204. Л.200об.-201.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. д.882. Л.54об., 56.

Анчабадзе Балахух, князь, состоял в Самурзаканской милиции.

Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г.

27 декабря 1840 г. находился в перестрелке на высотах Амзары, 29 декабря против высот Багады и при проходе ущелья Багады был под сильным неприятельским огнем. Во всех этих случаях весьма храбро действовал.

Представлен к Золотой медали для ношения на Георгиевской ленте и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г.¹

Анчабадзе Бежан, князь. Произведен в [прапорщики] в 1828 г., в чин подпоручика в 1832 г. Состоял в Самурзаканской милиции, был командиром 3-й сотни в военных действиях против дальцев в 1840 г.

27 декабря 1840 г. находился в сильной с неприятелем перестрелке на высотах Амзары, 29-го декабря в перестрелке против высот Багады, при проходе ущелья Багады был под сильным неприятельским огнем. Во всех случаях действовал с большею неустрашимостью, за что был представлен к чину поручика, с правом носить эполеты, и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковником Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. Произведен в чин в том же 1841 г.

Поручик Анчабадзе Б., будучи командиром сотни Самурзаканской милиции, принимал участие в делах против убыхов в 1841 г., за что представлен к чину штабс-капитана 31 января 1842 г.²

Анчабадзе Бурдуг, князь, состоял в Самурзаканской милиции.

Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г. 27 декабря 1840 г., находясь с Эмухвари Туту при занятии селения Амзары, взяли двух человек – вооруженных дальцев, и потом, с примерною неустрашимостью действовали против неприятеля во время бывшей на высотах Амзары сильной перестрелки.

¹ Там же. Л.50об.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.46; Д.895. Л.51.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к единовременной награде – 100 руб. серебром¹.

Анчабадзе Мурзакан Тадов сын, князь, состоял в Самурзаканской милиции. Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г.

Находясь в сильной перестрелке с неприятелем на высотах Амзары 27 декабря 1840 г., «оказывая примерную неустрашимость и первыми (с Куджмаханом Эмухвари) бросились с сотенным своим командиром князем Балахухо Эмухвари на неприятеля в шашки, но произведенным со стороны неприятеля ружейным залпом, Эмухвари был ранен».

Представлен к чину прапорщика в феврале 1841 г. и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым.

Произведен в подпоручики 29 октября 1849 г.

По данным на 1861 г. на службе не состоял, содержания от казны не получал. Жил в с. Набакеви Самурзаканского приставства².

Гумбаиа [Гумба] Шерван, состоял в Самурзаканской милиции, принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г. Занимал место урядника. Находился во всех перестрелках с неприятелем, отличался постоянно решимостью и редкою храбростью. При занятии селения Амзары [27 декабря 1840 г.] и высот, бросился в селение с необыкновенно неустрашимостью.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к Знаку отличия Военного ордена³.

Зумбайя Шерван, дворянин, состоял в Самурзаканской милиции.

Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г.

¹ Там же. Д.882. Л.50.

² Там же. Оп.2. Д.204. Л.199об.-200; Д.882. Л.48об.-49.

³ Там же. Д.882. Л.57об.

Находясь в 1-й сотне, постоянно был впереди всей милиции в перестрелках (при проходе ущелья Багады) с примерно неустранимостью первый открывал огонь из ружья против неприятеля и при проходе ущелья Багады прежде всех сделал быстрое движение вперед, храбро действуя против неприятеля.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к знаку отличия военного ордена в феврале 1841 г.¹

Зумбания *Тлапс*, дворянин, состоял в Самурзаканской милиции. Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г. Находясь во всех бывших перестрелках с неприятелем всегда отличался храбростью и неустранимостью.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к серебряной медали на Георгиевской ленте и 50 рублей серебром в феврале 1841 г.²

Эмухвари *Балахух*, князь, состоял в Самурзаканской милиции. Принимал участие в военных действиях против дальцев в 1840 г. Будучи командиром 2-й сотни, 27 декабря 1840 г., находясь в сильной с неприятелем перестрелке на высотах Амзары, необыкновенно храбро действовал и с примерно неустранимостью первый бросился на неприятеля с сотнею милиционеров с намерением вступить с ними в бой на шашки, но к общему сожалению всех Самурзаканцев, он не достигнув этой похвальной цели, на пути его был встречен сильным неприятельским ружейным залпом, нанесшим ему две тяжелые раны: одну в бок с левой стороны груди, а другую в левую руку навылет.

И. д. начальника 3 отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к чину прапорщика с жалованьем и правом ношения эполет в феврале 1841 г.³

Алду-ипа Гассан состоял в Абхазской милиции. Принимал участие в экспедиции в Дал в период с 24 декабря 1840 г. по 9 января

1841 г. При взятии приступом крепкой и неприступной скалы на правом берегу реки Кодор и в перестрелке, бывшей в продолжение всей ночи под 30-е декабря [1840 г.] с неприятелем, засевшим в деревянной башне, показал особенную храбрость и мужество. Представлен к серебряной медали на Георгиевской ленте в феврале 1841 г. и. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковником Н.Н. Муравьевым¹.

Анчабадзе Беслан, князь, произведен в прапорщики в 1839 г.

29 декабря 1840 г., когда вся абхазская милиция была послана для взятия приступом скалы на правом берегу Кодора, из-за которой неприятель сильно вредил нашим [российским] войскам, он, Гудз Анчабадзе, Хамурза Маршани первые бросились на гору, и, невзирая на жестокий огонь неприятеля, с отличным мужеством и храбростью выбили его из едва доступной его позиции и обратили его в бегство.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к ордену Св. Станислава 4 ст.

В списках лиц, представленных к награждению в делах против убыхов в 1841 г. и. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепом командиру Отдельного Кавказского корпуса г. Е. А. Головину 31 января 1842 г. значится, что Анчабадзе Б. имеет орден Св. Станислава 3 ст.

За отличия, оказанные в делах против горцев в земле убыхов в 1841 г., награжден пенсией 79 руб. 20 коп.²

Анчабадзе Гудз, князь, состоял в Абхазской милиции.

Произведен в прапорщики в 1830 г. Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенной в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г.

29 декабря 1840 г., когда вся абхазская милиция послана была для взятия приступом скалы на правом берегу Кодора, из-за кото-

¹ Там же. Л.55об.

² Там же. Л.55об.-56.

³ Там же. Л.48-48об.

¹ Там же. Л.65об.-66.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.63-63об.; Д.895. Л.20,49; Ф.395. Оп.315.Д.831. (1861г.).Л.147об.-148.

рой неприятель сильно вредил нашим [российским] войскам, он, Беслан Анчабадзе, Хамурза Маршани первые бросились на гору, и, невзирая на жестокий огонь неприятеля, с отличным мужеством и храбростью выбили его из едва доступной его позиции и обратили его в бегство.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к ордену Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» в феврале 1841 г.

Рапортом владельца Абхазии М. Шервашидзе в штаб Отдельного Кавказского корпуса от 21 февраля 1842 г. представлен к награждению за участие в делах против убыхов в 1841 г.¹

Лакоба Каташ, капитан (1841 г.), переводчик с 1831 г.

Переводчик, состоявший при начальнике Абхазской милиции князя Хинкоросе Маршани.

До выступления отряда в Дал был занят многими довольно важными поручениями как начальником отряда, так и командовавшим Абхазской милицией, при исполнении которых нужно было столько же точности, сколько честности, и он выполнением превзошел ожидания. Во время экспедиции отличился храбростью и мужеством.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к чину прапорщика в феврале 1841 г.

Имел золотую медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте. Представлен к награде за участие в делах против убыхов в октябре 1841 г. Из наградного представления г.-л. И.Р. Анрепа от 29 января 1842 г. следует: «Всегда оказывал услуги верным и благоразумным исполнением своих обязанностей, знанием нравов черкес. В делах против убыхов находился неотлучно при войсках, с хладнокровием подвергался всем опасностям»².

¹ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.63-63об.; Д.895. Л.18об.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.65об.; Д.895.Л.262-262об.

Луман-ипа Хужеб, состоял в Абхазской милиции. Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г. При взятии приступом крепкой и неприступной скалы на правом берегу реки Кодор и в перестрелке, бывшей в продолжение всей ночи под 30-е декабря с неприятелем, засевшим в деревянной башне, оказал особенную храбрость и мужество.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым в феврале 1841 г. представлен к серебряной медали на Георгиевской ленте¹.

Званба Соломон Темурков сын, дворянин. Состоял в Черноморском линейном батальоне №10. В офицерском звании с 10 февраля 1832 г., произведен в чин штабс-капитана 10 марта 1840 г. Имел ордена: Св. Анны 3 ст. с бантом (22 апреля 1839) и Св. Станислава 3 ст.

Командуя сводным линейным батальоном, во все время действий отряда в Дале, распоряжениями своими и личным примером вселял в оных ревностную готовность на все трудные и опасные действия, так что линейные солдаты во всех встречах с неприятелем не уступали известному своею храбростью Тенгинскому батальону. При взятии Багады, батальон этот под предводительством штабс-капитана Званба, быстро взобрался на крутизну горы, несмотря на сильный огонь неприятеля, опрокинул его штыками, взял с боя аул и предал его пламени. Званба представлен к чину капитана.

И. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И.Р. Анрепом 31 января 1842 г. представлен к награждению за участие в делах против убыхов в октябре 1841 г.

Из представления г.-м. Анрепа: «Офицер отличный во всех отношениях, блистательно храбр, всегда исправен и сведущ во всех подробностях службы. 9 октября, когда неприятель сильным огнем перекрестным приостановил движение авангарда, он получает приказание прогнать черкес. Он повел пеших милиционеров на крутизны гор и первым был на завалах»².

¹ Там же. Оп.2.Д.882.Л.65об.-66.

² Там же. Л.20об.-21; Д.895.Л.20,52,135об.

Званба Чепияг, дворянин, состоял в абхазской милиции.

Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г. Находился во всех перестрелках, где только была Абхазская милиция и 29 декабря при взятии приступом на правом берегу Кодора крепкой позиции неприятеля, где они [милиционеры], осыпаемые градом пуль, оказали отличную храбрость и мужество.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полковником Н.Н. Муравьевым представлен к золотой медали на Георгиевской ленте в феврале 1841 г.¹

Дзяпш-ипа Ахмед, князь, состоял в Абхазской милиции.

Имел знак отличия Военного ордена. Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г. Находился во всех перестрелках, где только была Абхазская милиция и 29 декабря был при взятии приступом скалы на правом берегу Кодора, из-за которой неприятель сильно вредил регулярным войскам, находившимся на левом берегу Кодора. Он служил примером храбрости и мужества милиционерам, которые одушевленные шли с неустрашимостью на приступ.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к чину прапорщика в феврале 1841 г.²

Дзепш-ипа Чепияг, князь. Произведен в чин прапорщика в 1836 г. Имел орден Св. Анны с надписью «За храбрость».

Состоял в Абхазской милиции. Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г.

29 декабря 1940 г., когда вся Абхазская милиция послана была для взятия приступом скалы на правом берегу Кодора, из-за которой неприятель сильно вредил нашим [российским] войскам, он, Беслан и Гудз Анчабадзе, Хамурза Маршани первые бросились на гору и, невзирая на жестокий огонь неприятеля, с отличным муже-

¹ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.64об.-65.

² Там же. Л.64-64об.

ством и храбростью выбили его из едва доступной его позиции и обратили в бегство.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к ордену Св. Анны 3 ст. с бантом в феврале 1841 г.¹

[*Дзяпш-ипа Запшипа Шагу*, князь. Произведен в чин прапорщика 5 сентября 1836 г. Состоял в Абхазской милиции. Принимал участие в экспедиции в Дал, совершенную в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г.]

29 декабря 1840 г. при взятии приступом скалы на правом берегу Кодора из-за которой неприятель сильно вредил нашим [российским] войскам проявил мужество.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к ордену Св. Владимира 4 ст. с бантом в феврале 1841 г.²

* * *

В военном походе в землю убыхов в 1841 г., организованном для отражения нападения убыхов, следовавших большими силами на Абхазию, принимала участие Самурзаканская милиция, которая выставила 214 человек конных и 500 пеших. Поскольку в этом походе требовалось преимущественно конные люди, то пешая милиция была распущена, а конница прибыла на место сбора в Дранды, взяв с собой собственный провиант на 10 дней, не требуя за это никакой платы из казны³. Во время похода некоторые из его участников получили тяжелые ранения, были и погибшие. Все они представлены к наградам, но, к сожалению, о многих из них не найдены сведения о награждении.

Справка: по составленной приставом справке [1840 г.] по показаниям почетных князей и дворян в Самурзаканском округе

¹ Там же. Л.63-63об.

² Там же. Л.63-63об.

³ Там же. Л. 9-10.

имелось 1864 дворов, в которых проживало 4885 человек мужского пола и 4511 – женского пола¹.

В рапорте и.д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И.Р. Анрепа командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. Г.А. Головину от 31 января 1842 г., описывая экспедицию в Дал в 1841 г. отмечал, что самурзаканцы бились храбро, <...> достойны награды не одними доблестями военными, но еще в быту гражданском. В Самурзакане уже прекращены разбои, междоусобица и другие беспорядки, все требования начальника выполняют в точности. Абхазия спокойная и благородная, может служить замечательным примером для соседних непокорных племен. Из абхазцев выбрали наилучших. Цебельдинцы, состоящие в свите владетеля Абхазии храбры и имеют сильное влияние на свой народ².

Ачба Толпар Исмен-ипа, 28 лет от роду на 1847 г., происходил из джигетских князей.

В службу вступил оруженосцем в Л.-гв. Кавказско-горский полуэскадрон 3 июля 1845 г., произведен в юнкера 11 октября 1846 г., в корнеты с зачислением по кавалерии и назначением в Кавказский конно-горский эскадрон в 1849 г. Был награжден золотой медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте для ношения на шее «За дела против убыхов» 7 мая 1843 г.³

Биба Кочина Хус, крестьянин. Представлен к награждению за участие в делах против убыхов в 1841 г. и. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепом 31 января 1842 г. Был ранен вскользь левой части спины⁴.

Блаб Хамурза, дворянин. Состоял в свите владетеля Абхазии. Представлен к награждению за участие в делах против убыхов в 1841 г. и. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И.

Р. Анрепом 31 января 1842 г. Был контужен в висок выше левого глаза¹.

Гублия Ханоф, дворянин. Состоял в свите владетеля Абхазии.

Представлен к награждению за участие в делах против убыхов в 1841 г. и. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепом 31 января 1842 г. Был ранен в бедро левой ноги с повреждением кости, в которой остановилась пуля. Ранее был награжден Знаком отличия Военного времени².

Доула(т) Бикс, крестьянин, состоял в Абхазской дружине. Представлен к награждению за участие в делах против убыхов в 1841 г. и. д. начальника Черноморской береговой линии г.-м. И. Р. Анрепом 31 января 1842 г.

Убит в сражении, остались 3 сына³.

Зепшипа (Запшипа) Тагу, князь. Произведен в прапорщики в 1836 г., был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. в 1836 г.

Из рапорта владетеля Абхазии М. Шервашидзе в штаб Отдельного Кавказского корпуса с представлением списка отличившихся в делах против убыхов в 1841 г. от 21 февраля 1842 г. следует: «Отличился храбростью, мужеством, усердием и преданностью в делах с убыхами 8-10 октября»⁴.

Маргания Гасан. Прапорщик с 1838 г. Получал пенсион 170 руб. серебром в год.

Из рапорта владетеля Абхазии М. Шервашидзе в штаб Отдельного Кавказского корпуса от 21 февраля 1842 г. с представлением списка отличившихся в делах против убыхов в 1841 г. следует: «Преданный вполне нашему правительству, известный среди абхазов своей честностью, умом и храбростью, лучшим помощником был для начальника экспедиции в делах с убыхами; 8-10 октября предводительствовал пешими абхазцами, отражая неприяте-

¹ Там же. Л.5-5об.,10.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.895. Л.29-31об.

³ Там же. Ф.970. Оп.1.Д.282.Л.62об.-63; Д.364.Л.19об.-20,115об.-116; Д.409.Л.168.

⁴ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.895. Л.20,58об.

¹ Там же. Л.20,58об.

² Там же.

³ Там же. Л.29-31об.,62.

⁴ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.895. Л.19об.

ля примерным мужеством и храбростью, где только нужно было подкрепить войско, Гасан первым становился впереди абхазцев, становясь против неприятеля. Вообще служба его достойна внимания начальства»¹.

Маршани Зосхан, князь, происходил из цебельдинских князей. Состоял по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе.

Произведен в прапорщики 15 ноября 1838 г., в поручики – 21 июня 1839 г. Награжден Золотой медалью с надписью «За храбрость» и серебряной медалью с надписью «За усердие».

Состоял в Цебельдинской милиции, принимал участие в экспедиции в Дал, состоявшейся в период с 24 декабря 1840 по 9 января 1841 г. 29 декабря 1840 г., при проходе через Джи-Гергальский перевал, когда неприятель открыл из-за огромных камней и засеков сильный огонь, он примером личной храбрости и мужества ободрил князей и милиционеров, смело бросились на неприятеля, они вытеснили его из оных и принудили обратиться в бегство. Кроме того, он, по собственной преданности своей правительству, много содействовал успеху к выводу из Дала жителей с их семействами и имуществом, и к истреблению жилищ их.

И. д. начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии полк. Н.Н. Муравьевым представлен к ордену Св. Анны 3 ст. с бантом в феврале 1841 г.

Состоял в свите владетеля Абхазии, получал жалованье в год 244 руб. серебром, был награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом. Убит в сражении с убыхами в октябре 1841 г., остались жена, дочь, мать и 4 младших брата. Семье назначен пенсиян 120 руб. серебром 21 августа 1842 г.²

Маршани Ростом Цхом-ипа, происходил из цебельдинских князей.

Российскую грамоту и других наук не знал.

¹ Там же. Л.18об.-19.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.882. Л.66об.; Д.895.Л.61об.; Ф.395. п.315. Д.831. Л.145об.-146.

В службу вступил волонтером в экспедицию против горцев 5 июля 1840 г., За отличие, оказанное им против горцев в 1840 г. при производстве работ на Черноморской береговой линии под начальством г.-л. Раевского, пожалована серебряная медаль на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» для ношения на шее 15 декабря 1841 г.

Поступил в Кавказско-горский полуэскадрон юнкером 24 июня 1842 г., оставлен при Отдельном Кавказском корпусе в чине корнета 7 октября 1846 г. За отличия против горцев произведен: в поручики 8 февраля 1846 г.; в штабс-ротмистры 14 января 1851 г.; в ротмистры 15 июля 1851 г.; в майоры 10 декабря 1851 г.; награжден орденами: орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За усердие» 4 июля 1849 г.; орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За усердие» 4 июля 1849 г.; Св. Анны 3 ст. с бантом 18 января 1851 г.; Св. Анны 2 ст. 16 декабря 1854 г.

Прикомандирован к 1-у Сунженскому казачьему полку 17 августа 1847 г., находился при начальнике Черноморской береговой линии для особых поручений. (Позже) находился при владетеле Абхазии. Проживал в ауле Джемпал на речке Амткел в Цебельде¹.

Челокуа Бакал, крестьянин, состоял в Абхазской дружице.

Убит во время экспедиции против убыхов в 1841 г., остались жена и мать старых лет².

Шервашидзе Александр Георгиевич.

Сын владетеля Абхазии. На 1843 г. ему было 24 года.

Состоял при начальнике Черноморской береговой линии.

В службу определен (в 17 лет) корнетом в Гусарский ЕВ короля Виртембергского полка 10 апреля 1836 г., но на службу в полк не являлся.

Произведен в поручики 4 апреля 1837 г. Назначен состоять при начальнике Черноморской береговой линии 11 сентября 1839 г.

¹ Там же. Ф.970.Оп.1.Д.213.Л.96об.-97; Д.609.Л.34об.-35; Ф.1058.Оп.2.Д.229. Л.64-65; Д.254.Л.138об.-139; Д.282.Л.154,155об.-157об.;Д.313.Л.143-144.

² Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.895. Л.62.

Произведен в штабс-ротмистры 15 марта 1841г.

Был в делах и походах: в экспедиции против горцев на восточном берегу Черного моря под командой начальника Черноморской береговой линии г.-л. Раевского; 6 июля при маркации при форте Головинском и 7 – при высадке войск при устье Псезуапсе, в деле при занятии этого пункта, в перестрелках 8 и 9 – при устройстве засеки; с 10 июля по 31 августа – во время работ при возведении форта Лазарева и в перестрелках, происходивших во все это время. За оказанное в этих делах отличие награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом.

В 1840 г., в отряде под начальством, состоящего из артиллерии подполковника Козловского, при сборе отряда в Сухум-кале и 13 июня в движении для усмирения возмущившейся Цебельды, под командою бывшего начальника Черноморской береговой линии г.-л. Раевского, 25 июля в движении в Цебельду и при возведении укрепления Марамбы. Под командою начальника 3 отделения Черноморской береговой линии г.-м. Муравьева 24 декабря при сборе отряда к крепости Сухум-кале и при выступлении в Цебельду, 25 – в прибытии к Марамбинскому укреплению, 27 – при переправе с перестрелкою через р. Кодор против с. Амзара, 29 – в движении к Багадским теснинам и при взятии их штурмом, 31 – в движении с перестрелкою внутрь Дала при занятии Варды и Лата, в приведении в покорность Дала и при переселении жителей.

1841 г. под командой г.-м. Муравьева, в отряде, перестраивавшем укрепление Гагры, со времени движения войск с зимних квартир по день выступления от укрепления Гагр к укреп. Св. Духа для поступления в состав отряда, действовавшего в земле убыхов, т.е. с 15 апреля по 9 августа, а именно, с 23 апреля по 9 августа – при постройке и починке упомянутого укрепления; 28 августа – при нападении горцев на команду, высланную для рубки дров из укрепления и отражении этой партии при помощи войск отряда; с 22 мая по 9 июня – в движении для защиты джигетов к укреплению Св. Духа и обратно. В отряде, действовавшем под начальством г.-

а. И.Р. Анрепа в землю убыхов со дня выступления из укрепления Гагр к укреплению Св. Духа до возвращения войск на зимовые квартиры, т.е. с 9 августа по 15 ноября, именно: 5 октября, при сбое всего отряда близ укр. Св. Духа; 8, 9 и 10 октября – при движении отряда берегом моря от укр. Св. Духа к укр. Навагинскому и при этом в упорнейшем 3-х суточном бою и при взятии множества завалов; с 10 октября по 8 ноября – в лагере при укр. Навагинском и возведении при нем отдельной башни, 8 ноября – при амбаризации остальных войск отряда и 15 – при возвращении на зимовые квартиры.

За оказанное в этих делах отличие награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом 5 сентября 1842 г.

В воздаяние отлично-усердной службы и особенных трудов, с примерною твердостью и постоянством переносимых в войне с горцами, всемилостиво повелено убавить в числе прочих 1 год к выслуге ордена Св. Георгия (приказ Отд. Кавк. к. от 23.05.1840. №45).

Российской грамоте читать и писать умел, знал французский язык¹.

Произведен в чин подполковника. Умер в 1875 г. Жена Нина Херипсовна. Дети: Давид – 28 лет, Николай – 23 лет, Мария – 31 год, Елизавета – 26 лет, муж – Михаил Кипиани, их дети дочь и сын – 4 и 2 лет, Екатерина – 19 лет, муж – Цулукидзе².

Рапортом владетеля Абхазии М. Шервашидзе в Штаб Отдельного Кавказского корпуса от 21 февраля 1842 г. Александр Георгиевич представлен к награждению. «За примерное мужество, благородную храбрость и самоотвержение, оказанное в трехдневном деле с убыхами 8, 9, 10 октября [1841 г.], князь Александр, предусматривая в своей части малейшее покушение неприятеля к вреду нашему с опасностью жизни, всегда предупреждал смелыми нападениями с своими милиционерами, причем хладнокровием служит примером для подчиненных и всегда показывал

¹ Там же. Ф.788. Оп1.Д.25.Л.110-119.

² РГВИА. Ф.1357.Оп.1.Д.5599.Л.1-7.

похвальное усердие и благородство в исполнении своей обязанности», - отмечал М. Шервашидзе¹.

* * *

Кто-то, прочитав этот материал, узнает своего предка, задумается над его судьбой, но не осудит его, так как даже представив себя на его месте, объективно рассчитать свое поведение невозможно. Считаю правильным, если мы узнаем о каждом, кто был вынужден обстоятельствами сделать свой выбор, и все они достойны нашего понимания.

R. Гуажба

(Сухум)

ИЗ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ КОННОЙ ТУЗЕМНОЙ ДИВИЗИИ: АБХАЗСКИЕ ВСАДНИКИ

(Краткое сообщение)

В 2014 г. исполняется 100 лет со дня формирования Кавказской конной дивизии и 150 лет со дня окончания Кавказско-русской войны.

*Абхазские всадники перед уходом на фронт
Сухум, 1914 г.*

21 мая 1864 года в абхазском горном обществе Ахчыпсы, в уроцище Кбаада, состоялся торжественный парад царских войск в честь окончания многолетней Кавказской войны. Затем продолжился начавшийся еще в 1863 г. массовый исход горцев в Османскую империю. Последующие восстания в Абхазии в 1866 и 1877 гг.,

¹ Там же. Ф.14719. Оп.2. Д.895.Л.16-16об.,18.

и последовавшие за ними массовые депортации абхазского этноса, поставили народ на грань исчезновения. Абхазское население было объявлено виновным, было запрещено: ношение оружия, служба в армии, расселение у моря, в горах и городах. Хотя еще в январе 1863 г. военный советник при Российском посольстве в Константинополе Б. А. Франкини в своей обширной аналитической Записке о положении на Кавказе, представленной военному министру Российской империи А. Милитину, очень тонко подмечал: «Кавказ, как точка опоры Азиатской границы, расположенная в том месте, где Азия соединяется с Европой, составляет один из важнейших пунктов, занимаемых Россиею на Земном шаре. Став твердой ногой на Кавказ, Россия господствует над Азиатскою Турциею, над Персию, над обширным степным пространством, покрытым мелкими татарскими государствами, и которое граничит с английским и китайским владениями. Когда Россия утвердится на Кавказе, для нее нет ничего невозможного в Азии.

Это Кавказ – будущая житница всех соседних стран, и даже Европы, но главное преимущество Кавказа для России состоит в том, что племена его населяющие, составляют отличное войско, самое способное к войне во внутренности Азии...».

Далее он подчеркивает:

«Известно, сколько жертв стоит необходимость содержать на Кавказе регулярное войско, чего стоит превращение русского музыка в проворного и бодрого кавказского солдата. Но независимо от преодоления частных условий климата, почвы и местности другое обстоятельство, строго обдуманное, должно неминуемо привести к осуждению мысли о заселении Кавказского края иностранцами. Русский, славянин разных стран, грек, армянин – все способны по прошествии большого или меньшего времени сдаться на Кавказе хорошими хлебопашцами; но они никогда не приобретут той воинственности, которая с младенчества прививается в нынешнем туземце. Кавказский уроженец ко всему годен, но более всего к войне. Одаренный проницательным умом и ред-

кими физическими качествами, он одинаково способен к земледелию, к торговле, к промышленности, но всему предпочитает оружие. К лишениям, к трудам, к езде, к стрельбе он привык с детства. Это бесподобный азиатский воин; между тем, как иностранец, переведенный на Кавказ, сделается, может быть, отличным колонистом, но воином никогда не будет... лишиться добровольно услуг кавказских туземцев, выгнать враждебные нам племена в Турцию, – это не что иное, как бросить оружие безоружному врагу...» (РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 248, копия).

Оттоманская Порта, как видно из дальнейших исторических событий, весьма успешно использовала военный потенциал кавказских горцев. Но эта область другого, крайне интересного исследования.

Наступил 1914 год.

Когда началась Первая мировая война, то в селах Мыку и Лыхны собрался народ. В Мыку, по воспоминаниям очевидцев, приехал государственный чиновник из Кутаиса. Он выступил перед абхазами с речью о том, что вся Европа пошла на Россию и при этом встал на колени. Старший из абхазов поднял его и через переводчика объяснил, что по горскому обычаю и этикету не положено так вести себя. Пусть он говорит спокойно, без волнения объяснит народу суть дела. «Нужна ваша помощь, нужны воины», – обратился чиновник к народу. Началась запись добровольцев. Всего в Кавказской конной дивизии воевало свыше 7 тысяч всадников, хотя по штату числилось 3 тысячи. Все время шло пополнение, когда после тяжелых боев вновь приходилось комплектовать боевые части. Свыше трех тысяч всадников были удостоены Георгиевских крестов, все офицеры были награждены боевыми наградами. Причем все всадники были исключительно добровольцы.

В журнале «Нива» № 48 за 1914 г. описан дерзкий набег горцев Кавказской конной дивизии на город Ченхостов:

«Навеки запечатлен будет в истории этой войны, величайшей в мире войны, рассказ о том, как шестьдесят черкесов совершили набег на Ченхостов – набег прямо сказочной красоты и силы. В Ченхостове тогда было около двух немецких корпусов. Глубокой ночью всадники разделились на шесть небольших отрядов по десять коней в каждом и, обвязав копыта своих горских «звездочетов», бесшумно двинулись к Ченхостову по шести радиусам. Местность и дороги были высмотрены раньше с зоркостью этих с колыбели привыкших к борьбе и оружию прирожденных воинов. Проникнуть в город можно было лишь уничтожив конные и пешие патрули. И джигиты принялись за уничтожение противника с неизвестной, чуждой для европейских солдат, хищнической сноровкой. Едет шагом среди мрака прусский патруль. Черкесы своими кошачьими глазами нащупывают его издалека. И слух выручает. За версту чуткое ухо уловит и стук копыт, и брякнувший палаш. Задача усложняется еще и тем, что «снять» патруль необходимо без единого выстрела.

И вот джигиты заблаговременно спешиваются, один отводит подальше, к прикрытию какому-нибудь лошадей, а остальные, змеями распластавшись у дороги, ждут... Патруль все ближе и ближе, поравнялся, наконец. Черкесы барсами дагестанских уще-

лий вспрыгивают сзади на широкие крупы немецких лошадей и кинжалами закалывают всадников, не давая им ни вскрикнуть, ни выстрелить...

Один за другим планомерно – на это ушла долгая осенняя ночь, – сняты были так все конные и пешие патрули, как разъезжавшие в окрестностях, так и охранявшие заставы на всех шести дорогах-радиусах, ведущих в Ченхостов.

Утром черкесы, с обнаженными шашками, ворвались в город, кишащий немцами. Рубили встречных – и конницу, и пехоту – все в ужасе разбегались от этих страшных всадников в косматых папахах.

В центре города все шестьдесят кавказских орлов слетелись, и уже у всех были окровавлены острые, испещренные арабесками изречениями Корана шашки. Часть всадников спешилась и ворвавшись в кофейню, где сидели за пивом и кофе прусские и австрийские офицеры. Шашками тесно рубить и пошла работа кинжалами. В ужасе хватались венгерцы, прусаки и швабы за револьверы и палаши... Крики, выстрелы, смятение...

В это время конные черкесы рубили и резали телеграфные и телефонные провода, как городские, так и соединяющие неприятельский штаб с казармами, лагерями и пограничным поселком Гербы.

Начатый в одной кофейне кровавый пир продолжался в другой и закончился в третьей. Это было делом нескольких минут. По телефону швабы не могли вызвать большой отряд, сообщение было прервано, а пока один из уцелевших немецких улан помчался в кавалерийские казармы, утекло немало воды, вернее, крови...

Несколько гортанных криков – и все черкесы были уже на конях. И, чтобы спутать всякую возможность преследования, кинулись прочь из города по разным улицам.

За одним из этих маленьких отрядов, вихрем несшимся к Новородомску, помчался вдогонку прусский эскадрон. Стрелять на карьере немцы не мастера, и все пули благополучно летели мимо, а джигиты не утерпели, чтобы не щегольнуть своим наездниче-

ством. На бешеном галопе черкесы отстреливались, стоя на седлах и обернувшись к врагам. Точкою опоры было для них мягкое седло, а чтобы не потерять равновесия, джигиты продевали мизинец в разрез длинного ременного повода...

От метких выстрелов поредела гуща прусского эскадрона, ошеломленного невиданным зрелищем этих, стоя несущихся всадников, с разевающимися, как крылья, за спиной башлыков.

Тяжелые немецкие кавалерийские лошади не могли угнаться за быстрыми, как ветер, горскими скакунами. Все шестьдесят черкесов победно вернулись в свою честь без единой убыли. Сами же они на одних только заставах вырезали около полутораста вражьих солдат, а в кофейнях под джигитскими кинжалами пало много офицеров, среди которых были несколько представителей венгерской и прусской знати.

Ничего подобного Европа не видела и не испытывала. Вскоре австрийцы и немцы назовут этих всадников «дьяволами в мохнатых шапках», российский император – «орлами Кавказа».

Абхазов воевало в Кавказской конной дивизии до 500 человек. В основном, это 4-я сотня Черкесского полка. Но были абхаз-

всадники Абхазской сотни

ские всадники и в Ингушском, Кабардинском, Татарском полках. Очень много их сражалось и на других фронтах. Часть из абхазских всадников впоследствии участвовала в белом движении. Особенно много было абхазов у А. Деникина. К сожалению, еще не все имена героев Пер-

вой мировой войны установлены. Первые из абхазов начали публиковать материалы о них Симон Басария (Махайл Апсуа), Иван Лакербай, а под псевдонимом П. Ф. Скромный из Гудаут присыпал их, по-видимому, Семен Ашхацева, ездивший на фронт в действующую армию с подарками для земляков. К. Д. Мачавариани в 1917 г. издал в Батуме книгу, посвященную «Светлой памяти, павшего на войне героя, корнета К. И. Лакербай». Ряд очерков о Кавказской конной дивизии публиковал в прессе того периода журналист Н. Н. Брешков-Брешковский, сын Льва Толстого – журналист и писатель Илья Толстой. Подвиги горцев широко освещались в армейской газете. В зарубежной эмиграции появился ряд мемуаров, посвященных боевому пути Кавказской дивизии. В 1932 г. в журнале «Литературная Абхазия» были напечатаны воспоминания Н. Кокоскрии «Абхазская сотня и дни революции». Очень большую работу по сбору материала об Абхазской сотне проделал Езуг Габелиа, в течение более чем полутора десятка лет неустанно собирая материал о добровольцах. Он записывал тогда еще здравствовавших участников Первой мировой войны, собирая документы, большой фотоматериал, трудился в архивах. Итогом его работы стала книга «Абхазские всадники» (Сухум, 1990). Это была первая работа о всадниках – абхазах и вообще о Кавказской конной дивизии в СССР. Тема, тогда, как мы знаем, была полузакрытая. В Нальчике вышла работа О. Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия. 1914-1917. Возвращение из забвения» (Нальчик, 1996). Впоследствии еще был издан ряд книг, статей, брошюр о судьбах воинов-горцев, участников Первой мировой войны.

Это то, что известно, а многое еще предстоит выявить. Большую работу в этом отношении проделала Л. И. Цвижба – учёный архивист. Абхазскую сотню называли «сотней крестоносцев», ибо все всадники были удостоены боевых наград, и сегодня боевые подвиги всадников вызывают восхищение своей беззаветной отвагой.

В сентябре 1914 г., как сообщал генерал-лейтенант Бабич, стало известно, «многие абхазы, жители Сухумского округа, соседне-

го с Кубанской областью, изъявляют горячее желание вступить добровольцами в Черкесский конный полк».

Сын Л. Толстого, Илья Толстой, так описывает свое первое впечатление о сынах Кавказа: «Первое мое знакомство с Кавказской дивизией произошло во Львове, когда командир ее корпуса производил осмотр.

Полки проходили в конном строю, в походном порядке, один за другим, один красивее другого, и весь город в продолжении целого часа любовался и дивился невиданным дотоле зрелищем.

...Под народные воинственные песни мимо нас проходили нарядные, типичные всадники в красивых черкесках, в блестящем золотом и серебром оружии, в ярко-алых башлыках, на нервно-точеных лошадях, смуглые, полные гордости и национального достоинства.

Что ни лицо, то тип; что ни выражение – выражение свое; что ни взгляд – мощь и отвага».

Бывший офицер Кабардинского конного пола А. А. Арсеньев, находясь в эмиграции, в своих воспоминаниях отмечал:

«Большинство всадников славной «Дикой дивизии» были или внуками или даже сыновьями бывших врагов России. На войну шли за нее, по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы: в истории «Дикой дивизии» не было ни одного случая даже единоличного дезертирства!».

Хорошо зная природу сынов Кавказа, он далее продолжает: «Чтобы правильно понять природу «Дикой дивизии», нужно иметь представление об общем характере кавказцев, ее представляющих.

Говорят, что постоянное ношение оружия облагораживает человека. Горец с детства был при оружии... отличительной чертой его характера было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего ценилась им храбрость; это был прирожденный воин...».

Автор прекрасных очерков о Кавказской дивизии Н. Н. Брешко-Брешковский, говоря о воинах-горцах, отмечает: «На мусуль-

ман более всего можно было положиться, чем на христианские народы, влившиеся в состав Российского царства. Именно они, мусульмане, были бы надежной опорой власти и трона.

Революционное лихолетье дало много ярких доказательств, что горцы Кавказа до конца верны присяге, чувству долга и воинской чести и доблести...».

В связи с этим приведем один характерный эпизод, произошедший в самом начале гражданской войны. В 1918 г. к одному из черкесских аулов, где находился великий князь Борис Владимирович Романов, подошел большой советский отряд с пулеметами и двумя орудиями, занял все подступы к селу и объявил ультиматум:

– Или Борис Романов будет немедленно выдан, или весь аул будет разгромлен.

Великий князь явился на совещание старейшин под председательством муллы, который единодушно вынес решение:

– Великого князя не выдавать, а, вооружившись, всем защищать его до последнего человека.

Это было объявлено великому князю, на что с его стороны последовало возражение:

– Уж лучше погибну я один, чем вы погибнете все...

Ответ держал восьмидесятилетний мулла, в белой чалме с зеленой каймой, семь раз совершивший хадж, т. е. побывавший в Мекке, на могиле пророка Мухаммеда.

– Ваше императорское высочество, если мы тебя выдадим, и через это останемся живы, на головы наших детей, наших внуков

Агрба Рауф- награждён золотым Георгиевским оружием. - 1917 г.

падет несмываемое бесчестье. Мы будем хуже собак. Каждый горец будет иметь право плевать нам в лицо.

В несколько минут весь аул являл собой военный лагерь. Все черкесы вооружились поголовно, все – от старииков до подростков включительно. В штаб отряда красных был послан парламентер с ответом на предъявленный ультиматум.

– Всякий князь наш гость, и мы его не выдадим. Попробуйте взять силой.

Долго совещались между собой начальники отряда. Они знали фанатизм горцев, знали, что если даже и победят красные, то ценой больших потерь, особенно, когда втянутся в самый аул, где каждую саклю придется штурмовать, как маленьку крепость. Знали еще, что в этом ауле имеется около шестидесяти всадников Черкесского полка, прошедших опыт великой войны. Каждый такой всадник будет стоить десяти красноармейцев. При таких условиях бой был рискованной авантюрой.

Сняв осаду, красные ушли ни с чем.

Когда в том же роковом 1918 г. в конце мая Нестор Лакоба с отрядом кяразовцев перешел Кавказских хребет и скрывался в ауле Апсуа, то община была окружена белогвардейским отрядом во главе с генералом, потребовавшим выдачи Нестора и его людей. Навстречу генералу вышел восьмидесятилетний, весь седой, как лунь, Канамат Агрба, дворянин, полковник царской армии, весь при оружии и при боевых орденах и Георгиевских крестах. И сын его Рауф Агрба всадник – офицер Кавказской дивизии был награжден за боевые заслуги золотым Георгиевским оружием. Канамат резко заявил генералу:

– Нестор и его люди – мои гости, я их не выдам. А в случае, если ты попытаешься брать его силой, то будешь иметь дело со мной!

Генерал вынужден был уйти и снять осаду аула.

В конце войны генерал-лейтенант Лавр Георгиевич Корнилов провел смотр Кавказской дивизии. В то время большая часть Российской армии была деморализована.

«Дивизия выстроилась на пустыре «четырехугольником» с трех сторон: Чеченский, Кабардинский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Татарский полки... Выстроенные части представляли из себя красивую картину: особенно выделялись чеченцы и ингуши с желтыми и синими башлыками, а также 4-я сотня Черкесского конного полка из абхазцев в своих национальных головных уборах (головы были обязаны белыми башлыками).

И тогда Л. Г. Корнилов честно сказал:

«Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска».

Высшей оценкой были слова его, сказанные начальнику дивизии, генералу князю Багратиону сразу после осмотра:

– Я, наконец, дышал военным воздухом!

Куда только не бросили дивизию, и она всегда с честью выполняла боевые задачи, возложенные на нее командованием.

Как отмечено выше, немало абхазов служило и в других боевых частях. Командиром Ингушского конного полка был один из лучших наездников России, преподаватель элитного Николаевского кавалерийского училища абхазский дворянин Георгий Алексеевич Мерчуле, уроженец села Елыр. Его детское имя было Паш, что в переводе означает «Светлый».

Всадники Ингушского полка гордились своим командиром Георгием Мерчуле. «Мы не знаем страха, не боимся пули, нас ведет в атаку храбрый Мерчуле». Строки этого гимна Ингушского полка ныне знает вся Ингушетия, что, несомненно, является данью памяти нашему отважному земляку, о котором мало кто знает сегодня в Абхазии. Обязанность наша поднимать из забвения имена наших героев. И молодежь обязана знать и чтить их и стремиться быть подобным им, если в случае необходимости вновь придется взять в руки оружие.

О полковнике Г.А. Мерчуле остались воспоминания князя А. В. Гагарин, Д. Н. Багратион, атаман Краснов, начальник штаба кав-

казской дивизии татарин из Литвы Я. Д. Юзефович, ротмистр Ингушского полка А. Л. Марков и ряд его соратников, «и нет никого, кто не отзывался бы в самых превосходных тонах» о нём, о блестящем и бесстрашном командире Ингушского конного полка, обладателе золотого Георгиевского оружия. В одном полку с ним воевал его младший брат, совсем еще молодой Дарисман, который в боях за личное мужество был награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в чин прапорщика.

В упорных боях у деревни Ерезаны в 1916 г. отличился Ингушский полк во главе с командиром Георгием Мерчуле. В этих боях высшей офицерской награды – Георгиевского оружия был удостоен «абхазец Варлам Шентелай», который служил в 4-й сотне Ингушского полка.

В Татарском полку служил князь Хайтбей Чачба (линия Таулаха) из с. Уатхара, удостоенный за личное мужество Георгиевского креста 4-й степени. Помимо этой высокой награды корнет Хайтбей Чачба «за храбрость в боях» был награжден орденами св. Станислава 3-й степени, с мечами и бантом и св. Станислава 2-й степени с мечами.

Полным Георгиевским кавалером являлись земляк Х. Чачба, уроженец с. Уатхара Алексей Мурзаканович Цишба (Цыжба), позднее служивший уже в Кабардинском полку, уроженец села Ачандара урядник 4-й Абхазской сотни Черкесского конного полка Уасил Маги (Магба), сослуживец, урядник Дмитрий Анчабадзе (Ачба), урядник 4-й Абхазской сотни, призванный из Сухума Рамазан Шхалов, уроженец с. Кутол Константин (Кача) Кацович Когония, который также был награжден Георгиевской медалью 4-й ст. «За мужество и храбрость, проявленные в боях с австрийцами».

В ноябре 1915 г. выпал обильный снегопад. Как свидетельствуют рапорты начальства, после сильной снежной метели окопы татарского полка были полностью засыпаны снегом. Казалось невероятным что-либо предпринимать, «идти на выручку замерзающим татарам, с другой стороны обеспечить от всякой случайности благополучие боевого участка».

В этой сложной ситуации всадники и офицеры Черкесского полка с честью выполнили оба задания. Вся тяжесть работ по спасению выпала на долю 4-й Абхазской сотни под командой Николая Аимхая. Впереди всех шел и, первый отыскал замерзающих татар, Хамажир Тарба, всей Абхазской сотней признанный «храбрейшим» и совершивший до этого и впоследствии ряд знаменательных подвигов. В течение двух дней 27 добровольцев вызволили из снежного плена, откопав из-под снега замерзающих товарищей по оружию, 1-ю и 2-ю татарские сотни, заняли их боевые позиции, несмотря на невероятные погодные условия.

Все 27 всадников Абхазской сотни были представлены к награде, но «вышестоящее начальство нашло возможным» наградить пятерых всадников: Николая Ачба – Георгиевской медалью 1-й ст., Джоту Гарцкия, Василия Лакоба, Темраза Лакоба, Михаила Чиргба – Георгиевскими медалями 4-й ст.

«За этот самоотверженный подвиг, – пишет К. Д. Мачавариани, – горцы-абхазы в числе многих наград получают медали на Владимирской ленте за человеколюбие. Это единственный в своем роде пример в истории войн».

Легендарным героем войны был Коция Лакрба – молодой офицер, корнет, командир Абхазской сотни, обладатель золотого Георгиевского оружия, многих боевых наград, в том числе высшей награды Империи – ордена св. Георгия 4-й степени («белый офицерский крест»), который в кавказской конной дивизии удостоили всего шесть воинов.

Нельзя без волнения читать его последние строки на фото, посланном родственнику в Абхазию:

«Вспоминайте, глядя на эту карточку, того абхазца, который приносил и принесет в жертву все, что в его силах! Если нас не станет после войны, одна мечта и просьба наша: приносите каждый из вас – абхазцев – сколько можете, пользы своей родной Абхазии и своим собратьям».

Вот как вспоминает о нем всадник П. Куазмаа.

«В отношении командира Абхазской сотни Лакрба можно смело сказать, как о войне с сильным тактическим знанием, индивидуально храбром, не знающим отступления без приказа, бесконечная сильная любовь к всадникам, всяkim без различия, считал всех своими братьями, воодушевляя каждого быть смелым, не бояться врага. «Если выбьют винтовку, – говорил он, – рубить саблей, выбьют саблю – вынуть кинжал и пойти врукопашную, чтобы никто не имел права сказать, что абхазы струсили и не смогли выполнить приказ». Одновременно беспокоился о людях, их сохранности в целости и невредимости, в бой шел всегда впереди, в голове эскадрона, воодушевляя, говорил: «врага, австрийцев нечего бояться, нас целая «Сотня» и плюс абхазцы». А если приходилось по приказу комполка 4-й Абхазской сотне отступать, он, Лакрба, передавал командиру 1-го взвода вести сотню назад, а сам оставался сзади и следил, не останется кто-либо из всадников раненым или убитым».

Для более полного понятия философии войны у абхазов мы приведем диалог переводчика-серба с Коцием Лакрба, имевший место на театре военных действий в 1915 году:

– М. Деспич: Ну, вот, кавказец очутился в плену. Очень ли это считается у вас постыдным, зазорным?

– К. Лакрба: Я не могу отвечать за всех кавказцев вообще. У нас многие десятки народов и у каждого свои обычаи и традиции. Мы, например, абхазцы.

– М. Деспич: Вы мусульманин?

– К. Лакрба: Ничего подобного! Мы были уже тогда христианами, когда еще половина Европы была языческой.

– М. Деспич: Это очень красиво, слов нет. Однако позвольте – если раненый, истекающий кровью абхазец очутился в плену – это ничуть не умаляет его доблести, отваги?

– К. Лакрба: Должен умереть.

– М. Деспич: Должен умереть? Странные люди, странные. Если я вас понимаю с трудом, то европейцам вас никогда не понять.

Мастерство абхазцев в верховой езде приводило в удивление Михаила Деспича, который говорил К. Ш. Лакрба:

«Странные вы люди, кавказцы, даже для меня, который жил среди воинствующих черногорцев и албанцев, да и сам я боснийский серб. Могу себе представить изумление французских корреспондентов, приехавших в вашу знаменитую дивизию».

На что К. Лакрба ответил просто: «Мы довели их до полного оцепенения. В особенности их ошеломила джигитовка. Глазам не верили, всадник отстреливался на галопе, стоя в седле и держась одним мизинцем за повод. Лезгинка также, привела их в восторг».

А вот описание, как пишут современники «безумного по храбрости» подвига Коции Лакрба:

«Весь полк был брошен в конном строю на австрийскую пехоту, которую надо было во чтобы то ни стало опрокинуть с передовых позиций, но тирольцы (тирольские стрелки) держались крепко и таким огнем встречали черкесов, что тем пришлось отскочить назад под прикрытие леса. Вскоре корнет Лакрба замечает, что его товарищ по кавалерийскому училищу корнет Асенков, раненый в какой-нибудь сотне от неприятельских окопов, несомненно, раненый шевелится, пытаясь уползти от врагов. Лакрба, несмотря на хмельной угар атаки, все же помнил, как на левом фланге Асенков опередил его на два-три «корпуса» и тотчас же опрокинулся на спину и упал с лошади. Надо было спасти Асенкова пока не поздно, либо сам истечет кровью, либо тирольцы прикончат, заметив, что он отползает. И вот Лакрба, нахлестывая коня, вынесся из леса галопом и, все развивая аллюр, и все горячей посылая своего «кабардинца», прямо маршем на тирольские окопы.

Австрийцы сначала обалдили, ошеломленные такой дерзостью единокого всадника, а потом обстреляли его, но не совсем удачно для себя и удачно для Лакрба. Корнет посадил коня возле Асенкова, стонавшего от боли в простреленном плече. Асенков был крупный телом, пудов около шести, так что маленький Лакрба не поднял бы его. И вот новое чудо для затаившихся изумленных

австрийцев. Лакрба, тронув нагайкой передние ноги своего «кабардинца», заставил его лечь. А тогда уже не трудно было положить Асенкова поперек седла. «Кабардинец» поднялся уже с двойной ношкой. Лакрба гикнул и, взмахнув нагайкой по направлению к тирольцам, спокойным шагом поехал к своим.

Ему даже не стреляли вдогонку, такое впечатление произвело все это на любимое войско Франца Иосифа, наоборот, кто-то из тирольцев, высунувшись поверх окопов и забыв всякую вражду, с восторгом аплодировал корнету и его безумному подвигу: «Браво, браво, пан казак!».

Командир полка расцеловал героя и представил его к Георгиевскому оружию.

Граф А. Палецкий отмечал:

«...дивизия побывала на фронтах, на германском, галицийском и румынском, и везде проявляла чудеса храбрости, в общем на всю дивизию приходилось количество пленных, в четыре раза превышающих ее состав.

Дивизия понесла за время своей боевой деятельности много потерь. Но кавказские горцы держались и держатся до сих пор с огромным мужеством и непоколебимой твердостью. Это одна из самых надежных войсковых частей – гордость русской армии.

Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны.

И вот вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать. Все кавказцы таковы, в них живет еще истинный дух рыцарства и на предательство и на удары сзади, из-за угла они не способны. Не против России и русской свободы идут воины дикой дивизии. Они сражаются вместе с русской армией и впереди всех, и смелее всех умирают за нашу свободу».

T. С. Бушуева

(Москва)

1944 ГОД: ЗАКРЫТОЕ СОВЕЩАНИЕ В ЦК ВКП(Б) ПО ВОПРОСАМ ИСТОРИИ СССР: ПРИЧИНЫ СОЗЫВА, ИТОГИ

*Историк должен ликовать
и горевать со своим народом*

Н.Карамзин

...мы потеряли контакт между собой...
Б.Греков

Многолетняя дистанция дает возможность оценить события Великой Отечественной войны, не оглядываясь на политическую конъюнктуру и идеальные пристрастия. Особой страницей в истории исторической науки в годы войны стало закрытое совещание, проходившее 29 мая 1944 г.¹ в ЦК ВКП(б) по вопросам истории СССР. Следует подчеркнуть, что это совещание длительное время входило в категорию закрытых, и в настоящее время значительный пласт материалов о нём в архиве по-прежнему недоступен. В работе совещания участвовало более 50 человек: специалисты по истории СССР, секретари ЦК ВКП(б) (А.А.Андреев, Г.М. Маленков, А.С.Щербаков), ответственные работники аппарата ЦК. Совещание открылось выступлением Г.М.Маленкова². Текст выступления в архиве не найден, но, как вспоминала А.М.Панкратова, Маленков говорил о том, что

¹ Последующие заседания состоялись 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля 1944 г.

² Текст выступления в архиве не найден.

ЦК обсудил положение в исторической науке и счел необходимым встретиться с историками для обсуждения спорных вопросов, а также выработать «принципиальные установки для всех историков»¹. Вместе с тем, дискуссия должна была идти в рамках дозволенного и сводилась по существу к тому, чтобы лишний раз доказать правоту материалистического понимания истории.

По свидетельству главного хранителя фондов РГАСПИ Ю.Н. Аммиантова² и старшего научного сотрудника РГАСПИ З.Н. Тихоновой, которым были доступны архивные документы совещания, «содержание совещания может быть понято и оценено, с одной стороны, лишь в контексте положения в исторической науке, возникшего в 1930-х годах в результате влияния сталинизма и личного вмешательства И.В.Сталина в решение общеметодологических и ряда конкретно-исторических проблем истории России и зарубежных стран, а с другой стороны, – в контексте идеологической и политической ситуации, создавшейся в стране в годы Великой Отечественной войны, идеологической и политической деятельности высшего партийного и государственного руководства и аппарата ЦК ВКП(б)»³.

Совещание проводилось спустя 10 лет после начала преподавания в гражданской истории в школах и вузах, замечаний И.В.Сталина, С.М.Кирова, А.А.Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, писем Сталина в Политбюро ЦК с оценкой статьи Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма»⁴. Тревогу Управления пропаганды и агитации вызывали такие проблемы:

«не преодолено влияние немецких ученых-норманистов, развивавших идеи несамостоятельного происхождения российской

¹ «Вопросы истории». 1996, № 2. Еще в преддверии совещания А.М. Панкратова высказывала свою точку зрения о том, что назрело время обсудить спорные вопросы и «выработать принципиальные установки для всех историков» (Там же).

² Скончался в 2012 г.

³ «Вопросы истории». 1996, № 2. – С.47.

⁴ Там же. – С. 47-48.

государственности, все еще сильно влияние школы Покровского, выражющееся в слабом освещении историками героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, в негативной оценке (как абсолютного зла) процессов присоединения к России нерусских народов; имеет место оживление антимарксистских взглядов, ... усиление влияния национализма...»¹.

Результаты «обследования положения в исторической науке» были обобщены в записке «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» от 18 мая 1944 г., подписанной начальником УПА Г.Ф. Александровым, его заместителем П.Н.Федосеевым, главным редактором «Правды» П.Н.Поспеловым, адресованной секретарям ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову и А.С.Щербакову², а также разосланной Швернику, Михайлову, Киселеву, Шамбергу, Ицкову, Александрову, Яковлеву, Шкирятову.

В записке давалась резкая оценка работы историков: «Институт истории АН СССР и «Исторический журнал» превратились в замкнутые организации, оторванные от широких кругов историков. Руководящие работники Института истории навязали историческим кадрам вредный антинаучный метод «артельной» работы по составлению трудов – бригадой, скопом. Ввиду чего советской общественности становятся известными лишь имена редакторов трудов по истории, а многочисленные кадры действительных авторов этих трудов остаются в тени»³.

Подчеркивалось также, что «среди историков существует взаимная амнистия и недопустимая для большевиков терпимость к ошибкам исторического и принципиального характера», а также рекомендовалось основательно поправить положение дел в Институте истории АН СССР и в «Историческом журнале»⁴.

¹ Там же. – С. 49.

² См. Ф.88. Оп.1. Д.1053. Л. 1-27.

³ См. Ф.88. Оп.1. Д.1053. Л. 20.

⁴ См. Ф.88. Оп.1. Д.1053. Л. 21.

К записке была приложена информация «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков»¹. Внимание секретарей ЦК Андреева, Малenkova и Щербакова обращалось на то, что «в работах Яковлева и Тарле проявляются настроения великодержавного шовинизма. Проф. Яковлев заявил в Наркомпросе: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника. Совмещать с этим интерес и к 100 народностям, которые вошли в наше государство, мне кажется неправильным... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях». Это заявление Яковлева есть явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам. Выводы: таким образом, в выступлениях некоторых историков возрождается великодержавно-националистическая идеология, враждебная ленинско-сталинской политике укрепления дружбы народов, берется под защиту реакционная политика царского самодержавия, делаются попытки идеализации буржуазных порядков». Под документом стоят подписи: Александров, Поступов, Федосеев².

10 апреля 1944 г. УПА подверг критике «Исторический журнал». По оценке Ю. Аммиантова, «Произошло своеобразное переплетение интересов науки (поскольку влияние Покровского сдер-

¹ Перед совещанием в письмах в ЦК Панкратовой прокомментированы негативные, по ее мнению, явления в исторической науке, подвергаются критике УПА и персонально Александров за слабое руководство «историческим фронтом», содержатся просьбы к арбитру – ЦК – помочь разобраться в спорных проблемах, а в письме от 12 мая она выражает пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков (Там же. – С.50).

² См. Ф.88 Оп.1. Д.1053.Л. 27.

живало ее развитие, сужало проблематику и методологию исследований) и интересов тоталитарного режима, ставившего своей задачей направить внимание как старшего, так и нового поколения историков в нужное режиму идеологическое русло. Все эти проблемы с особой остротой встали перед исторической наукой в годы Великой Отечественной войны»¹.

Выступивший на открытии совещания директор Высшей дипломатической школы МИД СССР профессор д.и.н. С.К. Бушуев отметил, что «историки СССР и по сей день находятся в долгу перед советским государством. На историческом фронте неблагополучно»², в течение последних лет не было дискуссий, поднимавших государственные задачи; в ходе дискуссии о Киевском государстве не был поставлен вопрос «о возникновении и формировании славянской государственности»; история Казахстана, по его мнению, получилась «антирусской книгой»; в работах историков недостаточно освещается история русской дипломатии и внешней политики СССР, имеет место односторонний подбор фактов; существует монополия на ту или иную тему отдельного историка (например, Нечкина), задержан выпуск в свет сборника против фашистской фальсификации истории³.

Выступивший следующим на совещании профессор Аджемян подчеркивал, что «историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась действий и значения Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова». Первые, по его мнению, «...выступали против государства, государственного гнета своего времени, вторые – же наоборот, ратовали за укрепление и возведение государства, его мощи, его независимости и суверенности. Первые – разрушали, вторые – строили. При рассудочном понимании исторических процессов легко попасть на ложный

¹ Там же. – С.48.

² Там же. – С.55.

³ Там же. – С.55-58.

след и дойти до джунглей таких диких домыслов, будто народ выступает на арену истории как субъект лишь тогда, когда нужно разрушать, бунтовать, поднимать восстания и мятежи. Ну, а когда фельдмаршал Румянцев занимает Берлин, Суворов – Измаил, Ермолов – Дагестан, когда Русь превращается Петром в необъятную империю, а Александр I вступает победителем в Париж? Во всех этих случаях, когда ярче и наиболее поразительно сверкает творческий гений народа-победителя, кровью, трудом и усилиями своими добивающегося возвеличения своей государственности, своей моци и свободы, наша младенческая, незрелая историческая мысль склонна видеть лишь козни, а в лучшем случае – подвиги исторических личностей, оторванных от народа, а чаще всего противостоящих народу ... исторический процесс надо рассматривать в их единстве как некий живой организм...»¹.

И далее Аджемян подчеркивал: «расsekая живой организм прошлых исторических эпох по социальным признакам, иные из наших историков очень часто склонны были множества из действий, событий минувшего заклеймить, очернить лишь на том основании, что эти события и действия не связаны с трудовыми классами или их вождями. Желчность и нигилизм к прошлому стали признаком хорошего тона...»².

По мнению академика А.М. Панкратовой, «среди некоторых наших историков имеются наряду с апологетическим изображением старого русского государства и его основных деятелей, независимо от того, к какому бы периоду они ни относились, какую бы эпоху они не представляли, с какими бы конкретными программами они не выступали, тенденции опорочить или даже отрицать роль народных масс как движущей силы истории»³. Критикуя преподавателя Историко-архивного института профессора П.П.Смирнова, она, опираясь на его высказывания, подчеркнула:

¹ Там же. – С.61-62.

² Там же. – С.64.

³ Там же. – С.69.

«И вот Богдан Хмельницкий, метавшийся между Россией, Швецией и Польшей, в припадке опьянения, случайно, а не сознательно, решает присоединиться к России с намерением при случае обмануть ее. Разве это действительно объективное изображение национально-освободительного движения на Украине?»¹.

Она подвергла критике книгу члена-корреспондента А.И. Яковleva «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», объявив ее непатриотической книгой и обратила внимание на то, что «Русское государство по существу представляется в книге «холопым царством»... Панкратова риторически спрашивала: «Как могла эта книга без всякого обсуждения советской общественности получить Сталинскую премию?»... И делала вывод: «Советские историки не всегда подходят к историческим вопросам с той ответственностью, которую на них возлагает наша эпоха Великой Отечественной войны»².

Следующим объектом ее критики стал Е.В.Тарле: «Я считаю, например, не только теоретически ошибочной, но и политически вредной лекцию акад. Тарле на тему: «О роли территориального расширения России в XIX веке»... «В своих лекциях в Саратове акад. Тарле решил пересмотреть два основных положения, подчеркнутых в «Замечаниях» тт. Сталина, Кирова, Жданова: во-первых, положение о том, что царская Россия была «тюрьмой народов» и, во-вторых, положение, что царизм на определенном историческом этапе играл роль «жандарма Европы»³ ... Она высказалась против выражения Тарле, что «диалектика требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года». «Я не говорю уже о том, что это – самое откровенное возрождение тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое... Акад. Тарле аргументирует свое оправдание царской захватнической политики тем, что теперь нас, якобы, спасли пространства.

¹ Там же. – С.70.

² Там же.

³ Там же. – С.71.

«Если сейчас, – говорил он (Тарле) в этой лекции, – мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории, – этот один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов....», «... вся лекция отвечает на вопрос о том, что СССР ныне спасли пространства, завоеванные царизмом»¹.

И далее Панкратова обращала внимание присутствовавших на следующее: «Я вновь хочу подчеркнуть громадную ответственность наших выступлений. Когда товарищи выступают и говорят, что первым фактором наших побед является не советский строй, а то, что царская Россия завоевала обширные пространства, а т. Аддемян договорился даже, что борьба за пространственный максимум была исторической прогрессивной задачей царской России, то я вновь и вновь хочу напомнить о политической ответственности наших выступлений. Не свернете ли Вы к Милюкову, который говорил о «естественных границах» России, которых никто не мог определить?... И не пахнет ли от этих ненужных разговоров о «пространствах дурным запахом всяких «теорий» о «жизненном пространстве»... «Разве есть хоть один намек в стенограмме лекции Тарле на роль советской власти?»².

По утверждению Панкратовой, СССР явился не продолжением, а отрицанием «единой, неделимой» России. Единство СССР, подчеркивала она, выросло в результате разрушения царской России – вернее прочное единство СССР выросло в результате разрушения царской России как «тюрьмы народов». Вот почему мне кажутся не только спорными, но и вредными установки лекций акад. Тарле»³.

¹ Там же.

² Там же. – С.71-72.

³ Там же. – С.72. В Российском государственном архиве социально-политической истории среди документов Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), относящихся к совещанию историков летом 1944 г., находится незаверенная и неправленая копия (2-й экз. под копирку) машинописной расшифровки стено-

В ходе совещания резкие споры возникли вокруг книги «История Казахской ССР» (над ней работали историки: Якунин, Дружинин, Зутис, Вяткин, Бекмаханов). Одни историки считали ее «антирусской книгой», Панкратова, напротив, подчеркивала, что они вместе с Грековым считали, что принципиальным рубежом в истории казахского народа была именно Октябрьская революция, которая «воздордила казахский народ как нацию, ибо до победы Октябрьской революции казахский народ не мог сложиться в нацию». Мы имели в виду, – отмечала Панкратова, – показать казахскому народу, что он «всем обязан советской власти, нашей большевистской партии, нашему великому русскому народу». Она подчеркнула, что это писалось в тот период, когда немцы доходили до Кавказа и до Сталинграда – недалеко от заволжских степей Казахстана. «Нужно было поднять народ на защиту своей советской родины, показать, что казахи имеют боевые традиции борьбы за независимость, за свободу»¹.

В целом же Панкратова подчеркивала необходимость сохранения «классового подхода, без которого мы не можем обойтись в истории». «Я привыкла понимать оценки Ленина-Сталина, – говорила она, – которых я изучаю непрерывно, таким образом, что колониально-национальная политика русского царизма отражала интересы господствующего класса русских крепостников-феодалов и что сближать интересы русского царизма и народа (тем более в XIX в., когда за свержение царизма боролись все лучшие люди русской нации, нельзя»². По ее убеждению, «самая лучшая

грамм под названием: «Доклад академика Тарле на ученым совете Ленинградского университета – О роли территориального расширения России в XIX-XX вв.». В том же деле подшиты направленные стенограммы доклада Тарле «О военно-морской тематике в исторической и художественной литературе» 21 февраля 1944 г. на совещании историков и писателей (вероятно, в Институте истории АН СССР) и публичной лекции «Основные моменты новейшей истории русской дипломатии» (25 февраля 1944 года).

¹ Там же. – С.73.

² Там же. – С.74.

позиция – это марксистко-ленинская позиция, требующая объективного и всестороннего анализа и классового подхода»¹.

Выступившая на совещании М.В.Нечкина обращала внимание на следующее: «Советский народ правильно требует от нашей исторической науки быть отточенным орудием в этой борьбе и правильно, законно требует исторического объяснения того, что он сейчас видит и наблюдает. Вот несоответствие нашего исторического знания с величием задач настоящего и предстоящего и является источником законного недовольства, а для нас, историков, – важным сигналом. Если сопоставить все наши работы со всем новым в истории нашей страны, окажется, что мы отстали, что мы далеко не все стороны этого нового можем объяснить. Многое мы недоучитывали, многое лишь начинаем видеть и понимать в новом свете, многое ранее незамеченных пробелов в нашей науке обнаруживаем»². Далее она выделила четыре группы важных, с ее точки зрения, вопросов, которые «исторически не разработаны и долго оставались в тени»: 1. Русская государственность и ее история; 2. Национально-колониальная политика царизма; 3. Формирование русской нации (этот вопрос окружен молчанием в марксистских исторических работах. В этом плане вновь разговор о двух нациях, о двух культурах); 4. Россия и славянство.

Нечкина предупреждала об опасности извращений, ревизий марксизма, «может быть эти извращения вражеские». «Мы должны быть бдительными и настороженно охранять нашу науку от каких бы то ни было извращений».

Острые столкновения мнений присутствовавших возникли в оценке царского самодержавия, роли Николая I, роли М.Н. Каткова и др. Нечкина подчеркивала, что историки не занимаются проблемой формирования советского народа. Согласно ее суждению, «советский народ это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества проч-

нейшая общность людей...». Нечкина обратила внимание на «... слабость общего руководства историческим участком работы, отделом гуманитарного знания. У историков нет застоя, но их разнообразная активность не имеет должного направления и руководства. Историк стремится сейчас к углубленной исследовательской работе... Но нам не дают возможности это сделать. Мы завалены огромным количеством популяризаторских заданий полукомплиментивного характера¹.

На заседании 5 июня 1944 г., на котором присутствовали историки: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Вацецкий, Волгин, Волин, Галкин И.С., Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Зуева, Иовчук, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Лебедев, Минц, Михайлов Н.А., Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов, Ратнер, Рубинштейн, Светлов, Сказкин, Сидоров, Слепов Л.А., Сыромятников, Тихомиров, Толстов, Удальцов, Фатеев, Федосеев, Хвостов, Шамберг, Шарова, Шаталин, Щербаков, Яковлев Н.Н.², встал вопрос о значении «эпохальных» замечаний Сталина, Кирова, Жданова о конспекте учебника для средних школ.

В связи с этим вновь была подвергнута критике «Школа Покровского», отличавшаяся, по высказыванию Бахрушина, отрицанием «громадной исторической роли русского народа». По мнению выступавшего Бахрушина, «замечания» были нацелены на создание подлинно марксистской концепции «исторического русского процесса и исторического процесса народов СССР»³. Бахрушин обратил внимание историков на то, что целый ряд вопросов, «связанных с историей образования абсолютистского государства» остается неясным. Неясен вопрос также о периодизации образования и истории русского государства. Другим вопросом, на котором выступавший заострил внимание, являлась

¹ Там же.

² РГАСПИ. ф.17.Оп.125.Д.225.Л.199-200; «Вопросы истории». 1996, № 3. – С.110.

³ Вопросы истории. 1996. №3. – С.82.

«колониальная политика царизма». Достаточно смело Бахрушин заявлял о том, что «нельзя без оглядки красить черной краской явления нашей колонизации только потому, что оно шло под знаменем царского завоевания». Бахрушин продемонстрировал это на примере Грузии, подчеркнув, что «грузинскому народу грозило полное физическое истребление со стороны иранцев и турок. Для Грузии присоединение к России было спасением в полном смысле этого слова. Оно открывало возможность существования для грузинского народа»¹. Особенно он отметил важность все еще не исследованных явлений, приведших к присоединению Средней Азии и установлению там царской власти.

В выступлении Бахрушин попытался сформулировать основные задачи, которые, по его мнению, стоят перед историками. Прежде всего, «нам необходимо в первую очередь развивать научно-исследовательскую монографическую работу, развивать нашу собственную научно-исследовательскую работу и подготовлять кадры, которые продолжали бы эту работу. Сейчас очень много времени уходит у каждого из нас на научно-популярную и популяризаторскую работу.... Популяризация тогда хороша, когда в основе ее лежит исследование. Популяризация поверхностная может привести только к вредным результатам».

В выступлении А.Л.Сидорова было высказано несогласие с мнением ряда историков, отрицавших и называвших шаблоном положение о «царизме» как «жандарме Европы». Следующим вопросом, на необходимость разработки которого он обратил внимание, было освещение вопроса о проливах, соединяющих Черноморское побережье со Средиземным морем. Сидоров высказал свое мнение, что «при освещении этого вопроса акад. Тарле также порывает с марксисткой точкой зрения».

И далее: «Факт стремления к проливам Николая I фактически основывается Тарле соображениями самозащиты. Причем эта политика не критикуется, научно не объясняется, а попросту

¹ Там же. – С.85.

оправдывается». Эти взгляды, по мнению Сидорова, «являются опасными»¹.

Особенное раздражение Сидорова вызвала оценка Тарле Крымской войны. Согласно выводам Тарле, в результате Крымской войны величие и мощь русской империи остались непоколебимыми... «Великий колосс выдержал страшные удары 1854-1855 годов и не только не упал, но даже и не поколебался. Таков один из исторических уроков Крымской войны», – по оценке Е.Тарле. Сидоров, напротив, подчеркивал, что «исторические выводы и уроки акад. Тарле плохо вяжутся с марксистскими оценками» и что для него (Сидорова) непонятно стремление Тарле возвеличивать монархию. Этим самым, как высказался Сидоров, «тов. Тарле оказывает медвежью услугу нашей исторической науке».

Особый спор вызвала оценка внешней политики канцлера А.Горчакова. Сидоров говорил следующее: «Признак непоколебленной линии царской России акад.Тарле видит в том, что в конечном итоге Горчаков легко своим «волеизлиянием» уничтожил позорные статьи Парижского мира. В этом он видит и особую защиту Горчакова. Здесь присутствует один из товарищей, который специально занимается Горчаковым. Я не знаю, согласен ли он (Бушуев) с Тарле? Видимо, да, иначе он не назвал бы Горчакова представителем национальных интересов России. Однако обращаю внимание, что Сталин назвал Горчакова не слишком лестно, назвав его «русским авантюристом» в противоположность иностранным дипломатам-авантюристам»².

Проблема историографии была затронута в выступлении Рубинштейна. Он бросил упрек историкам в том, что «... у нас от критики Покровского переходили к простой идеологизации Ключевского»³. Рубинштейн говорил о недопустимости идеологизации русского прошлого, исторического процесса. Критикуя

¹ Там же. – С.92.

² Там же. – С.93.

³ Там же. – С.95.

Яковлева за его точку зрения, что «в основе понимания холопства лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой дуалистической системы», Рубинштейн сделал вывод, что Яковлев провел апологию холопского мировоззрения вне всяких классовых противоречий.

Историк Сыромятников обратил внимание на проблему приемов исторического исследования. Как пример, он назвал публикацию недостоверного источника «Табель о рангах», а также публикацию документов Сперанского и искажение подлинной сути предлагавшихся им реформ. По его мнению, Греков ответственен за недобросовестное отношение к историческим документам.

В своем выступлении И.И. Минц говорил, что война усилила национальное самосознание, повысила национальную гордость. Вместе с тем есть некритические подходы к национальному движению. Например, история с Зелим-Ханом. Он резал русские семьи, резал семьи армян, евреев и т.д. А между тем, в Чечне подняли авторитет Зелим-Хана, высоко подняли кульп Зелим-Хана и на этом воспитывали молодежь. Превозносят Кенесары Касымова, а ведь он нападал на сибирские селения, сжигал казачьи станицы, громил враждебные ему казахские аулы.

Минц отметил, что задача историков заключается в том, чтобы ликвидировать остатки антиисторического подхода при изучении некоторых вопросов истории народов нашей страны, ... некритически поднять на щит все то, что связано с национальным движением ...».

В ходе заседания 10 июня 1944 г. В.И. Пичета поднял вопрос о сущности западников и славянофилов. По его мнению, нельзя огульно называть всех славянофилов реакционерами – это «будет не исторично и не научно»¹. Говоря о Киевском государстве, Пичета отметил: «Киевское государство – государство славянское. ... Когда речь заходит о многонациональном государстве, то как только русское государство как составная часть многонациональ-

ного государства исчезнет, Россия перестает быть славянской. Россия не существует, хотя существует многомиллионный русский народ. В формате вопроса о роли славян он подверг критике тезис А.И. Яковлева о том, что Киевское государство – это страна рабов... Это рассуждение Яковлева Пичета расценил как «величайшее оскорбление русского народа и славянства»¹.

Выступивший на заседании Ефимов подверг критике Аджемяна, который, как утверждал Ефимов, сделал «открытие», что «... советские историки занимались народом, а царей просмотрели, в то время как эти цари как раз и представляют прогрессивные тенденции народной истории. Это идея конечно не новая, развивали ее монархисты разных оттенков, например, Карамзин, Чичерин, Соловьев, Ковалевский. Другая его идея – отказ от марксистской теории классов – тоже не новая, ревизионистская идея». Ефимов назвал Аджемяна нетерпимым, самовлюбленным, неосведомленным. «Его химеры – симптом шатаний в сторону буржуазного национализма». Утверждать, что русский народ особый, избранный, – это, по мнению Ефимова, пережиток славянофильства.

Ефимов подчеркнул, обращаясь к аудитории: «Вы выступаете перед бойцами, командирами, политработниками, говорите о патриотизме нашей страны в 1812 году. Память о 1812 г. вызывает большой патриотический подъем. Но будет неправильно изображать Россию как страну, в которой в 1812 г. классы куда-то исчезли. Это опасно по своим последствиям. Это поведет к идеологизации реакционных лиц и учреждений. Как найти правильное решение, когда внутренняя борьба, борьба крепостных против крепостников притушена как общее правило, на время ослабела? А правильный выход есть. Надо указать на то, что в период уничтожения наполеоновского нашествия цели народа, с одной стороны, и дворян и царя – с другой, были различными. В 1813 г. русские войска продолжали начатое и предрешенное в 1812 г. на полях России освобождение Европы от наполеоновского гнета, а царь и

¹ Там же. – С.67.

¹ Вопросы истории. 1996, №3.1996. – С.65.

помещики ставили целью восстановить реакционные династии в Европе, стремились к подчинению Европы русским помещиком... Вообще же морально-политическое единство в истории прошлого не следует идеализировать».

Ефимов полагал необходимым указывать различие целей и народных масс, и правящих кругов. По его мнению, не следует отождествлять морально-политическое единство до 1917 г. и морально-политическое единство периода гражданской войны 1918–1920 гг., не следует изображать морально-политическое единство нашей страны абсолютным.

Он еще раз подчеркнул, что «царизм – международный жандарм», но русский народ внес ценнейший вклад в мировую культуру.

Ефимов предлагал историю бывших колоний России писать, не отрывая ее от истории России и других колоний, иначе получится уродливый однобокий показ России; рассматривать колонизацию как факт исторически прогрессивный; не обелять зверства колонизаторов; отметить, что борьба масс против колонизации – исторически прогрессивна, но не следует идеализировать и без меры превозносить вожаков крестьянских движений в колониях. По мнению Ефимова, необходимо сосредоточить усилия на подготовке монографических исследований, а не многотомников. В частности – в Институте истории монографиями не занимаются или почти не занимаются. Институт истории упорно держится за бригады. Он делал вывод, что залогом успешного развития исторической науки должна быть ликвидация благодушия и примиренчества к ошибкам.

Выступивший Яковлев начал с того, что совещание проведено людьми, стоящими на вершине исторических знаний (это величайшие историки, как покойный Владимир Ильич и как ныне здравствующий Иосиф Виссарионович). Присутствовавших он назвал нашим скромным рабочим сословием цеховых историков. Подверг критике «злосчастное наследие покровщины», отметил

недостатки учебников и преподавания в школе, недостаточную исследовательскую работу в архивах.

По мнению выступавшего следующим Городецкого, идеи Яковleva – антимарксистские. Он обвинил Яковleva в приверженности идеи русского национализма, в великодержавном шовинизме. Только советское государство, – по мнению Городецкого, – является организацией единства наций. Нельзя переносить единство советского народа и государства на историческое прошлое. Обвинил Панкратову в фактическом признании норманской теории.

По мнению выступившего Грекова, государства, являясь органом господствующего класса, осуществляют интересы, нередко совпадающие с интересами народа¹, а норманская теория, по его убеждению, – это варяжская теория.

«Я также благодарен Центральному Комитету, – сказал Греков, – который нас собрал как раз в тот момент, когда мы потеряли контакт между собой»... «На первом месте сейчас должна стоять история народов нашего Союза. Мы должны разобраться, когда и как вошли эти народы в состав Руси, что они нашли в ней положительного и отрицательного, что заставило их вместе с русским народом выступить против самодержавия последних царей и в то же время держаться за связь с русским народом. Мы должны сказать обо всем этом правду...».

После совещания 12 июля 1944 г. Г. Александров представил в ЦК проект Постановления Политбюро ЦК «О недостатках научной работы в области истории». Этот проект сразу же был отвергнут Щербаковым². В итоге никакого обобщающего документа по итогам совещания так и не было принято.

На «историческом фронте», плотно осажденным идеологическим диктатом власти, шла своя война, драматичная и стоившая многим и здоровья и самой жизни на полях научных баталий.

¹ Там же. – С.86.

² Там же. – С. 50.

P.X. Гаглоити

(Цхинвал)

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГЕНОЦИДА ОСЕТИН И РОЛИ РФ В УСТАНОВЛЕНИИ МИРА НА КАВКАЗЕ

Формирование гражданского общества не отрицает, а напротив, предполагает определение всеми народами приоритетов своего развития.

В Осетии, как и в России, решение такой проблемы свелось к поиску некой «национальной идеи». Под «национальной идеей» понимают в отдельном собранность народа, его «укоренение», приверженность к той или иной религии, здоровый образ жизни, приобщение к культурным и политическим ценностям ближнего или дальнего Зарубежья, Запада или Востока.

«Национальная идея» отражает коллективную идентичность народа и исчезает тогда, когда исчезает сам объект (этнос).

Именно ложный поиск т.н. «национальных идей» в значительной степени обусловил распад единого союзного государства Союз Советских Социалистических Республик, трагические межнациональные и межконфессиональные конфликты практически на всем постсоветском пространстве. С распадом СССР осетины оказались разделенной нацией.

Северная Осетия – Алания, в составе РФ, а на юге от Кавказского хребта – Самостоятельная независимая, признанная Республика Южная Осетия.

Расположенная в geopolитическом центре Кавказа, по обеим сторонам Главного хребта, Осетия является лучшим опровержени-

ем мифа о горах как естественной границе. Этнокультурное единство территории, которую занимает современная Осетия, хорошо прослеживается с эпохи поздней бронзы и раннего железа (конец II и начало I тыс. до н.э.) – т.е. со времен кобанской и Тлийской археологических культур и скифских походов в Азию.

Нынешние осетины – это небольшой островок индоевропейского мира XVIII в., известный как «осетины», является фактически осколком многочисленных древних племен, именуемых у Геродота, Стробона и Птоломея – скифами и сарматами.

Когда 8 августа 2008 г. Грузия развязала против Южной Осетии широкомасштабную войну с целью ее захвата, уничтожения и изгнания осетин с издревле принадлежащих осетинам земель, недаром и операция называлась «Чистое поле», Правительство Российской Федерации решительно вмешалось в грузино-осетинский конфликт с применением Вооруженных сил РФ, которые нанесли грузинским агрессорам поражение, принудили их к миру.

В данном случае истоки существующего противоречия между грузинами и осетинами необходимо искать в прошлом, уходящем своими корнями вглубь средневековья и связанным, в первую очередь, с крупномасштабными этнополитическими трансформациями, происходившими на Кавказе в период татаро-монгольских нашествий.

В III в. аланы – осетины, в силу трагических для них событий, лишились большей части своей исторической родины и на несколько столетий оказались изолированными в горах Центрального Кавказа.

Само Аланская государство возникло в X веке. В этот период их непосредственными соседями на западе и северо-западе были абхазы (Летопись византийца Феофана, Абаев В.П., Ванеев З.Н.). О тесных контактах алан (осетин) и абхазов свидетельствуют обширные материалы: лингвистический, археологический, фольклорный и топонимический.

Именно в XIV веке источники фиксируют наиболее крупное грузино-осетинское столкновение, продолжающееся около 30 лет.

В ходе этого конфликта грузинский царь Георгий Ближнестоящий предпринял ряд завоевательных походов против южных осетин. Южная Осетия была разорена, но Георгию Ближнестоящему не удалось установить здесь свой военно-политический контроль. Такие столкновения, не имевшие факты геноцида, сохранились в XV–XVIII вв. Все это время грузинские цари пытались завоевать Южную Осетию и подчинить ее своей власти, в ходе многократных военных экспедиций. Осетины оказывали упорное сопротивление.

В XIX веке в условиях Российской империи грузино-осетинское противостояние проявилось наиболее отчетливо в столкновениях между осетинскими крестьянами и грузинскими князьями.

Попытки грузинских князей Мачабели (кстати, абхазы по происхождению – из фамилии Анчба!), Эристави, Аминахвари и других, используя русскую армию, проникнуть в Южную Осетию, привели к столкновению с южными осетинами и приняли форму национально-освободительного движения. Именно тогда Российский Сенат предложил выплачивать ежегодно грузинским дворянам компенсацию из казны в размере из предполагаемого дохода с южных осетин, а южных осетин перевести в разряд казенных крестьян. Тем самым Россия признала обособленный статус Южной Осетии по отношению к Грузии – прообраз будущей Югоосетинской автономии.

Одним из наиболее крупных открытых столкновений стал конфликт в 1918–1920 гг., вылившийся в широкомасштабную войну.

Это было связано с тем, что в 1918 году Южная Осетия, после распада Российской империи, оказавшаяся в составе образовавшейся в Закавказье Грузинской Демократической Республики, попыталась добиться самоуправления. Многочисленные просьбы и обращения Юго-осетинского Национально Совета – основного (в то время!) представительного органа Южной Осетии в адрес гру-

зинских властей о предоставлении автономии встретили категорический отказ.

В противовес этому Реввоенсовет Южной Осетии 8 июня 1920 года объявил об установлении в Южной Осетии советской власти.

В ответ на это грузинское меньшевистское правительство развязало широкомасштабную войну, имевшую тяжелейшие последствия для Южной Осетии: около 5 тыс. этнических осетин погибло в ходе войны и при отступлении на Северный Кавказ. В результате вынужденной миграции около 20 тыс. беженцев оказались в Терской области, где 15 тыс. из них умерло от голода и массовых эпидемий. Население Южной Осетии сократилось почти на 60%. Было сожжено 25 крупных селений, 1588 жилых и 2639 хозяйственных построек, уничтожено 23600 га. посевов.

Грузино-осетинское противостояние, хотя и в скрытой форме продолжало сохраняться в годы советской власти (с 1920 по 1988 гг. XX века!)

Грузинские власти старались не допустить обособления территории Южной Осетии и придания ей самоуправляемого этнополитического статуса. Однако грузинская позиция не нашла поддержки в Москве, выступавшей за самоопределение всех народов Советской России. Грузинские власти не смогли помешать образованию в 1922 году Юго-осетинской автономной области, но... смогли отторгнуть от нее (при определении границ?!?) два ущелья – Кобийское и Гудское с чисто осетинским населением, с их инфраструктурой, которая сложилась ещё в древности.

Мотивация была более чем смехотворной – якобы отдаленность!!!

Противостояние продолжалось и в последующий период. В 1930–1949 гг. грузинская элита осуществила в отношении Южной Осетии этнокультурную экспансию. В 1939 г. Юго-осетинская автономная область была переведена на грузинскую графику, а с 1944 года – на грузинский язык обучения и делопроизводства.

Это была хорошо продуманная акция замены русско-осетинского билингвизма на грузино-осетинское двуязычие, что фактически имело цель огрузинизации и ассимиляции южных осетин. Острое недовольство, открытое неприятие и противодействие Южной Осетии, в конечном счете явились подспорьем для отмены Москвой всех решений грузинской стороны, что исключило организацию открытого конфликта.

В конце 1980-х годов грузинские власти предприняли попытки этнодемографической экспансии – разработать планы перемещения в Южную Осетию этнических сванов, причем речь шла о двух тысячах сванах. Из-за развернувшегося вооруженного конфликта этот план не был реализован.

Речь шла об унификации территории Южной Осетии с грузинскими территориями.

Хочется отметить, что Южная Осетия как этнос, как образование, сохранилась именно благодаря России, ее руководству, вмешательству в 2008 году в грузино-осетинский конфликт.

Роль России в установлении мира на Кавказе огромна.

Это говорю, испытавший на себе и на своей семье все «прелести» грузинского фашизма.

И. П. Добаев

(Ростов-на-Дону)

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Вышедший в конце ХХ в. на мировую арену качественно новый, неизвестный ранее транснациональный терроризм, зачастую имеющий исламистскую окраску, безусловно, был предопределен процессами глобализации и установления нового мирового порядка. Курс на однополярную глобализацию, осуществляемый в интересах Запада, прежде всего США, является явной угрозой гармоничному развитию человечества, традиционных конфессий и национальных культур. Глобализация по-американски разрушает традиционный жизненный уклад, подрывает основы веры, внедряет в общество нормы и штампы, несовместимые с исламскими представлениями о благочестии, негативно влияет на молодое поколение, отрывая его от веры отцов, от нравственных и культурных корней¹. Рассматривая ход мирового политического процесса под таким углом зрения, становится очевидным, что современный терроризм представляет собой системный вызов складывающемуся однополярному миру-устройству при «глобальном лидерстве США»².

Неудивительно поэтому, что одной из форм противодействия цивилизационному натиску Запада, оформленному сегодня в «жесткие» и «мягкие» формы войны против других цивилизаций,

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов н/Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – С. 377.

² См. об этом: Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2004.

стало появление и разрастание «нового терроризма» – глобального и транснационального, – с одной стороны, и одновременно регионального и даже локального, – с другой. Образование в своей совокупности мощных разветвленных структур террористов, их активизация, стали причинами разработки аналитиками некоторых государств концепции, отождествляющей терроризм свойной. Так, автор авторитетного информационно-аналитического справочника по негосударственным военизованным системам «Четвертая мировая война» Джангир Арас предложил следующее определение данного феномена: «Терроризм – самостоятельная военно-политическая категория, особый вид войны, компонент политической культуры и направление идейного мировоззрения, включающий силовые и иные представляющие угрозу мотивированные действия, проявления и тенденции со стороны организованных структур, действующих вне формата государства»¹.

Одновременно следует подчеркнуть, что терроризм представляет собой идеологию (идеологическую доктрину) и основанную на ней политическую практику. Без идеологической составляющей, без наличия определенного интереса (политического, экономического и т.д.), терроризм уже не был бы терроризмом, превратившись в заурядное уголовно-криминальное действие². Причем идеологическая составляющая терроризма носит именно террористический, а не экстремистский или радикальный характер³.

Террористические группировки рождаются и функционируют вне поля правового регулирования и способны пронизывать все общество. Они могут развиваться и функционировать в любой – нейтральной, дружественной или враждебной – среде и созда-

¹ Арас Джангир. Четвертая мировая война. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С. 10.

² Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия / Под ред. А.В. Малашенко. – Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005. – С. 40.

³ См. об этом: Добаев И.П. Радикальные идеологии в исламе: история и современность // Ислам в России: Взгляд из регионов / Науч. ред. А.В. Малашенко. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 35-64.

вать свою инфраструктуру на транстерриториальной основе, опираясь на современные коммуникативные технологии, легальные и нелегальные методы мобилизации и использования людских ресурсов. Они накрепко спаяны общей идеологией, какую бы окраску она не принимала (яркий пример – человеконенавистническая идеология радикального исламизма, которая делит мир на «своих – единобожников» и «чужих – врагов ислама» – И.Д.), что снимает проблему оправдания человеческих жертв, способствует жесткости внутренней организации и повышению уровня ее конспиративности.

На базе идеологии радикального исламизма во многих частях т.н. «исламского мира», в том числе в северокавказском регионе России, возникли радикальные неправительственные религиозно-политические организации, неизбежной политической практикой которых стал терроризм.

На Северном Кавказе с начала 2000-х вследствие распыления организованного ичкерийского сопротивления, перехода на партизанские методы ведения боевых действий, а затем и вследствие формирования на территории северокавказских республик подполья, сепаратистское движение перешло исключительно к диверсионно-террористическим формам и методам борьбы.

Террористическая война в последние годы в той или иной мере практически повсеместно распространилась по Северному Кавказу. При этом характерной тенденцией выступает то обстоятельство, что многие теракты последних лет были связаны с Чечней лишь опосредованно. Терроризм помолодел, интеллектуально окреп, демонстрирует способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Особенно тревожная ситуация в последние годы фиксируется в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, несколько улучшилась обстановка в Ингушетии, а также в Чечне.

Анализ ситуации свидетельствует, что в республиках Северного Кавказа экстремисты чаще применяют акции адресного терроризма, в основном направленные против представителей местных

властей. Главный вектор террористической активности в северо-кавказском регионе нацелен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. Особенно зримо эта тенденция проявляется в деятельности террористических группировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Ярмук» (Кабардино-Балкария), «Халифат» (Ингушетия) и др. В то же время, вне северокавказского региона террористы, как правило, осуществляют свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

Что касается официальных статистических данных по террористическим проявлениям в Российской Федерации и в ее северокавказском регионе, то, согласно им, пик пришелся на 2005 г. Тогда в РФ был зафиксирован 251 теракт, из них более 90% – против сотрудников правоохранительных структур и органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. В последующие два года в русле данных официальной статистики наблюдалось неуклонное снижение числа террористических акций. Так, в 2006 г. было отмечено 112 терактов, из них вновь не менее 90% отнесены к Югу России. В последующие годы официальная статистика свидетельствовала о дальнейшем последовательном спаде террористической активности. Такая динамика дала основание некоторым экспертам утверждать, что наступил перелом, а в перспективе террористическая активность будет сведена на «нет»¹.

Однако следует подчеркнуть, что в связи с изменениями, внесенными в уголовное законодательство в 2006 году, понятие террористического акта значительно сузилось. Так, сейчас для квалификации преступления как террористического акта обязательным является наличие цели воздействия на принятие решения

¹ Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010, ноябрь. – С. 11.

органами власти или международными организациями. Поэтому, как это ни странно звучит, террористические акты в нашей стране в последние годы стали крайне редким преступлением. Так, в 2007 г. – только 48 терактов, то есть впятеро меньше чем в «лихом» 2005 г., и более чем вдвое меньше по сравнению с 2006 г. В 2008 г. в Российской Федерации было зафиксировано всего 2 теракта (по одному – в Дагестане и Северной Осетии-Алании)¹.

Тем не менее, в 2009 г. мы вновь явились свидетелями своеобразного «возвращения в 2005 г.», хотя в цифровом исчислении по отмеченным выше причинам количество терактов выглядит достаточно скромно, не отвечая истинному положению дел. Так, например, в 2009 г. в Российской Федерации было зарегистрировано только 6 терактов (по два – в Дагестане и Чечне, по одному – в Ингушетии и Тверской области), в 2010 г. – уже 23 теракта (11 – в Дагестане, 3 – в Ставропольском крае, по 2 – в Москве и в Ингушетии, по одному – Санкт-Петербурге, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Краснодарском крае и в Орле). По состоянию на 1 октября 2011 г. – 10 террористических актов (6 – в Дагестане, 2 – в Чечне, по одному – в Московской области и в Хабаровском крае)². Как видим, большинство – на Юге России.

Однако если обратиться к статистике, озвученной правоохранительной системой ЮФО, то можно утверждать, что ситуация в 2009 г. на территории округа характеризовалась резким усиленiem террористической активности со стороны незаконных вооруженных формирований: было совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 году – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 году по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащий, а также 32 гражданских лица (в 2008 году соответственно 210 силовиков и 12

¹ См. об этом на официальном сайте Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ: www.nak.fsb.ru.

² Там же.

гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 году – 484 силовика и 68 гражданских)¹.

Не менее удручающую статистику озвучивают ученые из Южного научного центра РАН (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону)². Согласно представленным ими данным, число совершенных боевиками терактов ежегодно исчисляется сотнями.

Так, согласно статистике ЮНЦ РАН, в 2006-2007 гг. большая часть преступлений террористической направленности фиксировалась в Чеченской Республике (370 и 160 терактов соответственно). С 2008 г. ситуация в республике меняется, а периоды роста напряженности сменяются периодами стабилизации. Эксперты объясняют этот процесс личностью главы республики, при котором с бандитами ведется бескомпромиссная борьба, характерной чертой которой выступают задержания, склонение бандитов к явкам с повинной (явление, ставшее повсеместным на территории всего Северного Кавказа только в 2011 году). Тем не менее, в Чечне до сих пор отмечаются крупномасштабные столкновения бандгрупп и представителей силовых структур на фоне регулярно проводимых спецопераций. Общее число участников открытых боестолкновений в 2011 году достигало ста и более человек³.

В Ингушетии в 2008-2010 гг. было совершено около тысячи преступлений террористического характера, в том числе в 2008 г. – 454 акта. В 2009 г. ситуация начала стабилизоваться на фоне усиления антитеррористических действий (спецоперации, изъятия оружия и боеприпасов, задержания), а власть впервые пошла на прямой диалог с населением. В результате неуклонное снижение числа насильственных инцидентов в

¹ Как заткнуть за пояс шахида? // Московский комсомолец. 2010, 24 февр.

² Матиев Г.Г., Пащенко И.В. Терроризм как главная угроза национальной безопасности на Юге России // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС. 2011. – С. 24-32.

³ Там же. – С. 25.

2010 г. завершилось практически полным «умиротворением» республики в 2011 г. Общее снижение террористической активности в 2011 г. по сравнению с 2008 г. достигло 10-кратного уровня¹.

Однако скачки терроризма стали отмечаться в Дагестане, где в 2010 г. число терактов (более 400) увеличилось втрое по сравнению с 2008 г., эта же тенденция сохраняется в 2011 г. Спецификой Дагестана остаются нападения на представителей различных уровней власти, сотрудников силовых ведомств и служителей мусульманского культа (в среднем около 100 покушений в год)².

С 2008 г. в зону нестабильности начала втягиваться Кабардино-Балкарская Республика, и пик напряженности пришелся на 2010 г., когда число терактов составило 159 случаев, что на 73 процента превысило показатели 2009 г. Только с марта 2011 г. стало возможным говорить о некотором улучшении ситуации³.

Вместе с тем, на общем фоне незначительного снижения деятельности боевиков в субъектах СКФО и ЮФО, в 2011 г. наблюдался резкий рост террористической активности в Карачаево-Черкесии (в 4,5 раза) и в Ставропольском крае (в 2 раза) по сравнению с 2010 годом. Не снижается вероятность проведения диверсионно-террористических акций в Северной Осетии⁴.

Таким образом, диверсионно-террористическая активность радикальных исламистов в 2000-х годах по-прежнему выступает значимым фактором дестабилизации политических процессов на российском Юге, и не только. Практика переквалификации террористических атак на другие статьи Уголовного Кодекса РФ не уменьшает накал терроризма, а только камуфлирует реально складывающуюся ситуацию, дезориентируя органы власти и управления, а также тех, кто ведет реальную борьбу с террористами.

¹ Там же. – С. 25-26.

² Там же. – С. 26.

³ Там же.

⁴ Там же.

Вместе с тем, расширяется география обнаружения схронов боевиков. В 2009 г. впервые они были обнаружены на территории Адыгеи, Калмыкии и Астраханской области.

Как свидетельствует официальная статистика, чаще всего террористические акты осуществляются с использованием взрывных устройств или посредством применения огнестрельного оружия. Причем явной тенденцией последнего десятилетия является превалирующее применение взрывных устройств, в то время как огнестрельное оружие стало использоваться реже, а объектами террористических атак, как правило, становятся сотрудники силовых структур¹. В подавляющем большинстве случаев посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов совершаются путем приведения в действие самодельных взрывных устройств, закладываемых под автомобили, либо по пути следования потерпевших, обстрела автотранспорта, стационарных постов ДПС, зданий правоохранительных органов и жилых домов сотрудников из автоматического оружия и гранатометов.

В контексте разрастания терроризма на Северном Кавказе, безусловно, интерес представляет статистика террористической активности, формы и методы деструктивной деятельности террористов в мире. Так, например, Национальный антитеррористический центр США (NCTC) в мае 2009 г. опубликовал доклад, в котором приводятся статистические данные о террористических нападениях в мире за 2008 г. Согласно докладу, в 2008 г. имело место 11800 терактов, в то время как в 2007 г. – 14500, в 2006 г. – 14000, в 2005 г. – 11000, а в 2004 г., по данным Госдепартамента США, не учитывавшего теракты в Ираке, – 3192².

¹ См. об этом: www.nak.fsb.ru.

² См. об этом: Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: основные черты, активность, опыт противодействия // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма: Сб. мат. межрег. науч.-практ. конф. (28 апреля 2010 г., СКАГС, Ростов н/Дону). – Ростов н/Дону: Изд-во СКАГС. 2010. – С. 40-41.

Наибольшее количество террористических атак в 2008 г. – 4600 (40%) – было совершено в странах Ближнего и Среднего Востока, хотя в Ираке 2 года подряд, в 2007-2008 гг., их число снижалось. В то же время, в странах Южной Азии (Пакистан, Индия) и в Афганистане их количество увеличилось в 2 раза. Террористические акты в Ираке, Афганистане и Пакистане составили 55 % от общего числа терактов в мире. 140 % рост террористической активности в Африке зафиксирован в Сомали и Демократической Республике Конго. В Западном полушарии в указанный период отмечено сокращение числа терактов на 25 %, а в странах Юго-Восточной Азии и Тихого океана – на 30 %. В 2008 г. значительно возросло число случаев похищения террористами людей. Так, в Пакистане оно увеличилось на 340 %, в Афганистане – на 100 %, в Индии – на 30 %, в других странах Южной Азии – на 45 %¹.

Как и в прежние годы, в 2008 г. при проведении большинства терактов в мире использовалась уже известная тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей. Террористы продолжали прибегать к проведению скоординированных по времени нападений, когда вскоре после первого теракта они осуществляли второй, направленный уже против сотрудников специальных и спасательных служб, прибывших на место происшествия.

В 2008 г. в результате терактов в различных странах мира погибло или было ранено свыше 50 тыс. человек, причем большинство из них являлось мусульманами. 65 % жертв террористических нападений были мирными жителями. Обращает на себя внимание тот факт, что дети продолжают составлять непропорционально большое число жертв. Так, в 2008 г. количество погибших детей возросло на 10 %².

Эксперты прогнозируют рост количества террористических актов в мире, что связано с проведением американцами операции

¹ Там же.

² Там же.

«Аф-Пак» на территории Афганистана и Пакистана, реальной или вымышленной ликвидацией в Пакистане лидера «Аль-Каиды» Усамы бен-Ладена, инспирацией «цветных революций» в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки и, главное, применение вооруженных сил НАТО при решении ливийской проблемы, нацеленность на аналогичные действия в Сирии и Иране.

На общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, которые исламистами ошибочно называются «шахидами». Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в исламе *шахидом* признается воин, *муджахид* (букв. участвующий в *джихаде*), погибший во время сражения «на пути Аллаха», даже если он был убит не на поле боя, а умер случайно или непреднамеренно от собственной же руки. Этот тип мученика называется «совершенным шахидом», поскольку он признается мучеником, как в этом мире, так и в жизни последующей, после смерти, где получит заслуженную награду от Бога¹. При этом исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между «совершенными шахидами» и террористами-самоубийцами.

Несмотря на то, что терроризм смертников отмечался и в прежние века ислама, расцвет этого явления пришелся на вторую половину XX – начало XXI вв. Как утверждает отечественный исследователь данного явления С.И. Чудинов, терроризм смертников ведет свои истоки от шиитской версии радикального ислама, пустившим свои корни в разорванном гражданской войной и иностранной оккупацией Ливане. Большинство экстремистских движений, воспринявших и адаптировавших тактику атак смертников к условиям социально-политического конфликта на своей родине в 1990-е годы, копировали ливанскую модель сопротивления, с которой они имели возможность познакомиться самым непосредственным образом (боевые кадры этих группировок

¹ Юджеоглу Х. Ислам о шахидах и террористах-смертниках // Ислам о терроре и акциях террористов-смертников / Сост. Э.Чапан. –М., 2005. – С. 144.

проходили военную тренировку в Ливане в то время, когда радикальные шиитские партии впервые одобрили атаки смертников). Ливанская модель, в свою очередь, была подражанием опыту иранских басиджей времен современной ирано-иракской войны, вспыхнувшей вслед за исламской революцией 1979 года в Иране¹.

Хотя в настоящее время за большинством террористических актов с участием смертников стоят исламистские группировки, религиозная составляющая мотивации не столь обязательна для всех исторических разновидностей терроризма смертников. Иногда дух националистической борьбы миноритарной этнической общности и культивируемая в ней идеология самопожертвования доводятся до столь крайнего альтруизма в отношении идеала независимой родины, тесно переплетаясь с чисто восточным культом харизматического лидера повстанческого движения, что этого может быть достаточно и без религиозных стимулов для воспитания готовности в адептах националистического движения превратить себя в живые бомбы. В качестве примера можно привести соответствующую практику «Тигров освобождения Тамил Илама» в Шри-Ланке или курдских сепаратистов из Рабочей партии Курдистана, устраивавших самоподрывы в Турции и т.д. Националистический компонент был силен даже в самом Ливане, родине современного терроризма смертников, в среде светских националистических партий и группировок Ливана (Сирийская социально-националистическая партия и др.). Однако все же радикальный ислам остается важнейшей культурно-идеологической основой распространения терроризма смертников в современном мире. Более того, именно исламистская интерпретация идеала исламского мученичества легла в основу его глобализированной формы².

Вместе с тем, количество терактов в мире с использованием самоубийц продолжает оставаться серьезной проблемой для отдельных регионов мира. Например, оккупированный войсками

¹ Чудинов С.И. Терроризм смертников. – М.: Флинта, Наука, 2010. – С. 88.

² Там же. – С. 88-89.

США и их союзников Ирак в этом плане в середине 2000-х гг. поставил такие «рекорды», по сравнению с которыми все остальные ареалы использования тактики «шахидов» в мире просто меркли. Пиковыми годами оказались 2005-й и 2007-й – 478 и 442 случая использования «живых бомб» соответственно. В 2009 г. в Ираке было зафиксировано немногим более 30 акций террористов-самоубийц. Всего в 2003 – 2008 гг. в этой стране было зафиксировано около 1700 взрывов, осуществленных смертниками. Другой ареал особой активности «шахидов» – Афганистан, где с 2006 г. ежегодно фиксируется в среднем по 140 акций самоподрывов¹. В последние два-три года в этот разряд вошел и Пакистан, где взрывы самоубийц звучат с нарастающей частотой.

С июня 2000 г. терроризм смертников появился на российском Северном Кавказе. Уже в начале 2000-х годов известный чеченский полевой командир Ш. Басаев объявил о создании подразделения смертников под названием «Риядус Салихийн» («Сады праведных»), которое не отражало какую-то единую структуру, но было скорее вывеской, под которой лидер экстремистов заявил о своей причастности к подготовке атак смертников.

Как подчеркивает С. Чудинов, во многих отношениях терроризм смертников в Чечне необычен. Во-первых, для него характерен очень высокий процент женщин – исполнительниц атак смертников. Специалисты в области психиатрии и психологии Анна Спекхард и Хапта Ахмедова, проводившие специальные исследования чеченского терроризма смертников, подсчитали, что женщины-смертницы принимали участие в 22 из 27 террористических операций с участием смертников (с июня 2000 по май 2005 года). Их доля среди смертников составила 43% (47 из 110 человек). Что касается объектов покушений, то из 28 террористических операций с участием смертников, осуществленных с июня 2000 по июль 2005 года, 10 были нацелены на военные объекты, 4 – на про-

¹ Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010, ноябрь. – С. 11-12.

московские правительственные учреждения и официальных лиц правительства Чеченской Республики, 14 – на гражданские объекты (из них 8 произошли в Москве). В первые два года атаки смертников происходили только в Чечне и были нацелены на российские военные базы, в последующем наблюдался процесс расширения ареала их осуществления. В 2003-2004 годах был достигнут пик интенсивности чеченского терроризма смертников, который, тем не менее, до сих пор остается в республике маргинальным явлением, не одобряемым местной общественностью¹.

В 2009 году был зафиксирован новый всплеск терроризма смертников на Северном Кавказе, при этом терроризм самоубийц как специфическая практика радикальных исламистов уверенно вышел за пределы Чечни и затронул не только соседние с ней Дагестан и Ингушетию, но и некоторые другие российские регионы, утратив при этом исключительно чеченский этнический облик. В частности, летом 2009 г. было совершено громкое покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, ответственность за которое взял Доку Умаров и возрожденные им бригады «Риядус Салихийн». В 2009 году на территории Чеченской Республики «живыми бомбами» стали 10 человек, в Республике Ингушетия – 4, и в Республике Дагестан – 1². Террористы-смертники успели отметить в Северной Осетии, Ставропольском крае и Москве. Эта же тенденция сохранялась в 2010-2011 гг. Так, по официальным данным НАК РФ, в 2010 г. из 23 зарегистрированных в стране терактов 8 совершены смертниками, а за девять месяцев 2011 г. из зафиксированных 10 терактов – 4 на счету террористов-самоубийц³. Периодически правоохранительным органам в результате спецопераций удается ликвидировать или задерживать потенциальных смертников, но далеко не всегда.

¹ Чудинов С.И. Указ. соч. – С. 65.

² Добаев И.П. Современный терроризм в мире и на Северном Кавказе: сущность, практика, опыт противодействия // Ориентир. 2010, ноябрь. – С. 12.

³ См.: www.nak.fsb.ru.

Как свидетельствует практика, в основном роли «живых бомб» на Северном Кавказе выполняют юноши и женщины, как правило, т.н. «черные вдовы» (вдовы убитых боевиков, для которых в специфических условиях Кавказа со смертью их мужей заканчивается не только супружеская жизнь, но и в ментальном плане утрачивается смысл жизни как таковой). Подготовка такихсмертников ведется групповым методом по специально разработанной методике с использованием зомбирующих технологий, учебно-тренировочных заданий, формирующих жесткие мотивационные установки, с соответствующей атрибутикой и ритуалами.

Однако в последние годы террористами-смертниками стали преимущественно юноши и молодые мужчины. Разворачивание «шахидизма» свидетельствует о мощном влиянии ближневосточных экстремистских организаций на эволюционные процессы в северокавказском радикальном исламизме, участии наемников в подготовке и осуществлении террористических актов на Северном Кавказе.

Северокавказским боевикам удалось поставить на поток подготовку и создать резерв потенциальных смертников-самоубийц, а также идеологов и наставников «шахидов», из числа не только зарубежных, но и российских граждан (например, уничтоженный Саид Бурятский). Как подчеркивают эксперты, практика «шахидизма» весьма эффективна: взрывы «живых бомб» составляют 3 процента всех терактов, совершенных в мире, однако именно на них приходится 48 процентов жертв¹. Что касается России, то за период с августа 1999 г. по сентябрь 2009 г. террористами-смертниками в различных ее регионах, преимущественно на Северном Кавказе, была осуществлена 41 акция «шахидизма», все они сопровождались далеко не единичными жертвами. Как отмечалось выше, в 2010-2011 гг. зафиксировано еще 12 случаев самоподрывов. Таким образом, в 1999-2011 г. смертниками совершены 53 террористические акции. Для сравнения: в Израиле за период т.н. «интифады»

¹ Нечитайло Д.А. Запал для «умной бомбы» // НГ-религии. 2009, 16 сент.

(первая интифада в Палестине вспыхнула в 1987 г., вторая – в 2000 г. – И.Д.) взорвали себя 59 палестинцев¹. Иными словами, по количеству «живых бомб» Северный Кавказ уверенно догоняет Палестину, а по частоте применения практики терроризма самоубийц за последние десять лет явно ее превосходит. Правда, следует отметить, что безусловными лидерами по проведению акций террористов-самоубийц сегодня выступают Афганистан и Ирак, оккупированные войсками США и их союзников. Ежегодно там, а также и в Пакистане, фиксируются сотни акций самоподрывов.

Для поддержания и усиления уровня террористической активности северокавказские боевики предпринимают недюжинные усилия, направленные на восстановление понесенных потерь. Эмиссарами бандподполья осуществляются меры по внедрению религиозно-экстремистской идеологии в сознание, прежде всего, горской молодежи. В этих целях тиражируются и распространяются исламистские книги, брошюры, листовки, DVD-диски, видеокассеты и, конечно, используются возможности Интернета. Сотрудниками правоохранительных органов регулярно изымается внушительное количество такого рода идеологической продукции. Характерно при этом, что если еще в 2008 г. эти материалы обнаруживались в большинстве случаев в схронах и на базах боевиков, то уже в 2009-2011 гг. – преимущественно в домовладениях граждан.

Как следствие, сегодня по возрастному составу участников террористическое движение является преимущественно молодежным. При этом по социальному положению оно, в основном, состоит из низших слоев общества (материально необеспеченных, безработных, с приниженным социальным статусом, с невысоким образованием и т.д.). Вместе с тем, не уменьшаются и масштабы наемничества, представители которого основательно представлены в составе северокавказских НВФ. Более того, боевикам «стало удаваться вербовать в свои ряды славян»².

¹ Сухов И. Марш смертников // Время новостей. 2009, 18 сент.

² РБК daily. 2009, 28 ноября.

Таким образом, представленные факты, позволяют утверждать, что не только в рамках идеологических доктрин радикальных исламистов и в их организационной деятельности, но и в области использования форм и методов проведения террористической деятельности северокавказские сепаратисты так же, как и на других направлениях своей разрушительной активности, не изобрели ничего нового, оригинального, собственно своего по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока.

Рассмотрение форм и методов осуществления террористами специфической политической практики позволяет утверждать о весомости воздействия внешнего фактора на процесс функционирования джихадистского движения в северокавказском регионе России. Прежде всего, это связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды времени значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массированная внешняя помощь выступает весомым фактором радикализации здесь «ваххабитского» движения.

Э.Д. Эшба

(Москва)

АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время Кавказ является одним из наиболее конфликтных регионов. Непрекращающиеся антитеррористические операции в Дагестане, усугубление ситуации в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, связанное с ростом исламских радикальных настроений в республиках, армяно-азербайджанские противоречия обусловили высокий конфликтный потенциал Кавказа. В этих условиях свою внешнюю политику на кавказском направлении активизируют такие крупные региональные акторы, как Турция и Иран. Да и другие, в том числе и внерегиональные государства проявляют интерес к Кавказу.

Турция, претендующая на роль региональной державы, неоднократно заявляла о своей поддержке исламского движения в мусульманских кавказских регионах, в частности, готовности принять активное участие в урегулировании нагорно-карабахского конфликта, в том числе и военными средствами. Более того в последнее время Турция проводит активную политику и на абхазском направлении. Подобная инициатива не встречает до сих пор поддержки НАТО, но не исключена возможность в дальнейшем корректировки позиции Североатлантического альянса.

В свою очередь, Иран, имеющий значительную протяженность границ с Азербайджаном и Арменией, также претендует на активную военно-политическую роль в регионе и в случае осла-

бления России может стать объединителем исламских фундаменталистских сил.

В этих условиях признание Абхазии и Южной Осетии способно изменить политический расклад на Кавказе, так как в регионе появились новые игроки. Вероятно, при грамотном использовании своего потенциала Абхазия имеет реальные шансы на построение крепкого, суверенного государства, которое сможет так или иначе влиять на внутрирегиональные процессы, особенно принимая во внимание геостратегическое расположение Абхазии и её отношения с другими государствами в регионе.

Потенциал нового кавказского государства – Республика Абхазия, очевиден не только Западу (учитывая активную поддержку грузинского руководства со стороны США, а также роль Франции в урегулировании конфликта в 2008 г.) и России, но и государствам Ближнего Востока, чем обуславливается вновь активизировавшаяся политика Турции, Израиля и некоторых арабских стран на абхазском направлении.

Однако на данный момент Абхазия не признана ни одним из государств Черноморско-Каспийского региона, кроме России и говорить о ней как о самостоятельном субъекте региональной политики пока проблематично, но изучить перспективы взаимодействия Абхазии с мировым сообществом представляется весьма интересным.

В первую очередь хотелось бы рассмотреть инициативы Грузии и её позицию в отношении будущего Абхазии.

Стоит подчеркнуть, что позиция официального Тбилиси основана на опасениях, которые зачастую противоречат друг другу. С одной стороны, руководство Грузии боится активизации процесса признания Абхазии и по этой причине пытается, в силу своих возможностей, чинить препятствия расширению контактов Абхазии с западным миром. С другой стороны, Тбилиси опасается усиления позиций Российской Федерации в республике, и в регионе в целом, так как очевидно, что существующая тесная экономическая

и торговая интеграция Абхазии и России делает стремление Грузии по «реинтеграции» Абхазии всё более призрачным. Однако даже в целях ограничения влияния России в регионе, Тбилиси не способствует расширению присутствия государств ЕС в Абхазии.

Ослабить позиции России и подорвать её авторитет в регионе Грузия пытается, в том числе и посредством раскачки ситуации на Северном Кавказе. В частности, она стала проявлять интерес к международному черкесскому движению, добивающемуся признания геноцида черкесов со стороны царской России. Несомненно, целью подобной политики Грузии является активизация контактов с Северным Кавказом в купе с одновременной поддержкой антироссийского сепаратистского движения, тем самым Тбилиси пытается увеличить и своё влияние в регионе.

В январе 2010 года был создан новый грузинский канал спутникового телевидения под названием «Первый кавказский». Очевидно, что предназначен он для северокавказской аудитории. Как сообщала российская газета «Коммерсантъ», главная цель этого канала заключается в предоставлении россиянам, и особенно жителям Северного Кавказа, «правдивой» информации о событиях в Грузии и на Северном Кавказе¹.

Кроме того, 20 мая 2011 г. грузинские депутаты единогласно проголосовали за принятие резолюции о признании геноцида черкесов со стороны Российской империи. Грузия стала первой и пока единственной страной в мире, принявшей подобное решение. «Это не только политическое решение и солидарность по отношению к этому народу, это ещё и послание всему цивилизованному миру остановить это преступление, которое и сегодня совершается против этого народа», – заявил грузинский депутат Лаша Тодрия².

Таким образом, Грузия пытается изменить расклад сил в регионе и превратить адыгов, многие из которых принимали активное

¹ Газета «Коммерсантъ», №4 (4545), 14.01.2011.

² Официальный сайт BBC. Русская служба новостей http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/05/110520_georgia_circassians.shtml.

участие в грузино-абхазской войне на стороне Абхазии, в своих союзников. Абхазия же остается в сложном положении, с одной стороны адыги, разделившие с абхазами трагедию мухаджирства и вставшие на защиту Абхазии в войне 1992-1993 гг., с другой стороны Россия, признавшая независимость республики и являющаяся гарантом её безопасности. Безусловно, большим упрощением было бы предполагать, что всё адыгское общество разделяет взгляды активистов международного черкесского движения, борющихся за бойкот Олимпиады в Сочи. Однако в последнее время в этой среде всё-таки наблюдается динамика развития антироссийских настроений. Очевидно, растут симпатии к Грузии, оказывающей поддержку черкесским организациям, выступающим за признание геноцида. Официальный Сухум никак не комментирует признание геноцида черкесов и в этих условиях план Грузии по размежеванию абхазов и адыгов вполне может быть жизнеспособным.

Во-первых, раскачивая ситуацию на Северном Кавказе, который и так является болевой точкой на теле России, Грузия пытается подорвать позиции РФ по обе стороны Кавказского хребта.

Во-вторых, Тбилиси стремится таким образом сократить поддержку Абхазии со стороны народов Северного Кавказа.

Вместе с тем интересна и позиция Запада по отношению к Абхазии, которая, как представляется, имела некую тенденцию к постепенному смягчению. Знаковым для абхазской стороны оказалось интервью Мэттью Брайза, зам. Госсекретаря США, со-председателя Минской группы ОБСЕ по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта, советника президента США по проблемам Кавказа и Средней Азии, который впервые охарактеризовал Абхазию с Южной Осетией в качестве «отдельных стран». В интервью радиостанции «Эхо Москвы» он заявил: «...мы считаем Абхазию и Южную Осетию странами, но, в отличие от Прибалтики, не признаем их никогда...»¹. В дальнейшем в 2010 году после-

¹ Официальный сайт радиостанции «Эхо Москвы» <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/591198-echo/>.

довало предложение спецпредставителя ЕС на Южном Кавказе Питера Семнеби о создании специальной модели сотрудничества Абхазии с Евросоюзом – «Вовлечение без признания». Спустя год после озвученной позиции в отношении Сухума Брюссель перешёл от слов к конкретным делам. По словам Семнеби, Евросоюз готов приступить к реализации своих проектов в Абхазии¹. Речь идет о подготовке национальных кадров в области медицины, оснащении больниц и поликлиник современным диагностическим оборудованием. На переговорах с Премьер-министром Абхазии Сергеем Шамба² ключевой стала тема участия евроструктур в решении проблем национального здравоохранения. Возможно, эти может пока и робкие, но всё же, шаги навстречу Абхазии ещё более усилили грузинские опасения по поводу расширения контактов Абхазии с Западом.

В этих условиях, Грузия предложила «Государственную стратегию в отношении оккупированных территорий», в которой отражаются территориальные интересы республики и её претензии на территорию Абхазии и Южной Осетии, однако, благодаря более мягкой и миролюбивой риторике, предполагалось представить ее как конструктивный шаг, направленный на мирное и взаимовыгодное урегулирование конфликта. По словам Питера Семнеби «стратегия содержит много интересных моментов, которые являются полезными и перспективными»³. Европейский дипломат выразил надежду, что народ и власти Абхазии тоже примут это во внимание. Однако и европейское сообщество и Америка, и в первую очередь грузинское руководство, не могут не понимать, что идея «реинтеграции» не может вызвать ничего, кроме протеста со

¹ Первый шаг по «вовлечению без признания»// Международный центр по конфликтам и переговорам <http://www.iccn.ge/rus/pervii-shag-po-vovlecheniu-bez-priznania.html>.

² Сергей Миронович Шамба – Премьер-министр РА с февраля 2010 г. по сентябрь 2011 г.

³ Представитель ЕС назвал интересными предложения оппозиции Грузии // ИА РИА Новости <http://ria.ru/politics/20090417/168382106.html>.

стороны Абхазии. В случае такого протеста, Абхазию, вполне возможно, выставят в качестве дестабилизатора, ответственного за «провал» грузинской мирной инициативы.

Таким образом, очевидно, что окончательного урегулирования грузино-абхазского конфликта ещё не произошло. В этой связи весьма показательна риторика высших должностных лиц Грузии относительно восстановления её «территориальной целостности». Вспомним хотя бы интервью бывшего президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе каналу BBC, в котором он в частности заявил: «Грузия восстановит свою территориальную целостность. Это грузинская земля. Но для этого требуется время. 10-12 лет»¹.

Сложно сказать каким именно способом, по мнению Э.А. Шеварднадзе, Грузия сможет восстановить свою «территориальную целостность», но как представляется осуществление этой задачи если и возможно, то только военным путём. Причём в таком случае, это будут намного более серьёзные и масштабные операции, чем столкновения с Россией в августе 2008 г. Подобное развитие событий всё же крайне маловероятно. Ведь без посторонней помощи Грузия не способна вести крупномасштабные военные действия с РФ, которая является гарантом безопасности и Абхазии и Южной Осетии. Помощи от своего главного западного союзника Тбилиси тоже ожидать не может, в условиях «перезагрузки отношений с Россией», продолжающихся военных операций в Афганистане и Ираке и нагнетания ситуации вокруг Ирана. Кроме того, судя по смягчившейся риторике западных дипломатов, они рассматривают новые варианты взаимодействия с Абхазией в сложившихся условиях. Более того статус Абхазии и ЮО, в качестве «ограниченно признанных» республик делает военное решение проблемы весьма маловероятным.

Кроме того, прослеживается тенденция по налаживанию прямого диалога Абхазии с западными государствами. В данном

¹ BBC русская служба новостей http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/04/110407_shevardnadze_interview_text.shtml.

контексте любопытно отметить состоявшийся в начале апреля с.г. рабочий визит делегации МИД Абхазии во главе с министром В. Чирикба в Италию, результаты которого некоторые эксперты считают прорывом во внешнеполитической деятельности Абхазии.

Как сообщил на пресс-конференции Вячеслав Чирикба, в ходе визита состоялись встречи и консультации с представителями политической элиты, дипломатических кругов и бизнес-сообщества Италии. При этом он подчеркнул, что до приезда абхазской делегации в Италию, грузинский посол успел побывать практически во всех учреждениях, которые намеревался посетить министр, из-за чего был сорван ряд встреч. Тем не менее, уже после первой пресс-конференции В. Чирикба в Риме итальянские СМИ в последовавших публикациях представляли его не иначе как министра иностранных дел Республики Абхазия, без обычно употребляемых в отношении Абхазии определений «самопровозглашенная», «де-факто», «непризнанная» и т.д., что весьма показательно.

Подчеркнем, что в рамках визита в Республику Сан-Марино состоялись и консультации Вячеслава Чирикба с Почетным консулом Королевства Монако в этой республике по вопросам установления связей между Абхазией и Монако. По словам консула, общение в сфере культуры могло бы способствовать установлению в перспективе и дипломатических отношений Сухума с Монте-Карло¹.

Интересно, что и некоторые западные политологи в последнее время стали рассматривать преимущества от возможного признания Абхазии Грузией и/или рядом западных государств. К примеру, авторитетный американский политолог Пол Гобл среди возможных «плюсов» называет «устранение одного из основных противоречий с Москвой», возвращение к принципу, что «национальное самоопределение должно применяться на постсовет-

¹ Вячеслав Чирикба рассчитывает на развитие контактов между Абхазией и Италией /Официальный сайт Кабинета Министров Республики Абхазия//http://www.govabk.org/news/government/?ELEMENT_ID=3352.

ском пространстве в целом, и в России в частности», кроме того, по его мнению «такой шаг будет сдерживать влияние Москвы. Это будет означать, что российский режим не будет иметь неоспоримого влияния в Абхазии или Южной Осетии»¹.

По мнению автора, попытки возврата к границам бывшей Грузинской ССР после событий августа 2008 г. практически не имеют шансов. В данном случае окончательным решением конфликта может выступить лишь признание Грузией независимости Абхазии и Южной Осетии, что позитивным образом скажется на экономическом развитии не только этих государств, но и региона в целом, послужит стабилизации ситуации на Южном Кавказе, а также может стать плацдармом для дальнейшего сотрудничества в целях региональной безопасности. Кроме того признание этих республик со стороны Грузии может стать решением пресловутой территориальной проблемы, не дающей Грузии вступить в ряды государств-членов ЕС.

Исходя из вышесказанного, очевидно, что Абхазия планомерно развивает внешнеполитические контакты не только с Россией, являющейся основным союзником и партнером для республики, но и пытается наладить прямой диалог и с другими государствами, в частности европейскими.

Безусловно, в вопросе признания суверенитета Абхазии свои «за» и «против» есть у каждой стороны, так или иначе вовлечённой в конфликт, кроме собственно Абхазии, которая исключительно позитивно воспринимает возможность расширения её международного признания и налаживания равноправного диалога с соседями и другими членами международного сообщества.

¹ Thinking the Unthinkable: What if Georgia and the West Were to Recognize Abkhazia and South Ossetia? by Paul Goble/ Abkhaz World // www.abkhazworld.com/headlines/535-thinking-the-unthinkable-by-paul-goble.html.

О.А. Устинов, И.А. Устинова

(Москва)

«КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ»: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ И ФИЛЬМ А.Н. СОКУРОВА «АЛЕКСАНДРА» (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Северный Кавказ – особый регион Российской Федерации. Южная окраина государства, состоящая из небольших республик (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкарская Республика, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня и Дагестан), где проживает 4,6 % населения России и где, тем не менее, постоянно происходят вооруженные столкновения, конфликты, теракты, а политическая нестабильность является статус-кво, «порядком вещей».

С одной стороны, кавказские народы были насилием присоединены к территории Российской империи, и их подозрительное и даже враждебное отношение к метрополии вполне естественно. С другой стороны, два столетия события вызвали к жизни уникальный цивилизационный сплав, единое мультикультурное пространство, чувство «общего дома».

Диалектически противоречивое развитие этого региона очень точно было обозначено выражением «кавказский узел». «Узел – место, где тую соединены, связаны концы чего-нибудь, или петля, стянутая на чем-нибудь»¹. Неоднократно предпринимавшиеся попытки решить дилемму центра и периферии являются, по сути, поиском ответа на вопрос: «готова ли Россия взаимодействовать

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2006. – С. 662.

с собственным разнообразием?»¹, а, следовательно, поиском формулы такого государственного устройства, которое было бы способно преобразовать раздираемую национальным вопросом страну в «цветущую сложность».

Проблема осмысления «кавказского узла» – традиция российской литературы и кинематографа. «Первооткрывателем кавказской темы» принято считать А.С. Пушкина, в творчестве которого переплелись различные эмоции от встречи с новым экзотическим краем. Поэт искренне приветствовал его колонизацию («На негодящий Кавказ поднялся наш орел двуглавый», «Все русскому мечу подвластно», «Поникнув снежной головой, смирись, Кавказ, идет Ермолов») и так же искренне восхищался смелостью воинственных аборигенов и сожалел о печальной участи их родины («Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно...», «Так ныне безмолвный Кавказ негодует, Так чуждые силы его тяготят»). Противоречивые оценки А.С. Пушкина впервые в полной мере проявили неразрешимый «кавказский узел» и в области словесности.

В 30–50-е гг. XIX века сложилось два художественно-философских направления, изображающих войну на Кавказе с диаметрально противоположных позиций.

Первое – консервативно-охранительное или «великодержавное» – целенаправленно тиражировало мифы и стереотипы официальной пропаганды. Продвижение царских войск на юг оправдывалось военно-политическими и социально-экономическими задачами России («Кавказ – ключ к Средней Азии»), а также дикостью и неразвитостью местных народностей, не прошедших через горнило модернизации. А. Шидловский, И. Радожицкий, П. Марков, В. Яковлев, а выразительнее всех А.И. Полежаев изображали чеченцев «эвероподобным народом», «варварами», «дикой ордой», «детьми отчаянья и тьмы»². Утвержденный царской властью

¹ Маркедонов С., Силаев Н. Кавказский фронт // Дружба народов. 2005, № 7. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/7/mark11.html>, свободный.

² Цит. по: Эрсеной Р. Кавказские поэмы А.И. Полежаева // НАНА: литературно-художественный, социально-культурологический женский журнал. Режим доступа: <http://www.nana-journal.ru/states/dowt/914-2012-02-07-08-26-59.html>, свободный.

стереотип воспроизводила и академическая наука. Этнограф С.Б. Броневский писал, что чеченцы отличаются «от всех кавказских народов злобой, хищностью и свирепым бесстрашием», «разбой – главное ремесло чеченцев»¹. Интересно, что родоначальником данного подхода выступил лично генерал А.П. Ермолов, овеянный легендами покоритель Кавказа, который аттестовал чеченцев в откровенно расистском духе: «чеченцы, самые злейшие из разбойников», «зверский народ», «со здешней дичью немного выиграешь благостью»². Плодом деятельности этого направления стала укоренившаяся в общественном сознании конструкция очередного этнического образа врага с имплицитным рефреном: «Мой мир был бы лучше без тебя» (теория геноцида К. Улкинса).

Второе, альтернативное, романтическо-гуманистическое направление было представлено творчеством В.Т. Нарежного, А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского, Л.Н. Толстого. Кавказ изображался ими как дивный горный край, где живут свободные и гордые люди, «рыцари гор», волею судеб оказавшиеся на пути расширяющейся империи: «И дики тех ущелий племена, Им бог-свобода, их закон – война...». Геноцид местных народов, уничтожение природы Кавказа (царские войска практиковали тактику «вырубки лесов»), гибель уникальной горской культуры они воспринимали как преступление против человечности. Так, например, еще П.А. Вяземский критиковал бравурные имперские оды А.С. Пушкина: «Ермолов? Что тут хорошего? Что он, как черная зараза, губил, ничтожил племена? От такой славы кровьстынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия – не союзница палачей»³. А другие изумлялись губительной нелепости противостояния колонизаторов и аборигенов: «Я думал: жалкий человек.

¹ Цит. по: Эрсеной Р. Кавказские поэмы А.И. Полежаева...

² Цит. по: Соболев Б.И. Штурм будет стоить дорого... Кавказская война XIX века в лицах. – М., 2001. – С. 18, 6, 8.

³ Цит. по: Соболев Б.И. Штурм будет стоить дорого... – С. 13-14.

Чего он хочет!.. / Небо ясно. Под небом места много всем. / Но беспрестанно и напрасно. / Один враждует, он – зачем?» (М.Ю. Лермонтов), «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом?» (Л.Н. Толстой). В своих произведениях писатели-гуманисты показывали ужас, боль и горе войны, пробуждали сострадание к горцам и призывали Россию научиться жить вместе с Кавказом на основе цивилизационного диалога с обязательным для него ненасилием и терпимостью к чужой идентичности: «Мой мир вместе с тобой будет лучше!» (К. Улкинс).

Два этих направления продолжают фактически равновесно существовать в русской общественно-политической и философской мысли до сих пор. Однако «великодержавные идеи» вытеснены на периферию культурного творчества и не обнаруживаются в явной форме ни в литературе, ни в кино. Кавказская война длиной почти в два столетия однозначно осознается современными россиянами как национальная трагедия, национальная катастрофа. При этом все наши фильмы о ней так или иначе закрепляют «русский взгляд». В фокусе внимания сценаристов и режиссеров – судьбы солдат и офицеров, брошенных властями или попавших по долгу службы в «чеченское пекло». Об этом фильмы «Чистилище» (1997), «Блокпост» (1998), «Грозовые ворота» (2006), «Война» (2008), «Прорыв» (2006), «Русская жертва» (2008) и мистическая трагикомедия на тему «чеченского синдрома» «Живой» (2006). Что же касается самих чеченцев, то их положительные образы, если они есть, почти всегда остаются на заднем плане, психологически прорисованные очень слабо¹. Чечня также появляется в популярных боевиках и детективных сериалах («Спецназ», 2002; «Личный номер», 2004;

¹ Глубокие психологические образы чеченцев дала сама жизнь, и не в игровом кинематографе, а в документальном. В 2006 году на экраны вышел двухсерийный фильм голландского режиссера М. Новиковой «Три товарища» о судьбе трёх друзей, один из которых студент медицинского института Ислам Баширов приезжает из Москвы в Чечню, чтобы спасать людей. Фильм, основанный на реальной съёмке, сделанной другом Ислама, оператором Рамзаном Межидовым, получил приз правозащитной организации «Amnesty International».

«Собр», 2012 и др.), где пылающий кавказский фронтир используется в качестве сюжетного фона, но, конечно, по законам масскультта не осмысливается в социально-философском плане.

В 1996 году выход на экраны фильма режиссера С.В. Бодрова «Кавказский пленник» по мотивам одноименной повести Л.Н. Толстого ознаменовал интеллектуальный триумф гуманистической тематики в кино о Чечне. Двою военнослужащих Саня и Иван (в ролях – Олег Меньшиков и Сергей Бодров-младший) попадают в плен к жителю горного аула Абдул-Мурату. Чеченец намеривается обменять русских на сына, тоже находящегося в плена, но его дочь Дина вдруг привязывается к одному из пленников. История о том, как на фоне сложных и противоречивых отношениях враждующих народов между конкретными людьми вдруг вспыхивают простые человеческие чувства, завоевала сразу несколько высоких наград (российские премии «Ника» и «Кинотавр», премия «Хрустальный глобус» на фестивале в Карловых варах). Кинематографическое осмысление С.В. Бодровым философских истин Л.Н. Толстого «каждый человек – человек» и «все люди – братья» обнажило проблему «кавказского узла» во всей ее трагической актуальности уже для нового поколения россиян.

Та же тема проникновенно, трогательно и горько прозвучала и в российско-болгарском фильме режиссера А. Е. Учителя «Пленный» (2008), снятому по повести В.С. Маканина «Кавказский пленный» – тоже по сути своеобразной версии сюжета Л.Н. Толстого. Двою российских солдат берут в плен чеченского боевика, юного Джамала и решают обменять его на своих. В процессе общения старший из солдат – Рубахин очаровывается красотой чеченца, в котором, как в зеркале, отражается красота горного края. Пленен в действительности – сам Рубахин (лермонтовский мотив). Человечность вытесняет зверство, доброта одолевает зло, и, кажется, война отступает. Но попытка обмена военнопленными не удается, русские солдаты прячутся в зарослях, и Рубахин вынужден задушить Джамала, чтобы тот не привлек внимания боевиков и не об-

наружил их укрытие. Риторический вопрос трагически повисает в воздухе. Красота, по Ф.М. Достоевскому, могла спасти мир, но в результате погибла сама. Почему?..

Подлинным шедевром российского кинематографа стала картина режиссера А.Н. Сокурова «Александра», главную роль в которой сыграла знаменитая оперная певица Галина Павловна Вишневская. Мировая премьера фильма состоялась в Каннах 24 мая 2007 года, но драма о чеченской войне не получила главного приза фестиваля, уступив «Золотую пальмовую ветвь» картине румынского режиссера Кристиана Мунджуи о жизни двух университетских подруг в период диктатуры Чаушеску. Однако лента была тепло встречена зрительской аудиторией и позднее завоевала награды на Тегеранском кинофестивале (приз в номинации «Лучший исполнитель») и на кинофестивале «Космополис» в норвежском городе Тронхейм (главный приз).

«Александра» – классическая картина А.Н. Сокурова в жанре «философское кино». Пожилая женщина Александра Николаевна приезжает из Ставрополя в Чечню, чтобы навестить внука – 30-летнего капитана Дениса Казакова. В течение трех дней она живет в военном городке, беседует с офицерами и солдатами, ходит через КПП на рынок, общается с местными женщинами. Повествование практически лишено сюжетной занимательности и составляется как бы само по себе из взглядов, разговоров, поступков. Режиссер использует методику реалистической съемки, и подробности биографий героев остаются зрителю до конца неясными. Предмет исследования здесь – военный конфликт в Чечне.

Александра – обычна и в то же время необычна бабушка. Обремененная недугами (болезнь ног), страдающая от пыли и от жары, погруженная в свои мысли и как многие одинокие старики проговаривающая вслух все, что с ней происходит («Духотища какая», «Жарко», «Ужас какой», «Плохо», «Усталая, отдохну»). При помощи солдат она забирается в вагон спецпоезда, потом с трудом

залезает внутрь бронетранспортера («Ой, куда ползти-то? Поползла. Ой, Боже мой, ой, ой»), осторожно ступает по каменистой почве. И вместе с тем она величественная, с пронзительным взглядом, властными нотками в голосе и царственной походкой. В ней явно угадываются образование, интеллект, любовь к искусству и что-то еще... Не смущаясь, она изучает военный городок, не спрашивая разрешения, идет ночью на КПП («Вам тут быть нельзя!» – «Тебя не спросила!»), наблюдает как солдаты чистят оружие («Хочу посмотреть – мне это важно»), серьезно и даже строго разговаривает с командиром части («Долго воюете. Привыкли...»). По ходу просмотра фильма становится очевидным, в образе Александры проступает дополнительное, мистическое измерение: перед нами сама Россия, ее воплощение.

«Матушка Русь» (советский вариант: «Родина-мать») – базовая национальная персонификация России в русской политической, художественной и философской традиции, где она изображалась в том числе в виде аватара, то есть материализации национальной души в конкретной земной женщине. Верность, целомудрие, нравственная чистота, забота, жалость, жертвенность, отвага, героизм – ее неотъемлемые сакральные качества¹.

В фильме Сокурова главная героиня – бабушка. Швейцарский психолог К.Г. Юнг отмечал, что фигура бабушки выражает материнский архетип даже сильнее и ярче, чем фигура матери: «Как мать она «больше», чем последняя, на самом деле она «пра – или Великая Матерь». Нередко с ней ассоциируются атрибуты мудрости². Неслучайно слово «бабушка» в европейских языках переводится как «большая мама» (англ. «Grandmother», нем. «Großmutter», франц. «Grand-mère»).

¹ Подробнее см.: Рябов О.В. «Россия-Матушка». История визуализации // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2.: Визуализация нации. – Иваново, 2008. – С. 7-36; Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). – Иваново, 1999. – С. 35-46.

² Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери // Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.-Киев, 1997. – С. 239.

На мистическую ауру героини Вишневской указывают и психологические особенности восприятия ее солдатами и офицерами военного городка. Они, не вполне осознавая, что с ними происходит, стараются оберечь ее, помочь, сопроводить, накормить. В присутствии Александры у людей раскрываются сердца, у них начинается какое-то внутреннее духовное изменение. Даже командир части, недоумевая «Кто она?», подчиняется ее странной, мягко и незаметно проникающей в него силе. А один из офицеров, провожая бабушку капитана Казакова на поезд, как бы случайно касается ее руки своей рукой, чтобы тактильно испытать идущее от нее тепло. Но при этом героиня Галины Вишневской на протяжении всей картины остается простой пожилой женщиной со своими представлениями, особенностями, недостатками. Ее образ тонко соединяет несколько пластов возможной интерпретации, и один не противоречит другому.

Идейно повествование строится на нескольких диалогах, через которые реализуется «послание Александры»: с внуком Денисом; с солдатами на КПП; с командиром части; с Маликой; с Ильяном.

Общение Александры и Дениса показано в фильме через призму нежной и трогательной любви бабушки и孙. Сцена, когда Денис в последний вечер перед отъездом заплетает Александру косу, а она читает ему стихи Ф.И. Тютчева «Нет, не тебя так пылко я люблю» (за кадром в этот момент звучит романс в исполнении Галины Вишневской) является, несомненно, лучшей с художественной точки зрения. Не менее трогательно смотрятся и другие сцены, когда Александра не может выбраться самостоятельно из бронетранспортера и внук выносит ее на руках, или когда Александра бродит по военному городку, а Денис подкрадывается к ней сзади и нежно обнимает: «Поймал!». Лирические отношения бабушки и孙а резко контрастируют с общим омертвением чувств в зоне боевых действий.

Денис Казаков – психологически сложный персонаж. По замыслу А.Н. Сокурова, «лермонтовский герой» в современной

Чечне. Этот рефлексирующий молодой офицер, по определению командира, «один из лучших в дивизии... таких разведчиков как у него нет нигде», тайно очарован Кавказом и страдает от несправедливости и бессмыслицы войны с горцами. «Нас не боятся. Зачем здесь армия, если нас не боятся?». Необходимость убивать людей во время зачисток повергает его в депрессивное состояние, а романтику военной службы он считает опасной иллюзией. «Я бы чувствовал себя офицером, давно народу пострелял всяко. Мне лихость гордости не добавляет».

Александра смотрит на войну иначе. Она жалеет孙а и пытается снять с него груз моральной ответственности («Во-первых, стреляешь не ты один. Упавший это еще не убитый. А во-вторых, ты моя порода. Сильный, сильный»), но «лермонтовский» взгляд на проблему ей чужд: «Не все так просто».

По мнению Александры, солдаты и офицеры должны исполнять свой военный долг на Кавказе. Она сочувствует солдатам и проявляет к ним нежность: приободряет понурившегося бойца: «Чего голову повесил? Терпи, солдат!», уговаривает часовых на КПП пирогами (пироги, привезенные из Ставрополя, достаются не孙у-офицеру, а солдатам-срочникам), просит командира части не беспокоить из-за нее отдыхающих в палатке разведчиков («Оставьте их в покое»), покупает на базаре сигареты и сладкое для солдат. Но она искренне огорчается, услышав от часовых на КПП пораженно-пессимистические «признания».

«Александра: По дому скучаешь?

Первый солдат: Нет, по дому не скучаю. Дом в России. В России все очень злы. Девушки все злы.

Александра: Что злы? Почему?

Первый солдат: Думают только о деньгах.

Александра: А о чем надо думать?

Первый солдат: О Родине.

Второй солдат: Да о какой Родине? Об этой что ль?

Александра: О какой Родине? Ой, ребята, ребята. Усталая я. Надо нам с вами отдохнуть...(Присаживается на лавку и произносит

слова молитвы: «Матерь Божья, пресвятая Богородица, спаси и сохрани...»».

Другой вопрос, что такое настроение военнослужащих объясняется не только их усталостью от войны, но и преступным равнодушием начальства. Точно также Денис делится с Александрой своими мыслями о неустроенности и бесперспективности армейского быта. Жены бросают офицеров (кто захочет скитаться по Чечне), в разводе все пограничники на всех заставах (сосед Дениса по палатке тоже разведен), и счет одиноких идет на тысячи. Сам Денис не женится потому, что не хочет обманывать какую-нибудь девушку («пускать пыль в глаза»), понимая, что ему нечего ей предложить: «Я – нищий». У офицеров нет даже приличной формы: «Мы должны чувствовать, что о нас кто-то позаботится. Форма должна быть прочная. Не тряпка, а ткань. Мне же в этой гимнастерке может концы придется отдавать». Эти претензии Дениса Александра вполне разделяет («Все правильно») и высказывает их в диалоге с командиром части, очевидно, разговаривая в его лице со всем командованием и шире – с правительством.

«Командир части: Такие как Вы уже не приезжают в армию, что вас так обеспокоило?

Александра: Долго воюете, привыкли. Не хорошо это.

Командир части: Ваш внук – профессиональный военный.

Александра: Ой... Надоели вы с вашей военной гордостью. Разрушать умеете, строить-то когда научитесь. Вот мой Денис. Не дай Бог, с ним что случится (крестится), в живых бы остался. Выгонят его из армии и что? Он ничего кроме как стрелять-то и не умеет».

В размышлениях Александры чувствуется и печаль о российском народе, взятом как единое целое, минуя отдельных его представителей (Денис, солдаты, командор части). Это печаль о народе талантливом, героическом и трудолюбивом, но не способным отчего-то определить, наконец, свою национальную самоидентификацию, правильно выбрать траекторию будущего, достичь гармонии во взаимоотношениях с соседними народами. «...все в себе

разобраться не можем, все путаемся, все чего-то ждем, все чего-то ищем...». Война в Чечне в данном контексте лишь эпизод, не первый и, к сожалению, видимо, не последний...

Развитие темы «кавказского узла» продолжается в диалогах Александры с чеченцами, которых представляют в фильме торгующая на базаре сигаретами бывшая учительница Малика и сын ее соседки, подросток Илья.

Малика сразу проникается к Александре человеческим чувством («Может мужчины и могут между собой быть врагами, а мы с самого начала как сестры»), и приглашает ее отдохнуть от жары к себе домой, где рассказывает о жизни в Чечне: «Здесь все кругом разрушено. И не только дома. Вся жизнь взбаламучена. Хорошие пожимают руки плохим, святые верят чертам, говорят красивые слова. Обманывают, обманывают, обманывают». Александра отвечает ей добром на добро, приглашая к себе в Ставрополь. Характерно, что Александру отправляется провожать на обратный поезд уже несколько чеченок – подруг и знакомых Малики, которым она, очевидно, рассказала о своей встрече с русской сверстницей. Они будут просить солдат помочь ей забраться в вагон и махать ей вслед на прощание. Зрителю хочется верить: во внезапно возникшей духовной близости этих женщин – надежда на будущее воссоединение народов России и Кавказа.

Малика и по характеру и по мировосприятию мягче и добре Александры. Война не сделала ее озлобленной и черствой: «Вот смотрим на русских солдат. Все они какие-то маленькие, как мальчишки. Вроде бы пахнут мужчиной, а все равно они как дети». При этом семья Малики практически полностью погублена войной. «Брат совсем старый, средний погиб, две сестры погибли, младший сын где-то в горах». Суждения же Александры реалистичны и далеки от всепримиряющего гуманистического пафоса: «Не все так просто», «ваши ребята сердитые», «как можно красть людей и сажать их в яму». Она знает: «кавказский узел» не разрубить организованным в одночасье взаимным прощени-

ем, с обеих сторон по-прежнему существует ненависть и жажда мести¹.

Показателен в этом отношении диалог героини Галины Вишневской с чеченским подростком Ильяском, которого Малика просит проводить Александру до расположения части.

«Александра: Тебе приходилось где-нибудь бывать?

Ильяс: Нет.

Александра: А куда хочешь поехать?

Ильяс: В Мекку, у вас в России – в Петербург.

Александра: Да... С Меккой это сам разберешься, а в Петербург я тебе помогу.

Ильяс: Я знаю, что это зависит, наверно, не от вас. Но прошу: отпустите нас, мы устали. И терпеть мы не можем вечно.

Александра: Вот как? Кто это мы?.. Эх, мальчик, мальчик, если бы все было так просто.... Знаешь, что сказала однажды одна старая японка: чего надо просить в первую очередь у Бога? Она сказала: просите разума! Сила не в оружии и не в руках».

Снимая фильм «Александра», А.Н. Сокуров выполнял, по его собственным словам, «гражданское обязательство». Так же отнеслась к картине и Г.П. Вишневская, называвшая съемки в Чечне «своим Белым домом» (речь шла об августовских событиях 1991 года, когда ее муж, выдающийся виолончелист М.Л. Ростропович защищал «Белый дом»). В галерее русского кино о чеченской войне картина А.Н. Сокурова выглядит совершенно непохожей на

¹ В интервью еженедельнику «Город 812» А.Н. Сокуров рассказывал: «В чеченском обществе нет осмысливания произошедших событий, нет представления о том, что чеченская война была классическим мятежом. У чеченской молодежи есть стопроцентное представление, что они выиграли у России войну. Когда я в Грозном набирал молодых на роли в фильме “Александра”, разговаривали об этом. Многие из них говорили: “Подождите, мы еще поставим все точки над “!””. Мы всем вам перережем горло и объединимся с Турцией». Вы просто не знаете, что мы думаем о вас на самом деле...». См.: «Энергетика кавказских мужчин не позволяет им держаться в рамках...» // Мобильная версия еженедельника «Город 812». Режим доступа: <http://www.online812.ru/2011/06/17/004/pda.html>, свободный.

остальных. «Кавказский узел» анализируется здесь с позиции объективных интересов двух конфликтующих сторон без какой-либо политической конъюнктуры. «Мы обречены быть рядом. Какими бы разными ни были, как бы по-разному ни думали. В любом случае мы будем соседями, будем вместе»¹, «...война кончилась, и мы должны возвращаться друг к другу взаимно уважая жертвы»².

«Просите у Бога разума». Таков главный философский вывод сокуровской ленты.

Современная Россия – не империя царская или советская, а федеративное и правовое государство. Проблема «кавказского узла» так или иначе осмысливается сегодня уже не в контексте взаимоотношений метрополии и колонии, а в контексте поиска формы свободы, гармонии, саторчества для всех субъектов Федерации без исключения. Даже, несмотря на устойчивую кавказо- и чеченофобию, идея о том, что Россия и Чечня – две части единого политического, экономического, культурного пространства никогда не покидала общественное сознание россиян³. Политолог С.М. Маркедонов резонно замечает: «...не стоит преувеличивать обособленность Северного Кавказа. Это регион – по крайней мере, большая его часть – который по меньшей мере двести лет находится в составе России, а до того на протяжении столетий соседствовал с ней. Мы не такие уж разные. И нет между нами такого уж чудовищного цивилизационного разрыва. Это часть нашей страны, пусть и тяжелобольная ее часть»⁴.

¹ «Александра». Бессмысленность войны // Ежедневная интернет-газета. Брянск. Ru. Режим доступа: <http://briansk.ru/world/20071122/94097.html>, свободный.

² Мехтиев А. «Съемки шли в экстремальных условиях» // 7 дней. Газета для всей семьи. Режим доступа: http://gate.belta.by/7days_plus.nsf/All/EB0FAD9AD7E6E274422573E7004DDA4D?OpenDocument, свободный.

³ Неслучайно генерал Л.Я. Рохлин, награжденный Президентом Б.Н. Ельциным звездой Героя России за участие в чеченской кампании, отказался принять это почетное звание, объяснив, что не имеет морального права получать награду за боевые действия против граждан своей страны.

⁴ Маркедонов С., Силаев Н. Кавказский фронт // Дружба народов. 2005. № 7, Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/7/mark11.html>, свободный.

Безусловно, решение проблемы «кавказского узла» – исторически длительный процесс, который де-факто только начинается. Но хочется надеяться, что спасительная «нить Ариадны» вот-вот будет обретена. Может быть, и с помощью кино.

РЕЗОЛЮЦИЯ
международной научной конференции
«Войны на Кавказе: уроки истории»,
посвященной 20-летию начала Отечественной войны
народа Абхазии 1992 – 1993 гг.

11 – 12 сентября 2012 г. в столице Абхазии, в г. Сухум проходила международная научная конференция «Войны на Кавказе: уроки истории», посвященная 20-летию начала Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. Конференция проходила в конференц-зале Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Приветственное слово от руководства Республики Абхазия зачитала первый вице-премьер правительства, председатель Оргкомитета конференции И.В. Вардания. На пленарном заседании присутствовали депутаты Народного собрания РА, руководство АН Абхазии, представители академических институтов, учебных заведений и общественности Абхазии. Для участия в конференции прибыли около 20 ученых из Российской Федерации и Республики Южная Осетия. Они представляли такие научные центры, как Институт Российской истории РАН, Институт востоковедения РАН, Московский государственный гуманитарный университет, Московский государственный областной университет, Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Музей антропологии и этнологии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Российского этнографического музея, Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону), Карабаево-Черкесского института гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарского института гуманитар-

ных исследований, Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Н. Ванеева.

Доклады были посвящены войнам и конфликтам на Кавказе, в основном с XIX в. по наши дни. Заседания проходили в атмосфере доброжелательности, вопросы и дискуссии были выдержаны в рамках академической этики. По результатам работы конференции предлагается следующая резолюция:

1. Провести в следующем году в Сухуме международную научную конференцию, посвященную 20-летию Победы в Отечественной войне 1992 – 1993 гг.

2. Издать материалы конференции «Войны на Кавказе: уроки истории».

3. Создать единое общекавказское научно-информационное пространство по исследованию конфликтов на Кавказе.

4. Проводить объективные и беспристрастные научные исследования по широкому спектру проблем, связанных с войнами на Кавказе.

5. Систематически, как минимум, один раз в год, проводить научные конференции, симпозиумы, «круглые столы» по вопросам кавказской geopolитики.

6. Изыскивать и разрабатывать пути и методы разрешения и упреждения конфликтов на Кавказе.

7. Предложить законодательным и исполнительным органам власти Республики Абхазия, Республики Южная Осетия и Российской Федерации принять законодательные акты и правительственные программы, обеспечивающие предоставление гражданства, осуществление репатриации и абсорбции для потомков жертв трагических событий XIX века.

8. Рекомендовать ведущим академическим научным учреждениям Абхазии, Южной Осетии и России давать соответствующие экспертные оценки публикациям, искажающим историческое прошлое народов Кавказа.

9. Предложить органам власти Абхазии, Южной Осетии, России адекватно реагировать на публикации по исторической тематике, способствующие оскорблению национальных чувств отдельных народов Кавказа.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие 3

A. Ф. Авидзба

О политических взаимоотношениях Абхазии и Грузии
в предвоенный период (1988–1992 гг.) 5

C. З. Лакоба

К 20-летию начала войны Грузии против Абхазии 12

Ю. М. Ботяков

Парламентеры грузино-абхазской войны: Р. Тванба 27

Ю. А. Дзиццойты

Крепость «гори» в осетинском нартовском эпосе 39

А. Ш. Кадырбаев

От османского подданства к союзу с Россией:
правление мамлюка абхазца Али-бея аль-Кабира
в Египте. 1757–1773 47

B. А. Дмитриев

Предметы воинской культуры народов Кавказа в собрании
Российского этнографического музея 54

С. Ш. Салакая

О грузинском факторе в Кавказской войне 67

З. Х. Ибрагимова	
Переселение кавказских горцев в Османскую империю как результат российско-турецкого миграционного союза	72
А. С. Мирзоев	
Некоторые особенности Черкесской (адыгской) цивилизации и традиционной этнической культуры.....	88
Р. А. Ханаху, Л. А. Делова	
Кавказская война XIX века в общественном мнении российских граждан.....	100
Л. П. Колодникова	
Проблемы взаимоотношений мировых империй в трудах русского геополитика А. Е. Снесарёва.....	110
Л. И. Цвижба	
Сыны Кавказа в рядах русской императорской армии: на примере Абхазии	121
Р. Гуажба	
Из истории Кавказской конной туземной дивизии: Абхазские всадники.....	149
Т. С. Бушуева	
1944 год: закрытое совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам истории СССР: причины созыва, итоги	165
Р. Х. Гаглоити	
О некоторых вопросах геноцида осетин и роли РФ в установлении мира на Кавказе.....	182
И. П. Добаев	
Террористическая война на Северном Кавказе	187
Э. Д. Эшба	
Абхазия и Грузия: текущая ситуация и возможные перспективы	203
О. А. Устинов, И. А. Устинова	
«Кавказский узел»: изображение чеченского конфликта в современном российском кинематографе и фильм А.Н. Сокурова «Александра» (социально-философский анализ)	211
Резолюция	225

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ВОЙНЫ НА КАВКАЗЕ: УРОКИ ИСТОРИИ»,
посвященной 20-летию начала Отечественной войны
народа Абхазии 1992-1993 гг.**

Редактор **Л.С. Пачулия**

Корректор **Л.З. Клычева**

Компьютерный набор **Л.Р. Чамагуа**

Компьютерная верстка **Н.Г. Гунба**

Формат 60x84 1/₁₆. Тираж 500. Физ. печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 13,485.
Заказ № 56.
Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.